

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 12 от 20.12.2024 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 20.12.2024 г. Формат 70x100 1/16.
 Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес издателя и типографии: 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024 г.

1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-3-10

ФЕЛЬЕТОННЫЙ ЦИКЛ «ПИСЬМА К ДЯДЮШКЕ» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТУАПСИНСКИЕ ОТКЛИКИ»

Болтуц О. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

Краснодар, Россия

E-mail: boltutsolga2017@gmail.com

В статье рассмотрена тематическая специфика фельетонного цикла «Письма к дядюшке» в контексте информационной политики газеты «Туапсинские отклики». Это позволяет выявить тенденции в формировании жанра фельетона в отечественной провинциальной периодике начала XX в. Показано, что отдел и жанр фельетона органично сосуществовали на страницах издания, удачно дополняя друг друга. Отмечено, что в тематическом плане фельетонный цикл «Письма к дядюшке» был тесно связан с основной проблематикой издания и зачастую «поддерживал» другие материалы номера.

Ключевые слова: периодика Черноморской губернии, «Туапсинские отклики», редакционная политика, Г.А. Патынский, Р.К. Рыбкин, фельетон, «Письма к дядюшке».

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. Черноморская губерния активно развивалась, и посад Туапсе в 1913 г. не был исключением: был заключен контракт на строительство порта, близилось к завершению строительство железной дороги Армавир – Туапсе. Население посада в связи с этим значительно увеличилось, однако Туапсе не имел собственного издания.

Чуть ранее, в феврале 1912 г., предпринималась попытка издавать газету «Берег Кавказа», однако она просуществовала меньше года. В качестве редактора был заявлен А. И. Вознесенский, а издателя – Р. К. Рыбкин. Газета продержалась всего восемь месяцев, и в октябре 1912 г. вышел последний номер: «Возможно, недолговечность существования стала причиной, по которой это издание не было внесено в “Сведения о печати на Кавказе” в “Кавказском календаре на 1913 год”». Однако крупнейший исследователь периодики Кубанско-Черноморского края Б. М. Городецкий его зафиксировал» [2, с. 69].

Через год, 24 ноября 1913 г., в Туапсе появилось новое издание – «политическая, общественно-экономическая газета «Туапсинские отклики» [18]. Б. М. Городецкий посвятил этому изданию всего несколько строк, указав период существования, а также фамилии редактора и издателя: «№1 – ноябрь 1913. Последний № – 18 июля 1914 г.» [2, с. 69].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Более подробную информацию о газете можно найти в «Указателе сочинений о Черноморском побережье Кавказа» Н. И. Воробьева:

«Туапсе.

2249. Туапсинские Отклики.

Еженедельная газета; выходила с ноября 1913 г. по 18 июля 1914 г. Издатель Род. Конст. Рыбкин. Редактор Григорий Алексеевич Патынский» [6, с. 251].

Однако в приведенных выходных данных есть неточности. На основании фактических данных можно утверждать, что первый номер вышел 24 ноября 1913 г., а последний, №35, в воскресенье 20 июля 1914 г. [19, с. 1]. Редактировал газету Григорий Алексеевич Патынский, издавал Родион Константинович Рыбкин.

Биографические данные, включая профессиональную деятельность Г. А. Патынского, еще предстоит выяснить. На данный момент установлено, что в феврале 1914 г. непродолжительное время Г. А. Патынский являлся и. о. агента Туапсинского агентства страхового общества «Россия» [14, с.1].

О деятельности издателя Р. К. Рыбкина известно больше. Можно высказать предположение, что он был ставропольским мещанином, затем переехал в Майкоп, а впоследствии обосновался в посаде Туапсе. В 1912 г. Р. К. Рыбкин в собственной паровой типографии издавал первую в Туапсе газету – «Берег Кавказа», «владел писчебумажным магазином с «предметами роскоши», переплетной мастерской «с громадным выбором шрифтов», аптекарским и парфюмерным магазином «Гигиена» с «всевозможными минеральными водами», а также агентурно-комиссионной конторой» [3, с. 223]. К началу издания «Туапсинских откликов» он продал типографию, но долгое время в рекламных объявлениях рядом с фамилией нового владельца типографии «Типография В. Ф. Лоренц» стояло «(бывш. Р. Рыбкина)». В 1914 г. он пробовал себя в новой сфере и ненадолго стал «посредником для Туапсе» при продаже «первоклассных автомобилей “Фиат”» [15, с. 1].

На основе фактических данных также удалось установить двух секретарей редакции – Ф. П. Доброхотова (№№ 1–33), Н.А. Назарова (№№ 34–35).

Об остальных сотрудниках «Туапсинских откликов» известно немного – большинство авторов, как это часто бывало в провинциальных изданиях, писали под псевдонимом: Чужой, Гр. Крайний, Туапсинец, Перекати-Поле, И. Борисов, Дубровский, Линч, Свой, Армавирец, Уран, Колючка, Струна, Игла, Ковычка и др.

«Туапсинские отклики» выходили по воскресеньям, на четырех страницах и знакомили читателей с главными событиями в жизни посада, страны и мира, произошедшими за неделю.

В редакционной статье первого номера – «Наш путь» – газета спешила рассказать о своих целях, ожиданиях и проблемах посада:

«Тернист путь печати в наше переходное время. Много случайностей тяжёлых и неприятных подстерегает на каждом шагу. Самые испытанные лоцманы печати садят свои большие и малые корабли на подводные камни... При таких условиях, кары, падающие на печать, почти неизбежны.

Газета в Туапсе нужна.

Жизнь каждого уголка нашего обширного отечества требует не столько циркуляров и обязательных постановлений для своего благоустройства, духовного и экономического процветания, сколько живой работы сплоченных сил населения.

Наличие газеты, как культурного фактора, само по себе вносит в жизнь данного уголка большую опрятность, способствует развитию здоровой общестственности.

Наша газета имеет скромное намерение обслуживать, по мере сил и возможности, интересы местные и только в случаях, когда интересы будут связаны в общероссийском узле, нам придется касаться и общих тем.

При дружной поддержке культурной части населения "Туапсинские отклики" будут жить и пассивно служить правде.

Девизом нашим на трудном пути всегда будет честное и искреннее слово»
[10, с. 1].

Сразу за ней шла следующая статья – «Из нашей жизни», в которой автор, укрывшись за инициалом *I*, в более доверительном тоне вновь говорил о предназначении газеты и о тех изменениях в жизни Туапсе, которые предстоит совершить читателям:

«Смею думать, что наша молодая газетка особенно чутко "откликнется" на все наши беды, язвы, безобразия, преступное бездействие и караемую законом деятельность. Беспристрастно будет критиковать и наше городское "само"управление, и портовых заправил, железнодорожных строителей, и разные ведомства.

Нам следует заняться благоустройством Туапсе... Теперь всем следует приложить силы, начнем строить наше Туапсе, чтобы оно скорее превратилось в городок культурной, здоровый, а главное, со здоровой общестственностью» [21, с. 1].

Действительно, начиная с первого номера, «Туапсинские отклики» последовательно стали освещать круг тем, важных для развития посада и актуальных для читательской аудитории.

Первой – самой важной и часто обсуждаемой – темой стал вопрос строительства Армавир-Туапсинской железной дороги. Нужно сказать, что это было значимым событием не только для Туапсе и Черноморской губернии в целом, но и для соседней Кубанской области, поэтому публикации о ходе строительства появлялись практически в каждом номере, в различных жанрах и рубриках. Строительство железной дороги должно было способствовать экономическому развитию Туапсе, однако работы затянулись на несколько лет, сопровождалась судебными процессами и большинство журналистских материалов в газетах Черноморской губернии носили критический характер.

«Туапсинские отклики» не стали исключением. Так, в рубрике «Хроника» в заметке «Горе вельяминовцев» рассказывалось о строительстве рабочими Армавир-Туапсинской железной дороги «водоотбойной дамбы», из-за которой «жителей при

малейшем разливе реки затапливает» [7, с. 3]; в перепечатке из «Батумского дня» с красноречивым названием «"Герой" Армавир-Туапсинской железной дороги» говорилось о финансовых махинациях Северо-Кавказского банка при строительстве железной дороги [8, с. 3], в фельетонной статье «Народная ли?» автор И. Борисов высказывал сомнение, что акционерами являются обычные казаки [5, с. 2]. Даже в некрологе А. Н. Кривенко, «крупного краевого общественного деятеля» подчеркивалось, что «самая большая заслуга Александра Николаевича – это постройка Армавир-Туапсинской ж. д.»: «Упорно борясь с О-м Владикавказской жел. дор., которая мешала осуществить ему его идею, ему в то же время пришлось привлекать на свою сторону людей со связями» [1, с. 3].

Вторая тема – правовая проблематика. «Туапсинские отклики» знакомили читателей с прецедентными судебными делами, местной криминальной хроникой, широко освещали принимаемые на уровне страны законодательные инициативы. Так, на страницах издания рассказывалось «о суде в Екатеринославе над Кущем и К, в Екатеринодаре над “Степными дьяволами”» [4, с. 2], о кражах, административных взысканиях, привлечении к ответственности местных жителей.

Особое внимание на страницах «Туапсинских откликов» уделялось процессу принятия закона о борьбе с пьянством. В рубрике «Среди газет» издание помещало подборку мнений о законопроекте от ведущих российских изданий – «Биржевые Ведомости», «День», в рубрике «За неделю» рассказывалось о «постатейном обсуждении законопроекта о борьбе с пьянством» в Государственной Думе [9, с. 2].

Третья тема – культурная проблематика. В поле зрения редакции попадали как известные отечественные писатели прошлого и настоящего (Т. Шевченко, Л. Толстой, М. Горький, Л. Андреев), так и культурные события современности.

Так, в отделе фельетон публиковались материалы преимущественно литературной направленности. Это могли быть и стихи, и статьи о кризисе современной литературы, и анализ новой книги священника П. Флоренского «Столп и утверждение истины». В отдельную группу можно выделить материалы о Максиме Горьком – он был невероятно популярен в тот период, и «Туапсинские отклики» старались сообщать всю актуальную информацию о писателе: о ведущихся переговорах публикации произведений М. Горького в приложении к журналу «Нива», о поездке писателя с женой в Финляндию.

Много внимания в публикациях уделялось и местным проблемам культурного характера, которые еще предстояло решить. В программной статье первого номера редакция заявляла о необходимости культурных изменений в Туапсе, и в дальнейшем в передовых редакционных статьях не уставала напоминать о том, что «одной из прямых обязанностей каждого городского самоуправления является забота об удовлетворении культурных запросов населения» [16, с.1].

С особым удовольствием редакция «Туапсинских откликов» рассказывала о модной новинке – кинематографе. В посаде имелось два «биографа» – электротeatры «Наука и жизнь», «Одеон». Из номера в номер на первой и второй полосе размещались рекламные анонсы кинокартин, а в постоянной рубрике «Зрелища» приводилось расписание показов с непременно указанием длины киноленты (своеобразный аналог продолжительности фильма).

Однако нужно отметить, что среди этого рода публикаций встречались и критические материалы, чаще всего они касались качества демонстрируемых фильмов.

Объясняя свой пристальный интерес к кинематографу, газета отмечала:

«У нас нет театра, нет настоящего искусства, а есть только суррогат, только кинематографическая лента. Поэтому понятно и законно наше желание найти в биографе хоть видимость удовлетворения как зрительным, так и эстетическим запросам» [20, с. 3].

Редакция не только приветствовала развитие культурной жизни в Туапсе, но и постоянно говорила о том, что необходимо еще сделать: упорядочить библиотеку, воссоздать читальню, создать музей в Народном доме, чтобы «положить фундамент духовно-интересной будущей жизни» [17, с. 3].

Нередко о проблемах культурного характера говорилось в сатирическом ключе:

«– С которого до которого часа бывает открыта для публики городская библиотека?»

– С 30 по 32.

– Но такого же времени не бывает.

– Ну, значит, она всегда закрыта.

– Почему же?

– Да открыть ее стыдно.

– Да-да. Там за запертыми дверями на полках расставлена только библиотечная комиссия, и вся в пыли сердечная» [13, с. 3].

Нужно отметить, что сатирическая направленность публикаций была характерной чертой «Туапсинских откликов». Статьи фельетонного характера, юмористическая рубрика «Тени». Особое место среди сатирических публикаций в «Туапсинских откликах» занимает стихотворный фельетонный цикл «Письма к дядюшке». Автор укрылся за псевдонимом Струна. Несмотря на то, что стихотворный фельетон был популярен в отечественной провинциальной периодике начала XX в., в газетах Черноморской губернии он практически не встречается.

Выбор названия для цикла, скорее всего, не случаен. Возможно, он восходит к фельетонам М. Е. Салтыкова-Щедрина «Письма к тетеньке» или к фельетонному циклу Скептика «Письма к приятелю», опубликованному в новороссийской газете «Черноморское побережье». Если М. Е. Салтыков-Щедрин в качестве тем выбирал события общероссийского масштаба, то Скептик с иронией рассказывал о жизни новороссийского общества.

В поле зрения автора фельетонного цикла «Письма к дядюшке» попадали и международные, и общероссийские события, и местные «злобы дня». Диапазон тем был необычайно широк – от новогодних праздников в Туапсе до конфликта на Балканах, и чаще всего в одном фельетоне сочеталось несколько тем.

Как правило, сначала информация об этих событиях встречалась в статьях, заметках, новостях, хронике «Туапсинских откликов» и лишь затем они становились темой очередного «Письма к дядюшке». Большинство фельетонов цикла было

связано с основной проблематикой издания. Так, одной из тем «Письма к дядюшке. XI» стали финансовые проблемы при строительстве Армавир-Туапсинской железной дороги.

«Героем» фельетона стал француз Жюстен Першо, который имел прямое отношение к строительству и часто становился участником судебных процессов. Его компания получила многомиллионный подряд, но свои обязательства выполнять не спешила. Как правило, адвокаты доказывали его невиновность, а местные издания публиковал саркастические материалы по этому поводу. Фельетонист Струна язвительно отмечал:

*«Один лишь общий друг –
Першо
Твердит спокойно:
– Карашо! Россия – лючки, чем
Европ.
Тут мне сказать не мо-
гут “стоп”!
Одним руками потерял,
Другой – в три раза больше взял...»* [12, с. 3].

Другой темой фельетона стал широко обсуждаемый на страницах «Туапсинских откликов» закон о борьбе с пьянством. Струна иронично отмечала:

*«Поблекли краски всех знамен!
И даже “красные носы”,
Чем горд был русский человек,
Последний доживают век,
Смутившись “трезвой полосы”»* [12, с. 3].

«Письма к дядюшке» публиковались в рубрике «Фельетон» и занимали постоянное место на третьей странице. Первое «Письмо...» появилось в № 1, последнее – в № 13, всего было опубликовано 11 фельетонов.

Последний, 35 номер «Туапсинских откликов» вышел 20 июля 1914 г. На второй странице появилась новая рубрика – «Война (Последние известия)», в которой публиковалась информация военного характера из Австрии, Италии, Англии, а также официальные сообщения об «отношении русского правительства» к событиям на Балканах. Чуть дальше, среди журналистских материалов, рекламы, стихов, отчетов, на третьей странице разместилось небольшое редакционное объявление:

«Дальнейший выход в свет газеты “Туапсинские отклики” временно, ввиду призыва редактора Г. А. Патынского и издателя Р. К. Рыбкина в ряды армии, будет приостановлен. Вместо газеты предполагается ежедневно выпускать телеграммы. Редакция» [11, с. 3]

Однако этим планам не суждено было сбыться. Газета прекратила свое существование, и дальнейших известий о судьбах редактора и издателя «Туапсинских откликов» найти не удалось.

ВЫВОДЫ

Газета «Туапсинские отклики», выходящая в 1913–1914 годах, органично продолжала традиции периодики Черноморского побережья. Важной особенностью редакционной политики издания стала сатирическая направленность публикаций.

В газете «Туапсинские отклики» фельетон существовал и в виде отдела, и в виде жанра, что было характерно для газет Черноморской губернии начала XX в. В отделе фельетон публиковались материалы преимущественно литературного характера. Публикации в жанре фельетона могли появляться в рубриках «Фельетон», «Тени», в виде отдельных материалов и были, как правило, посвящены местным «злобам дня».

Особое место в информационной политике издания занимал стихотворный фельетонный цикл «Письма к дядюшке», который был связан с основной проблематикой издания.

Диапазон тематики фельетонного цикла «Письма к дядюшке» был достаточно широк: от новогодних праздников до общероссийского законодательства и войны на Балканах. В отдельную группу стоит выделить фельетоны цикла, посвященные проблемам провинциальной журналистики. Как правило, в рамках одного фельетона присутствовало несколько сюжетов, зачастую не связанных между собой.

Список литературы

1. А. Н. Кривенко // Туапсинские отклики. – 1913. – №12. – С. 2.
2. Болтуц О. А. «Туапсинские отклики»: «девизом нашим всегда будет честное и искреннее слово» // Журналистика. Мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: материалы VI Всеросс. научно-практич. конф. посвященной памяти Г.М. Соловьева. – Краснодар, 2022. – С. 68–72.
3. Болтуц О. А. «Берег Кавказа» в системе прессы Черноморской губернии // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 5: материалы Международной научной конференции (Майкоп, 21-22 октября 2016г.). – Майкоп, 2016. – 400 с.
4. Борисов И. Кошмар // Туапсинские отклики. – 1913. – № 2. – С. 2.
5. Борисов И. Народная ли? // Туапсинские отклики. – 1913. – № 5. – С. 3.
6. Воробьев Н. И. Избранные труды. – Сухум: РУП «Дом печати», 2022. – 288 с.
7. Горе вельяминовцев // Туапсинские отклики. – 1913. – № 3. – С. 3.
8. Д-ъ. «Герой» Армавир-Туапсинской железной дороги // Туапсинские отклики. – 1913. – № 1. – С. 3-4.
9. За неделю // Туапсинские отклики. – 1913. – № 10. – С. 2.
10. Наш путь // Туапсинские отклики. – 1913. – № 1. – С. 1.
11. От редакции // Туапсинские отклики. – 1913. – № 35. – С. 3.
12. Письма к дядюшке. XI // Туапсинские отклики. – 1913. – № 12. – С. 3.
13. Разговоры // Туапсинские отклики. – 1913. – № 2. – С. 3.
14. Рекламное объявление // Туапсинские отклики. 1914. – № 12. – С.1.
15. Рекламное объявление // Туапсинские отклики. 1914. – № 28. – С.1.
16. Туапсе, 1 декабря 1913 г. // Туапсинские отклики. – 1913. – № 2. – С. 1-2.
17. Туапсе, 8 декабря 1913 г. // Туапсинские отклики. – 1913. – № 3. – С.1-2.
18. Туапсинские отклики. – 1913. – № 1. – С. 1.
19. Туапсинские отклики. – 1914. – № 35. – С. 1.
20. М. Местная жизнь // Туапсинские отклики. – 1913. – № 2. – С. 3.
21. I. Из нашей жизни

References

1. A.N. Krivenko [A.N. Krivenko]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 12, pp. 2.
2. Boltuc O.A. «*Tuapsinskie otkliki*»: «*devizom nashim vsegda budet chestnoe i iskrennee slovo*» [«*Tuapsinskie otkliki*»: «our motto will always be an honest and sincere word»]. *Zhurnalistika*.

- Multimedia: informacionnyj i sociokulturnyj potencial: materialy VI Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvyashennoj pamyati G.M. Soloveva.* Krasnodar, 2022, pp. 68-72.
3. Boltuc O.A. «Bereg Kavkaza» v sisteme pressy Chernomorskoj gubernii [«Bereg Kavkaza» in the press system of the Black Sea province]. *Kross-kulturnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj kommunikacii – 5: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Majkop, 2016. 400 p.
 4. Borisov I. *Koshmar* [Nightmare]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 2, pp. 2.
 5. Borisov I. *Narodnaya li?* [Is it popular?] *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 5, pp. 3.
 6. Vorobev N.I. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Suhum, RUP «Dom pečati», 2022. 288 p.
 7. *Gore velyaminovcev* [The grief of the Veliaminovites]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 3, pp. 3.
 8. D. «“Geroy” Armavir-Tuapsinskoj zheleznoj dorogi» [“Hero” of the Armavir-Tuapse railway”]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 1, pp. 3–4.
 9. *Za nedelyu* [In a week]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 10, pp. 2.
 10. *Nash put* [Our Way]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 1, pp. 1.
 11. *Ot redakcii* [From the Editor]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 35, pp. 3.
 12. *Pisma k dyadyushke. XI* [Letters to Uncle. XI]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 12, pp. 3.
 13. *Razgovory* [Conversations]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 2, pp. 3.
 14. *Reklamnoe obyavlenie* [Advertisement]. *Tuapsinskie otkliki*, 1914, no. 12, pp. 1.
 15. *Reklamnoe obyavlenie* [Advertisement]. *Tuapsinskie otkliki*, 1914, no. 28. – pp. 1.
 16. *Tuapse, 1 dekabrya 1913 g.* [Tuapse, December 1, 1913]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 2, pp. 1-2.
 17. *Tuapse, 8 dekabrya 1913 g.* [Tuapse, December 1, 1913]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 3. pp. 1-2.
 18. *Tuapsinskie otkliki* [Tuapse Responses], 1913, no. 1, pp. 1.
 19. *Tuapsinskie otkliki* [Tuapse Responses], 1914, no. 35. pp. 1.
 20. N. *Mestnaya zhizn* [Local life]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 2, pp. 3.
 21. I. *Iz nashej zhizni* [From our life]. *Tuapsinskie otkliki*, 1913, no. 1, pp. 1.

FEUILLETON CYCLE "LETTERS TO UNCLE" ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "TUAPSINSKIYE OTKLIKI"

Boltuts O. A.

The article examines the thematic specifics of the feuilleton cycle “Letters to Uncle” in the context of the information policy of the newspaper “Tuapsinskie otkliki”. This makes it possible to identify trends in the formation of the feuilleton genre in domestic provincial periodicals of the early 20th century. “supported” other materials in the issue. It is shown that the department and genre of feuilleton organically coexisted on the pages of the publication, successfully complementing each other. It is noted that thematically, the feuilleton cycle “Letters to Uncle” was closely related to the main issues of the publication and often “supported” other materials in the issue.

Key words: periodicals of the Black Sea province, “Tuapsinskie otkliki”, editorial policy, G. A. Patynsky, R. K. Rybkin, feuilleton, “Letters to Uncle”.

УДК 808.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-11-22

ЛИТЕРАТУРОГЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО МАСТЕРСТВА: ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ КРОССДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Капустина С. В.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: kapustina_s_v@mail.ru*

В статье, во-первых, доказывается актуальность исторически обусловленного взаимовлияния русской литературы и журналистики, т. е. демонстрируется, что апелляции современных представителей сферы медиа к классике не только позитивно влияют на выразительность создаваемого ими контента, но и позволяют значительно расширить его смысловой объем. Во-вторых, обосновывается рациональность введения в тезаурус медиаобразования термина «литературогенность», обозначающего константный, независимый от вызовов времени приоритет журналистского мастерства. Утверждается, что это понятие применимо как к истории отечественной журналистики, так и к методике обучения составлению медиатекстов. В-третьих, моделируются алгоритмы кроссдисциплинарного подхода, нацеленного на формирование у студентов специальности «Журналистика» как целостного представления об аксиосфере выдающихся русских литераторов, поэтике их произведений, так и о тех элементах идиостиля, потенциал которых может быть реализован в современных медиатекстах.

Ключевые слова: литературогенность, литературоцентричность, журналистика, литература, словесность, медиаобразование, кроссдисциплинарный подход.

ВВЕДЕНИЕ

Тезис о ближайшем родстве литературы и журналистики, на первый взгляд, предельно аксиоматичен, однако современные исследователи все чаще предпринимают попытки сепарировать названные области гуманитаристики. Филологи, например, констатируют «кризис литературоцентризма», снижение «эффекта "всеприсутствия" литературы, ориентировавшей многие социальные практики на книжно-литературные образцы» [15, с. 5]; специалисты же в сфере медиа, отмечая важность филологической подготовки исключительно для литературных сотрудников, корреспондентов и редакторов, настаивают на том, что «в журналистике есть и иные направления работы и другие профессиональные роли (режиссер, продюсер, медиаменеджер), для которых филологические знания и умения уже не являются критической технологией, а более значимы, допустим, экономическое мышление и управленческая мысль, понимание общественных и аудиторных процессов» [11, с. 129]. Стремление медиатеоретиков если не сбросить литературу с журналистского корабля современности, то хотя бы диагностировать ослабление кровных уз литературы и журналистики вследствие бизнес-прагматизации последней претендует сегодня на статус тренда¹. Необходимостью

¹ Например, Г. В. Жирков утверждает, что «прощание журналистики с литературным процессом» [12, с. 6] началось еще на рубеже XIX–XX вв. По мнению исследователя, «...существенное значение в обособлении журналистики России от литературного процесса, в ее самоопределении имели капитализация экономики страны, появление более свободного информационного рынка и политизация общества» [12, с. 6].

доказать критичность, приоритетность и априорность литературной подготовки в практике журналиста вне зависимости от планируемой либо выполняемой им «профессиональной роли» определяется актуальность настоящей статьи.

Ее цель – обоснование методической эффективности кроссдисциплинарного литературно-ориентированного подхода в рамках вузовских образовательных программ специальности «Журналистика», направленного на формирование целостного представления студентов о словесно-трансфессиональной деятельности русских писателей XIX–XX столетий; эйдологической канве их художественных и публицистических произведений, особенностях творческого метода и элементах авторского стиля.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Корневая общность литературы и журналистики особенно подчеркивалась в XIX в. В. Г. Белинский обозначал в качестве их генетической скрепы словесность, к которой принадлежит «всё, что находит свое отражение в слове» [3, с. 620]. Аналогичная семантика будто бы проявлялась в устаревших ныне, но востребованных два столетия назад эвфемистических номинациях с общим генетико-маркирующим элементом «словесность»: при идентификации литературы к нему добавляли эпитет «изящная», при обозначении журналистики¹ – «срочная» (см.: [6]). Указанными характеристиками определялся приоритетный функциональный вектор словесного отражения действительности: в первом случае – эстетический, во втором – извещающий. Безусловно, с течением времени расширились представления как о литературном, так и о журналистском творчестве, однако, несмотря на новые вызовы цифровой эпохи, общность «генетического кода» названных способов текстуализации события (или со-бытия) сохранилась – и это обязательно следует учитывать при разработке вузовских образовательных программ как для специалистов медиасферы в целом, так и для журналистов в частности.

Ю. М. Ершов справедливо отмечает: «Сегодня границы журналистской профессии становятся более подвижными. Появляется много невиданных ранее профессиональных ролей и новых специализаций, что заставляет нас учить не только вглубь, но и поверх профессиональных профилей» [11, с. 127]. Полагаем, что зафиксированное исследователем «вглубь» соотносится с архиважным для каждого журналиста навыком – продуцированием содержательно насыщенных, композиционно логичных и максимально соответствующих литературным нормам текстов, которые могут быть эксплицированы как в заранее подготовленной письменной (печатной) форме, так и в импровизационно составленных устных монологических высказываниях. Примечательно, что важность последней из перечисленных форм реализации журналистского мастерства часто игнорируется

¹ Следует заметить, что в обозначенный период и слово «журналист» имело несколько другой, отличный от современного, смысловой объем. В. Н. Захаров отмечает, что в XIX в. «журналистами часто называли <...> чиновников, которые вели журналы заседаний, документацию, делопроизводство» [13, с. 20]. К современному восприятию это понятие, по мнению В. Н. Захарова, приблизил Ф. М. Достоевский, который «употреблял слово *журналист* исключительно в литературном смысле, имея в виду авторов, пишущих в газеты и журналы, сотрудников периодических изданий» [13, с. 20].

при подготовке соответствующих вузовских программ: стереотипно отработка навыка продуцирования устного текста ограничивается рамками дисциплин универсальных компетенций – «Культурой речи и делового общения», «Риторикой», «Информационно-коммуникативными технологиями» и т. д. – хотя он, прежде всего, является следствием высокой читательской культуры обучающихся, их всесторонне внимательного отношения к произведениям классической литературы¹. Неслучайно гениальные писатели, по А. Л. Бему, изначально были «гениальными читателями», глубинно постигающими художественные тексты предшественников и современников [4]. Аналогичная закономерность, думается, распространяется не только на литераторов, но и на всех тех, кто сегодня профессионально работает с письменным и устным словом, т. е. журналистов всех направлений.

В современных теоретико-методических исследованиях, посвященных актуальным проблемам вузовского медиаобразования, представлен и традиционный – исторически обусловленный² – подход к изучению журналистики в ее тесной связи с литературой. Например, А. А. Дякина отмечает: «Профессионализм современного журналиста не сводится только к высокому уровню владения специальной техникой и мультимедийными навыками. Он традиционно определяется основательной филологической базой, позволяющей во все времена создавать качественный медиатекст» [10, с. 654]. Е. И. Орлова, обосновывая правомерность идентификации журналистики как «вида литературной деятельности» [20, с. 166], замечает: «Журналистика и создает во многом литературный процесс, сама являясь его частью и одновременно организуя его <...> журналистика связана с литературой по самой своей природе: работа со словом, создание текста» [20, с. 166]. Аналогичная мысль служит концептуальным камертоном научного труда Е. Ю. Гордеевой, в котором аргументируется, во-первых, непрерывное взаимовлияние художественной литературы и журналистики; во-вторых, продуктивность включения в учебный план направления «Журналистика» тезоименной приведенному тезису элективной дисциплины; в-третьих, целесообразность введения в основной тезаурус предметов по истории отечественной журналистики термина «литературоцентричность» [6].

¹ Важность безупречного владения устным словом в практике журналиста подчеркивается комплексом соответствующих дисциплин, читаемых на бакалавриате специальности «Журналистика» в Институте медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). Среди таковых: «Риторические основы журналистики», «Работа пресс-служб и спичрайтинг» и т. д.

² Считать этот подход исторически обусловленным в российских журналистско-методических штудиях авторам настоящей статьи позволяет ряд фундаментальных трудов 70-х – 80-х гг. XX ст., которые заложили традицию изучения истории отечественной журналистики в ее непосредственной связи с литературным процессом XIX–XX вв. Например, современный курс «Литературный процесс и российская публицистика», читаемый на II курсе бакалавриата специальности «Журналистика» в Институте медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, разрабатывался, в том числе, по канонным тематическим моделям, выведенным в двухтомнике ИМЛИ им. А. М. Горького «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.» под ред. Б. А. Бялика. Как верно заметил Л. Долгополов, названный труд – «это не история журналистики в собственном смысле слова, и не история литературы. Здесь впервые предпринята попытка совместить одно с другим, посмотреть “историю литературы сквозь призму журналистики”» [7, с. 262].

Предложенное Е. Ю. Гордеевой понятие, вне всякого сомнения, отражает суть разработанной и апробированной ею дисциплины свободного выбора «Проблемы взаимовлияния художественной литературы и журналистики»¹. Однако оно представляется не совсем корректным в перспективном ракурсе, так как не исключает возможное изменение характера соотношения исследуемых объектов от центра к периферии. Для того, чтобы подчеркнуть константность ближайшего родства литературы и журналистики, считаем оправданным введение в теоретико-методологический арсенал медиаобразования термина «литературогенность». Полагаем, что он применим как в контексте исторического развития отечественной журналистики, так и в парадигме изучения базисных технологий журналистского мастерства.

Например, прием литературной аргументации, на первый взгляд, может представляться не особо востребованным в современных медиапродуктах, ассоциироваться с «преданием старины глубокой» либо школьным сочинением. Однако анализ печатных и телевизионных работ актуальной социальной повестки, созданных авторитетными российскими журналистами в первую четверть XXI столетия, доказывает обратное². Для обоснования этого тезиса обратимся к новейшему творчеству отечественных журналистов. Так, фильм-расследование Аркадия Мамонтова «Иноагенты» (2024) начинается с апелляции к Ф. М. Достоевскому как пророку России и пояснению ключевого понятия документальной ленты через филигранно выведенный писателем образ Смердякова. В преамбуле к видеоповествованию о лакействующих перед постмиллениальным Западом современниках звучит речь европействующего лакея из написанного в конце XIX в. романа «Братья Карамазовы» – и эта параллель не только подтверждает

¹ Симптоматично, что у названного курса имеются концептуальные аналоги в других российских вузах (см.: [16]).

² Перечню и анализу таковых работ целесообразно посвятить отдельное научное исследование. Однако, приводя в теле статьи пример литературогенного видеопrodukта 2024-го г., считаем необходимым – хотя бы для иллюстративного баланса – назвать и новейшее публицистическое издание, апеллирующее к классике. Таковым является книга А. П. Машенко «Нахвтанное – ребром выперло! (Распад Украины в записках журналиста: 1997–2024)» [18]. Неординарное название современного произведения отсылает к прозе А. И. Солженицына. В главе «Славянская трагедия» из книги «Россия в обвале» он пишет: «В самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка ее – именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь – Херсон – Одесса) и Крым <...> Эта изначальная психологическая ошибка – непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 % населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: Нахвтанное – ребром выпрет» (цит. по: [18, с. 5]). Обоснованный прогноз А. И. Солженицына сбился. И это констатировал А. П. Машенко в заголовке своей книги. Для эффекта «ответной реплики» классику он, подчеркивая совершившееся, изменил время глагола в приведенной пословице – «Нахвтанное – ребром выперло!» – и доказал справедливость остроумно сформулированного ответа фактами из собственных статей, составивших идейное ядро книги.

прозорливость «реалиста в высшем смысле», но и емко характеризует сущность тех клеветников сегодняшней России, которые в фильме А. В. Мамонтова не раз будут названы «потомками Смердякова». Кинорасследование об иноагентах, которые, также, как и герой Достоевского, ненавидят родину и желают праха своему дому, завершается цитированием слов Евгения Павловича Радомского из романа «Идиот» о русском либерале, который «дошел уже до того, что отрицает самую Россию и бьет свою мать...» [9, с. 176]. Пояснение классикой реалий современности дает возможность режиссеру, во-первых, представить материал максимально выразительно и иллюстративно, а во-вторых, подспудно обозначить перспективу исследуемого феномена, т. е. отсылками к сюжетам «Великого пятикнижия» Достоевского будто бы спрогнозировать трагический финал адептов смердяковщины или русского либерализма.

Литературогенность журналистского мастерства А. В. Мамонтова, как видим, открывает ему как автору дополнительные способы медиатекстуальной смыслопередачи; позволяет «закольцевать» композицию фильма-расследования и расширить его хронотопический контекст соположением политических реалий «века нынешнего» и «века минувшего». Вооружит ли подобным арсеналом средств текстопродукции профессиональная подготовка журналистов, ориентированная не столько на повышение читательской культуры, сколько на совершенствование «экономического мышления и управленческой мысли»? Справится ли большинство сосредоточенных на основах медиамедиаэлемента и продюсирования специалистов с первостепенной журналистской задачей – созданием оригинального, логичного, семантически объемного, выразительного и концептуально целостного медиатекста? Отрицательные ответы на поставленные вопросы, думается, очевидны. Для того, чтобы будущие журналисты могли достойно продолжить дело мэтров медиаиндустрии, в соответствующих образовательных программах высшей школы должна быть приоритетно обозначена исконная составляющая их профессии – литературогенность.

Широкий смысловой охват названного феномена позволяет избрать его в качестве интегрального параметра при кроссдисциплинарном подходе в вузовской подготовке журналистов. В настоящей статье будут обозначены основные алгоритмы реализации этого подхода, апробированные в процессе обучения студентов специальности «Журналистика» Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Самым очевидным элементом кроссдисциплинарных связей, нацеленных на формирование литературогенности журналистского мастерства, безусловно, является предмет «Русская литература». Его цель – актуализация и совершенствование знаний обучающихся о вехах литературного процесса XIX–XX столетий, биографиях выдающихся русских писателей и поэтов, их наследии и особенностях творческого метода. Вполне закономерно, что для рассмотрения столь объемного литературного контекста за два семестра преподавателю необходимо проявить избирательность и скомпоновать содержание предмета так, чтобы намеренно созданные контент-лакуны восполнялись в ходе изучения последующих (иногда – параллельно читаемых) тематически созвучных дисциплин.

Проиллюстрируем этот тезис алгоритмами реализации кроссдисциплинарного подхода к биографии и творчеству Ф. М. Достоевского. В курсе «Русской литературы» будущим журналистам необходимо представить, прежде всего, биографию писателя, но без подробного разбора тем, которые уместно рассмотреть в рамках таких дисциплин, как: «Литературный процесс и отечественная публицистика» (например, «Достоевский-публицист: "Дневник Писателя" как эго-документ, моножурнал и "миросозидающий проект"¹»); «История отечественной журналистики» («Журналы "Время" и "Эпоха" как издательские "пробы" братьев Достоевских»); «Литературный процесс и зарубежная публицистика» («Образ пророка России в зарубежной публицистике: рефлексия на творчество А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского»). В качестве «интегративных связей», расширяющих представление обучающихся о литературных предпочтениях Ф. М. Достоевского, можно предложить компаративные задания, составленные «на перекрестье» курсов «Русская литература» и «Зарубежная литература». К примеру, это могут быть семинарские доклады по теме «Достоевский-читатель: немецкий романтизм как один из его творческих ориентиров» (в частности, «Влияние творчества Э. Т. А. Гофмана на Ф. М. Достоевского. Мотив двойничества»; «Шиллер и Достоевский: спасет ли мир Красота?» и т. д.). В целом, импульсы творческого влияния на конкретного писателя и/или поэта рекомендуется обязательно обозначать как внутри курса «Русская литература» (например, влияние на Ф. М. Достоевского А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова; роль в его биографии И. С. Тургенева, А. И. Герцена, Н. А. Чернышевского), так и в интеграции с «Зарубежной литературой». Такое решение будет способствовать формированию у студентов целостного и системного представления о литературном процессе определенного периода.

Методологически оправданным представляется также внедрение комплексного подхода при изучении художественных произведений конкретного литератора. Несмотря на то, что эйдологическую целостность и поступательность наследия литературоведы отмечают, прежде всего, у Ф. М. Достоевского (см.: [8], [24] и др.), считаем целесообразным применение названного подхода к творчеству всех больших русских писателей и/или поэтов, которые проявили себя в словесно-трансфессиональной ипостаси (т. е. состоялись также и как издатели, редакторы, корреспонденты).

Суть комплексного подхода в преподавании русской литературы на разных уровнях была детально и максимально иллюстративно изложена нами в монографии «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы» [8]. В частности, для его реализации предлагалось выстраивать эйдологически поступательные «вертикали», состоящие из разных художественных текстов классика, которые будто бы подготавливали обучающихся к полифонии идей «Великого пятикнижия» Достоевского. К примеру, перед обращением к тексту «Преступления и наказания» рекомендовалось ознакомиться с содержанием таких произведений, как: «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Неточка Незванова», глава «Мальчики» из романа «Братья Карамазовы», «Сон смешного человека», «Записки из подполья» [8, с. 149]. Доказывалось, что предварающий

¹ «Миросозидающим проектом» «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского назвал в своей статье И. Л. Волгин [5].

комплекс текстов «должен "притяжениями и созвучиями" настраивать на понимание и толкование, во-первых, образа Раскольникова (противоречия, ведущие к бунту; добровольная оторванность от "живой жизни"; соблазнение идеей беспорядка при перспективе возрождения); во-вторых, – ключевых мотивов (одиночество = "деление на эгоизмы"; лже-умствования; самопревозношение; грехопадение; жажда очищения; раскаяние); в-третьих, специфических способов изображения диалектики внешнего и внутреннего (антураж Петербурга; ракурс сновидения; диалог героя и ребенка)» [8, с. 145].

Апробация комплексного подхода к изучению творчества русских классиков в журналистской аудитории открыла новые литературогенные кроссдисциплинарные «связки», нацеленные на повышение уровня профессиональных компетенций обучающихся. Так, анализ рассказа «Сон смешного человека» осуществлялся нами «на перекрестье» двух дисциплин – «Русской литературы» и «Основ медиапроизводства». Первостепенно – на лекционном занятии – был представлен ознакомительный материал об эйдологических приоритетах малой прозы «Дневника Писателя»; антропологических открытиях Ф. М. Достоевского; специфике изображения им фантастического; аксиологических устремлениях «Смешного человека»; мотиве кризисного сна, пробуждающего к «живой жизни»; «сквозному» для произведений классика «детскому вопросу» и убежденности автора в том, что «душа исцеляется рядом с детьми». Семинар предполагал просмотр мультипликационного фильма А. К. Петрова «Сон смешного человека» (1992) и обсуждение не только его концептуальных сходств и различий с каноном, но и причин выбранной режиссером техники анимации (живопись по стеклу), способов ее воплощения на современном оборудовании, востребованности в современной медиасфере и т. д.

Для расширения границ интертекстуализации собственных медиапродуктов, корректного цитирования в них строк из классики, а также моделирования лингвокреативных элементов будущим журналистам необходимо не просто знакомиться с сюжетами «бессмертных произведений», а читать их, по слову А. Н. Ужанкова, «с карандашом в руке»¹ [22]. С целью контроля такого рода чтения целесообразно дать обучающимся задание вести читательский дневник. Формат его выполнения свободный – от традиционных записей в тетради до оформления цитат в виде слайдов. Принципиально, чтобы студенты разграничивали отмеченные фрагменты на: 1) «медиапродуктивные» (т. е. легко обыгрываемые в современных контекстах); 2) «концептуально объемные» (т. е. побуждающие к размышлению, но далеко не всегда лаконичные). Выполнение такого масштабного задания, во-первых, должно быть оценено в рамках курса «Русская литература», а во-вторых, послужить «фундаментом» для последующих упражнений по «Медиалингвистике», а также «Практической стилистике и редактированию медиатекстов». В частности, студентам рекомендуется предложить задание, направленное на практическое доказательство «медиапродуктивности» выписанных цитат посредством введения их в самостоятельно созданные журналистские произведения разных жанров.

¹ Такое чтение иначе называлось исследователями «медленным», «чтением вглубь», «чтением по каплям» и др. (подробнее см.: [2, с. 173]).

Важным с точки зрения распознавания авторского стиля выдающихся русских литераторов может быть работа с составленной преподавателем презентацией, в которую включены как цитаты из прочитанных обучающимися классических произведений, так и популярные в соцсетях демотиваторы с псевдоцитатами (подробнее об этой проблеме см.: [14]). Дифференцируя подлинные и ложные фрагменты произведений, студенты должны обосновать, почему анализируемый материал соотносится либо не соотносится с идиостилем конкретного литератора.

Воспроизводимые дидактические механизмы отдельных заданий, ориентированных на развитие текстопродуцирующего навыка у журналистов, были заимствованы нами из теоретико-методических работ тех преподавателей-практиков, которые эмпирически доказали эффективность культивирования литературогенности в медиаобразовании. В частности, Е. О. Матвеева обосновала методологическую ценность задания, предполагающего «обыгрывание сюжета классического произведения в современном публицистическом тексте» [17, с. 217]. По мнению исследовательницы, нацеленность студентов на «актуализацию прецедентных культурных феноменов в собственном творчестве» предполагает «выбор определенной социальной проблемы, обоснование выбора произведения классической литературы, иллюстрирующего идею автора, подбор цитат и афоризмов классического текста» [17, с. 217], т. е. основных «механизмов», запускающих отработку тех профессиональных компетенций журналиста, которые М. Г. Уртминцева выразительно назвала «гибкими» [23].

В качестве примера выполнения этого задания Е. О. Матвеева приводит студенческую статью, в которой классический сюжет Д. И. Фонвизина адаптируется к образовательным проблемам постмиллениалов – «Митрофанушки наших дней» [17, с. 217]. Такой вариант упражнения, «интегрирующего» узнаваемый литературный сюжет в современную медиасферу, вне всякого сомнения, полезен для журналистской «пробы пера». Однако на его «дидактической канве» можно составить и иное задание, игровой элемент которого максимально позитивно – с «творческим азартом» – воспринимается студентами. Например, в рамках дисциплины «Медиалингвистика» автором настоящей статьи было смоделировано литературно-ориентированное упражнение, мотивирующее студентов написать текст в жанре ньюс-фиче, в котором будет «аллюзивно растворен» какой-либо литературный сюжет. Авторское прочтение ньюс-фиче должно завершаться аудиторным «отгадыванием» исходного классического текста. Выполнение этого упражнения продемонстрировало, что самыми прецедентно-востребованными литературными жанрами среди начинающих журналистов являются басни и сказки. С одной стороны, это объяснимо линейностью их сюжетов, однозначной аксиологической полюсностью, четким морально-этическим посылом. С другой же, – частотность подобных апелляций может быть проявлением актуальной проблемы не(про)чтения классики современной молодежью, намеренного тяготения «людей экрана» к максимально коротким по объему художественным текстам.

Решить обозначенную проблему некоторые исследователи предлагают через сокращение количества рекомендованных студентам-журналистам художественных текстов русской классики либо посредством составления альтернативного списка

«малообъемной» литературы. Так, Н. А. Анисимов утверждает, что «...целесообразно предлагать студенту два списка-перечня для чтения. В первый – обязательнейший – включаются произведения, как правило, малого объема, на материале которых и осуществляется конкретная практическая работа. Во второй список – рекомендательный – включаются произведения большого объема, освоение которых допускает, помимо чтения, применение опосредованных, паллиативных способов» [1, с. 71]. Полагаем, что ограниченность круга чтения исключительно малыми жанрами классики может обернуться для будущего журналиста ограниченностью доступа к глобальному культурному контексту России, скудостью красок в профессиональной палитре текстопродуцирования. Необходимо учесть, что журналистский труд априори тяжел и непрерывен. Многообразие классических произведений не должна препятствовать знакомству с ними будущего журналиста, ведь в успешной профессиональной практике он будет ежедневно обрабатывать не меньшие объемы информации. Именно поэтому нужно не «облегчать» списки для чтения, а строго отбирать тех абитуриентов, которые полностью освоили школьную программу по русской литературе – и тем самым подготовили необходимый базис для совершенствования литературогенного журналистского мастерства в вузе.

Л. А. Поелуева и А. А. Индрикова настаивают на том, что русская классика «как программа по воспитанию важнейших для России ценностей просветительского универсализма» и регулятор «магистрального направления социокультурного и цивилизационного развития» должна быть первостепенно учтена в образовании будущих представителей российской интеллектуальной элиты – журналистов [21, с. 752]. Ориентируясь на справедливо обозначенную исследователями перспективную статусность нынешних студентов, преподавателям вузов необходимо помнить, что они готовят не рядовых «инфоофициантов», спешащих ежечасно выдать на-гора фиксированное количество килознаков, а мастеров приготовления изысканных информационных блюд, качество которых удовлетворит даже самого филологически искушенного гурмана. Именно поэтому нельзя адаптировать образовательные программы под «нечитающих» студентов, которые впоследствии рискуют стать непишущими и неговорящими псевдожурналистами.

ВЫВОДЫ

Успешно апробированные автором настоящей статьи алгоритмы кроссдисциплинарного подхода, нацеленного на утверждение литературогенности в качестве надвременного приоритета журналистского мастерства, воспроизводимы, вариативны, дополняемы. В качестве «интегративных связок» преподавателям рекомендуется избирать тематически сопряженные блоки тех дисциплин, которые ориентируют будущих журналистов на постижение эталонных произведений русской литературы и способствуют совершенствованию их профессиональной метакомпетенции – «созданию грамотного во всех отношениях текста» [10, с. 657]. Перспектива настоящего исследования – написание учебно-методического пособия, ориентированного на «мощную общенаучную тенденцию последних десятилетий» – «синтез научных дисциплин» [19, с. 170], в результате которого возможно сформировать ядро журналистского мастерства – литературогенность.

Список литературы

1. *Анисимов Н. А.* О некоторых особенностях изучения русской литературы в академических группах специальности «Журналистика» // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: материалы I Международной научной конференции. – Донецк, 2016. – С. 70–72.
2. *Аржанцева Т. В., Капустина С. В.* Технология «медленного чтения» русской классики на занятиях по РКИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – №1. – С. 170–184.
3. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 тт. М.: Издательство Академии наук СССР. – Т. V. – 1954. – 670 с.
4. *Бем А. Л.* Достоевский – гениальный читатель // О Достоевском. Избранные работы. М.: Юрайт, 2018. – С. 4–19.
5. *Волгин И. Л.* «Дневник Писателя» как мирозозидающий проект // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 27–39.
6. *Гордеева Е. Ю.* Вопросы взаимовлияния художественной литературы и журналистики в вузовской подготовке журналистов: из опыта преподавания // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – №2 (36). – С.7–14.
7. *Долгополов Л.* Русская журналистика и литературный процесс // Вопросы литературы. – 1983. – № 7. – С. 256–261.
8. Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы: монография / Е. А. Федорова, С. В. Капустина [и др.]; под науч. ред. Е. А. Федоровой. – СПб.: РХГА, 2021. – 604 с.
9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 тт. Л.: Наука. – Т. 8. –1973. – 512 с.
10. *Дякина А. А.* Медиаобразовательный потенциал публицистики И. А. Бунина в системе профессиональной подготовки будущих журналистов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12. – № 4. – С. 654–672.
11. *Ершов Ю. М.* Каким мы видим будущего журналиста (размышления о модернизации образовательных программ) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2018. – № 5. – С. 119–136.
12. *Жирков Г. В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии 1900–1918 гг.: монография. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 382 с.
13. *Захаров В. Н.* Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 17–27.
14. *Капустина С. В.* Достоевский в социальных сетях: правда и вымысел // Художественный текст глазами молодых: материалы конференции. – Ярославль: ЯрГУ имени П. Г. Демидова, 2019. – С. 32–36.
15. Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта-Наука, 2014. – 576 с.
16. *Максимова Н. В., Байбатырова Н. М.* Отечественная журналистика и литература: проблемы взаимосвязи: учебное пособие. – Астрахань: Сорокин Р. В., 2019. – 104 с.
17. *Матвеева Е. О.* Русская классическая литература в профессиональном становлении журналиста: традиции и современные проблемы // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений. – М.: МПГУ, 2019. – С. 213–219.
18. *Мащенко А. П.* Нахвтанное – ребром выперло! (Распад Украины в записках журналиста: 1997–2024). – Симферополь: КФУ имени В. И. Вернадского, 2024. – 418 с.
19. *Орехов В. В., Орехова Л. А.* «Русский язык в поликультурном мире»: литературоведение и крымоведение // Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / под ред. В. В. Орехова, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2024. – С. 167–182.
20. *Орлова Е. И.* История журналистики и литературы как университетские науки // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2016. – № 4. – С. 162–169.
21. *Поелуева Л. А., Индрикова А. А.* Русская литература в образовании будущих журналистов как программа приобщения к традиции просветительского универсализма // Ученый совет. – 2023. – № 12. – С. 752–756.
22. *Ужанков А. Н.* Читать нужно с карандашом в руке! [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.ru/80560.html> (дата обращения: 02.09.2024).

23. Уртминцева М. Г. Формирование «гибких» компетенций у студентов-журналистов в рамках курса «История отечественной литературы XIX века» // Нижегородское образование. – 2021. – № 3. – С. 19–27.
24. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2001. – 440 с.

References

1. Anisimov N. A. *O nekotorykh osobennostyakh izucheniya russkoy literatury v akademicheskikh gruppakh special'nosti "Zhurnalistika"* [On some features of studying Russian literature in academic groups specializing in Journalism]. *Doneckie chteniya 2016*. Donetsk, 2016, pp. 70–72.
2. Arzhantseva T. V., Kapustina S. V. *Tekhnologiya "medlennogo chteniya" russkoy klassiki na zanyatiyah po RKI* [Technology of "slow reading" of Russian classics in the classroom on RFL]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10 (76), no. 1, pp. 170–184.
3. Belinsky V. G. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954, vol. 5. 670 p.
4. Bem A. L. *Dostoevskiy – genial'nyi chitatel'* [Dostoevsky is a brilliant reader] // *O Dostoevskom. Izbrannye raboty*. Moscow, Yurait Publ., 2018, pp. 4–19.
5. Volgin I. L. *"Dnevnik Pisatelya" kak mirosozidayushchiy proekt* ["Diary of a Writer" as a world-creating project]. *Dostoevskiy i zhurnalizm*. Ed. by V. N. Zakharov, K. A. Stepanyan, B. N. Tikhomirov. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, Publ., 2013, pp. 27–39.
6. Dolgoplov L. *Russkaya zhurnalistika i literaturnyy protsess* [Russian journalism and the literary process]. *Voprosy literatury*, 1983, no. 7, pp. 256–261.
7. *Dostoevskiy v sredney i vysshey shkole: problemy i novye podhody: monografiya* [Dostoevsky in secondary and higher education: problems and new approaches: monograph]. Ed. by Ye. A. Fyodorova. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021. 604 p.
8. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 tomakh* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 8, 1973. 512 p.
9. Dyakina A. A. *Mediaobrazovatel'nyi potencial publicistiki I. A. Bunina v sisteme professional'noy podgotovki budushchih zhurnalistov* [Media educational potential of journalism I. A. Bunin in the system of professional training of future journalists]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2023, vol. 12, no. 4, pp. 654–672.
10. Gordeeva Ye. Yu. *Voprosy vzaimovliyaniya hudozhestvennoy literatury i zhurnalistiki v vuzovskoy podgotovke zhurnalistov: iz opyta prepodavaniya* [Issues of mutual influence of fiction and journalism in the university training of journalists: from the teaching experience]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2020, no. 2 (36), pp. 7–14.
11. Yershov Yu. M. *Kakim my vidim budushchego zhurnalista (razmyshleniya o modernizacii obrazovatel'nykh programm)* [How do we see the future journalist (reflections on the modernization of educational programs)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2018, no. 5, pp. 119–136.
12. Zhirkov G. V. *Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii 1900–1918 godov. Monografiya* [Journalism of Russia: from the Golden Age to the tragedy of 1900–1918: monograph]. Izhevsk, Institute of Computer Research Publ., 2014. 382 p.
13. Zakharov V. N. *Kodeks Dostoevskogo. Zhurnalizm kak tvorcheskaya ideya pisatelya* [Dostoevsky's Code. Journalism as a creative idea of a writer]. *Dostoevskiy i zhurnalizm*. Ed. by V. N. Zakharov, K. A. Stepanyan, B. N. Tikhomirov. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, Publ., 2013, pp. 17–27.
14. Kapustina S. V. *Dostoevskiy v social'nykh setyakh: pravda i vymysel* [Dostoevsky in social networks: truth and fiction]. *Hudozhestvennyi tekst glazami molodykh: materialy konferentsii*. Yaroslavl, Yaroslavl State P. G. Demidov University Publ., 2019, pp. 32–36.
15. *Krizis literaturocentrizma. Utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti* [The crisis of literary centrism. Loss of identity vs. new opportunities: monograph]. Ed. by N. V. Kovtun. Moscow, Flinta–Nauka Publ., 2014. 576 p.
16. Maksimova N. V., Baibatyrova N. M. *Otechestvennaya zhurnalistika i literatura: problemy vzaimosvyazi. Uchebnoe posobie* [Domestic journalism and literature: problems of interrelation. Textbook]. Astrakhan, Sorokin R. V. Publ., 2019. 104 p.

17. Mashchenko A. P. *Nakhvatannoe – rebrom vyperlo! (Raspad Ukrainy v zapiskah zhurnalista: 1997–2024)* [Picked up – the edge stuck out! (The collapse of Ukraine in the notes of a journalist: 1997–2024)]. Simferopol, Crimea Federal V. I. Vernadsky University Publ., 2024. 418 p.
18. Matveeva Ye. O. *Russkaya klassicheskaya literatura v professional'nom stanovlenii zhurnalista: tradicii i sovremennye problemy* [Russian classical literature in the professional formation of a journalist: traditions and modern problems]. *Epicheskaya traditsiya v russkoy literature XX–XXI vekov: materialy XXIII Sheshukovskikh chteniy*. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 213–219.
19. Orekhov V. V., Orekhova L. A. “*Russkiy yazyk v polikul'turnom mire*”: *literaturovedenie i krymovedenie* [“Russian Russian language in the multicultural world”: literary studies and Crimean studies]. *Russkiy yazyk v Krymu i “Russkiy yazyk v polikul'turnom mire”: kollektivnaya monografiya*. Ed. by V. V. Orekhov, T. V. Arzhantseva. Simferopol, Publishing House of Crimea Federal V. I. Vernadsky University, 2024, pp. 167–182.
20. Orlova Ye. I. *Istoriya zhurnalistiki i literatury kak universitetskie nauki* [History of journalism and literature as university sciences]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2016, no. 4, pp. 162–169.
21. Poeluyeva L. A., Indrikova A. A. *Russkaya literatura v obrazovanii budushchih zhurnalistov kak programma priobshcheniya k traditsii prosvetitel'skogo universalizma* [Russian literature in the education of future journalists as a program of familiarization with the tradition of educational universalism]. *Uchenyi sovet*, 2023, no.12, pp. 752–756.
22. Urtmintseva M. G. *Formirovanie “gibkikh” kompetentsiy u studentov-zhurnalistov v ramkakh kursa “Istoriya otechestvennoy literatury XIX veka”* [Formation of “flexible” competencies among journalism students in the course “The history of Russian literature of the XIX century”]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2021, no.3, pp. 19–27.
23. Uzhankov A. N. *Chitat' nuzhno s karandashom v ruke!* [You need to read with a pencil in your hand!]. URL: <https://pravoslavie.ru/80560.html> (accessed: 02.09.2024).
24. Schennikov G. K. *Tselostnost' Dostoevskogo* [Integrity of Dostoevsky's art]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2001. 440 p.

**THE LITERATUROGENISM OF JOURNALISTIC SKILLS:
FROM THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTING A CROSS-DISCIPLINARY
APPROACH IN HIGHER EDUCATION**

Kapustina S. V.

The article, firstly, proves the relevance of the historically conditioned interaction of Russian literature and journalism, that is, it demonstrates that the appeals of modern representatives of the media sphere to the classics not only positively affect the expressiveness of the content they create, but also significantly expand its semantic scope. Secondly, the rationality of introducing the term “literaturogenism” into the thesaurus of media education, which designates a constant priority of journalistic excellence, independent of the challenges of time, is substantiated. It is argued that this concept is applicable both to the history of Russian journalism and to the methodology of teaching the compilation of media texts. Thirdly, algorithms of a cross-disciplinary approach are modeled, aimed at forming students of the specialty “Journalism” as a holistic view of the axiosphere of outstanding Russian writers, the poetics of their works, and those elements of idiosyncrasy, the potential of which can be realized in modern media texts.

Keywords: literaturogenism, literaturocentricity, journalism, literature, media education, cross-disciplinary approach.

УДК 070.41

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-23-32

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ «МАРШРУТЫ» ИОСИФА ШНИПА: ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ ПЕРИОД

Лучинский Ю. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

Краснодар, Россия

E-mail: luv22@mail.ru

В статье рассмотрена специфика пяти издательских проектов И.М. Шнипа, связанных с екатеринодарским периодом его деловой и творческой активности. Наиболее заметным периодическим изданием, которое выпускал И.М. Шнип, стала газета «Слово Кавказа», в которой публиковались известные журналисты и литераторы Кубанской области и Северного Кавказа. Обозначена зависимость контента газеты «Слово Кавказа» от смены редакционной политики на различных этапах функционирования данного периодического издания. Проанализированы причины закрытия газет и журналов И.М. Шнипа в Екатеринодаре. Показаны общие тенденции в развитии дореволюционной региональной журналистики.

Ключевые слова: газета «Слово Кавказа», И. М. Шнип, издательские проекты, региональная журналистика, литературно-критические статьи, П. А. Кузько, маленький фельетон, Л. С. Ямпольский.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение исторических аспектов развития региональной периодики сохраняет свою актуальность, что подтверждается целым рядом конференций в Ростове-на-Дону («Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтничный дискурс», 2022), Краснодаре («Медийная регионалистика: история и современность», 2023), Ставрополе («Медиакоммуникации в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы», 2024), а также научными проектами Академии наук региональной печати России.

События 1905–1907 гг. привели к серьезным изменениям в медиаландшафте Кубанской области. Краткий период радикализации, связанный с появлением партийных периодических изданий-эфемеров, в лучшем случае выходявших в течение нескольких недель, а затем либо закрытых по распоряжению властей, либо менявших свое название, но, тем не менее, снова попадавших под юридические санкции.

С ноября 1907 г., с началом работы Третьей Государственной думы, ситуация в Российской империи стабилизировалась, что сказалось на направленности большинства газет и журналов, которые все чаще указывали в своих программах «прогрессивно-беспартийный» статус.

Если до 1905 г. единственным городом, в котором существовала повременная печать, являлся Екатеринодар («Армавирский листок объявлений», издававшийся в 1899–1903 гг. провизором В.К. Вильде, можно не учитывать ввиду его типологических особенностей), то уже в 1906 г. были сделаны первые попытки издания собственных газет – дозволенной полукадетской-полуэсеровской в Анапе («Земля и народ» Е. Е. Вилямовского) и нелегальной социал-демократической в Армавире («Армавирский пролетарий» Г. А. Целлера).

К 1909–1910 годам Армавир, Ейск и Майкоп стали достаточно крупными журналистскими центрами в Кубанской области, время от времени конкурирующих с Екатеринодаром. Особняком стояла Анапа, немногочисленная пресса которой носила курортный характер.

Комплексный анализ дореволюционных кубанских периодических изданий пока еще далек до своего завершения. Первым серьезным исследованием периодики данного периода стал «Очерк развития русской периодической печати» выдающегося библиографа и историка прессы Б. М. Городецкого, изданный в 1913 г. в Екатеринодаре.

Опубликованный Б. М. Городецким в 1927 г. справочник «Периодика Кубанско-Черноморского края. 1863–1925» продолжил традицию изучения кубанской прессы, но не дал всей полноты картины, на что указывал сам автор:

«Внешние причины не дали возможности о каждом издании сообщить всю полноту сведений. В силу этого список носит предварительный, корректурный характер. Печатается он в целях библиографической регистрации и в надежде, что заинтересованные в жизни прессы пополнят его недостающими в нем сведениями, направляя их составителю списка» [3, с. 23].

До настоящего времени описанию отдельных периодических изданий Кубанской области и биографиям наиболее известных редакторов и журналистов данного периода посвящено не так уж много научных монографий и статей [7; 8; 9].

Издатели периодики, как правило, вообще не попадают в сферу внимания исследователей, хотя их роль в развитии региональной прессы нельзя не учитывать. В Екатеринодаре наиболее известными издателями являлись М. А. Асланов, выпускавший газеты «Кубанский курьер» (1908–1910) и «Кубанское слово» (1913–1914), И. Ф. Бойко, издававший газеты «Заря» (1906); «Новая заря» (1906–1910), «Утро Кавказа» (1910), «Кубанская копейка» (1914–1915) и «Голос Кубани» (1915), С. И. Казаров, издававший газету «Кубанский край» (1909–1911) и имевший издательские проекты во Владикавказе (газеты «Казбек» (1895–1905) и «Терек» (1912–1918).

В этом контексте интересна личность Иосифа Михайловича Шнипа, издававшего газеты и журналы в Екатеринодаре, Ейске и Ростове-на-Дону. В отличие от предыдущих издателей И.Ф. Шнип не имел собственной типографии, что, возможно, и повлияло на его «издательские маршруты».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Биографические данные об Иосифе Михайловиче Шнипе крайне скудны, и восстановление обстоятельств его жизни еще ждет своего часа.

Во всех выпускаемых им периодических изданиях И. М. Шнип указывал себя в качестве редактора-издателя, хотя к фактическому редактированию он привлекал журналистов, имевших опыт такой деятельности, хотя иногда и сам пытался выступать в качестве редактора.

Анализ материалов, размещенных на страницах его газет и журналов, позволяет установить некоторые факты из жизни И. М. Шнипа в период с 1908 г. по 1914 г.

За эти годы И. М. Шнип успел отметить выпуск пяти периодических изданий. В Екатеринодаре – газетами «Слово Кавказа» (1908–1911) и «Справочный листок» (1910), а также журналом «Торгово-промышленный справочник» (1908), в Ейске – газетой «Приазовская жизнь» (1913–1914), в Ростове-на-Дону – газетой «Южное слово» (1914).

Подробнее остановимся на екатеринодарском периоде его редакторско-издательской деятельности.

В октябре 1908 г. И. М. Шнип начал сразу два издательских проекта – выпуск политико-экономической и литературно-общественной газеты «Слово Кавказа», выход которой «временно» предполагался по понедельникам и дням послепраздничным, и еженедельного журнала «Торгово-промышленный справочник». Первый номер «Слово Кавказа» появился в понедельник 6 октября 1908 г. Ответственным редактором-издателем был обозначен И. М. Шнип, секретарем редакции – П. А. Кузько.

Программа издания выглядела следующим образом:

- 1. Статьи и заметки на тему дня;*
- 2. Литературная критика;*
- 3. Беллетристика;*
- 4. Статьи об искусстве и творчестве;*
- 5. Фельетоны;*
- 6. Статьи и очерки по вопросам народного образования и народной школы;*
- 7. Городское и общественное хозяйство;*
- 8. Земельный вопрос;*
- 9. Рабочая жизнь;*
- 10. Профессиональное, кооперативное и культурно-просветительное движение;*
- 11. Иностранная жизнь;*
- 12. Галерея общественных деятелей;*
- 13. Театр и музыка;*
- 14. Библиография;*
- 15. Справочный отдел;*
- 16. Почтовый ящик;*
- 17. Ответы на общественные и юридические вопросы читателей» [12, с. 1].*

В рекламном проспекте, напечатанном на первой полосе газеты, сообщалось, что «Слово Кавказа» позиционирует себя как «беспартийно-прогрессивное» и выходит при «ближайшем участии» таких литературных и общественных деятелей Кавказа, как В. В. Альшанский, А. В. Кульчицкий, Е. И. Мерчанский, Н. Н. Наумов, И. Ф. Пальмов, М. К. Седин, Б. М. Городецкий и другие.

Для большей солидности И. М. Шнип указал в том же проспекте, что «Слово Кавказа» имеет собственных корреспондентов в Санкт-Петербурге, Москве, крупных промышленных центрах России, по всему Кавказу и за границей, а также специальных корреспондентов в Государственной Думе.

Подобная реклама была явным преувеличением, а из заявленных «литературных и общественных деятелей Кавказа» стоит отметить имена Ивана Федоровича

Пальмова, Митрофана Карповича Седина, Бориса Митрофановича Городецкого и Петра Авдеевича Кузько.

И. Ф. Пальмов, известный публицист, бывший в 1907 г. редактором екатеринодарского педагогического журнала «Школа и жизнь», и М. К. Седин, «старый революционер, работавший в одиночку» [1, л. 3], будущий редактор газеты «Прикубанская правда» (1917–1918), так и не появились на страницах газеты. Возможно, потому что, «Слово Кавказа» в 1908 г. было остановлено на четвертом номере.

Б. М. Городецкий, активно участвовавший в журналистской жизни Кубанской области, опубликовал в «Слове Кавказа» небольшую статью о писателе-народнике Семене Ивановиче Васюкове, долгое время жившем на Кавказе:

«Последние годы он провел на Черноморском побережье (в Архипо-Осиповке), где явился одним из сельских хозяев, убежденных в будущем этого края и увлеченных его красотами. Этому краю он посвятил немало своих талантливых очерков» [2, с. 4].

Но если статья о С. И. Васюкове упоминается в библиографии Б. М. Городецкого, то рекламное объявление в четвертом номере «Слова Кавказа» от 27 октября 1908 г. о продаже в книжных магазинах «Справочной книжки для лиц, обращающихся к сведению крестьянского поземельного банка. (Район Северного Кавказа)», содержало информацию о том, что ее составителем являлся «Б. М. Г.», то есть Борис Митрофанович Городецкий, работавший в том самом банке.

Таким образом, данное объявление позволяет дополнить библиографию Б. М. Городецкого. Можно также сделать предположение о том, что авторы, обозначенные в анонсе газеты, были предложены самим Б. М. Городецким, хорошо знакомым с литературными силами региона.

Секретарь редакции «Слова Кавказа» П. А. Кузько, которого Б. М. Городецкий охарактеризовал «деятельным сотрудником» данного издания, в 1908 г. определял литературно-критическую направленность газеты, являясь ее фактическим редактором.

В первом номере «Слова Кавказа» П. А. Кузько напечатал статью «“Исповедь” М. Горького», которая в подзаголовке была обозначена как «критический этюд». «Исповедь» вышла в 1908 г. в 23-й книге «Сборника товарищества “Знание”», составленном в популярном на тот момент духе богостроительства, на что и обратил внимание П. А. Кузько:

«В “Исповеди” устами героя – Матвея, Горький рассказывает нам все те муки, все те сомнения и трепет души – через которые пришел он к своему богу.

Тонкими, художественными штрихами обрисовывает Горький свое “alter ego”.

И несмотря на некоторую искусственность в построение повести, некоторые не естественные в устах деревенского «крапивника» выражения – (скорее свойственные интеллигенту – Горькому), – последняя его повесть по силе художественного психологического анализа напоминает нам прежнего, сильного художника – певца восторгов “расцветающей плоти”» [5, с. 2].

Интересно отметить, что в хронике на четвертой полосе газеты тема с М. Горьким была продолжена:

«М. Горький – по газетным слухам – после последней своей повести “Исповедь” намерен дать себе долговременный отпуск» [11, с. 4].

Если в критическом этюде о М. Горьком П. А. Кузько разбирал только одну повесть, то в статье «О творчестве Леонида Андреева» он прослеживал эволюцию литературных исканий писателя от рассказов «Мысль» и «Тьма», драмы «Савва», повестей «Василий Фивейский» и «Иуда Искариот и другие» до повести «Мои записки», опубликованной в Берлине в издательстве И. П. Ладыжникова в 1908 г.

Основной акцент П. А. Кузько сделал на разборе повести «Иуда Искариот и другие», в которой он видел ключ к творчеству популярного литератора:

«Надо действительно быть крупным художником, чтобы создать шедевр современной мировой поэзии – «Иуду Искариота и др.» – эту чудную поэму, так напоминающую в некоторых местах своих «Великого Инквизитора».

И мне кажется – не напрасно у нас в литературе, хотя и с оговорками, и с робостью упоминают иногда рядом два имени – Леонида Андреева и Федора Достоевского <...>

И понятен, и ужасен этот драматизм положения впечатлительной, мягкой души современного нам человека.

И великий ужас духа, помутившегося в мучительной борьбе с мертвящими, железными законами жизни изображает нам Андреев в своей последней новости – “Мои записки”» [6, с. 2].

Задачи, поставленные И. М. Шнипом перед «Словом Кавказа» в 1908 г., оказались нерешенными – 27 октября вышел четвертый и последний номер газеты. Осталась незавершенной публикация лекции «И. С. Тургенев» А. М. Розова, преподавателя русского языка Екатеринодарской мужской гимназии.

Причиной закрытия стала финансовая составляющая, хотя И. М. Шнип возлагал большие надежды на выход журнала «Торгово-промышленный справочник», о котором было сообщено в первом номере «Слова Кавказа»:

«Первый номер журнала «Торгово-промышленный справочник» выйдет в среду 8-го октября.

Содержание № 1-го: торговля и промышленность в России; пчеловодство в Терской области. Торговая администрация. Международный съезд холодильного дела. Борьба с возроджением мяса. Общества. Товарищества и союзы. Обязательные постановления о нормальном отдыхе служащих в ремесленных заведениях. Пашиковский трамвай. Общая хроника. Хроника г. Екатеринодара. Тор. рынок. Справ. отдел объяв.» [12, с. 2].

Но этот проект оказался еще более неудачным – «Торгово-промышленный справочник», посвященный «нуждам торговли и промышленности всего Северного Кавказа», закрылся на первом же номере.

Опираясь на контент рекламного блока «Слова Кавказа», приходим к выводу, что основное направление деловой активности И. М. Шнипа (помимо издания периодики) – городская наружная реклама и рекламная продукция. За два дня до выхода первого номера газеты «Слово Кавказа» «городские афишные столбы перешли в арендное содержание Иосифа Шнипа» [12, с. 1]. В объявлении об этом событии было помещено предупреждение, что «лиц, разносящих или расклеивающих объявления без ведома конторы, буду преследовать по закону» [12, с. 1].

Известно также, что в Екатеринодаре действовала «Контора объявлений и изданий Иосифа Шнипа», которая являлась «торговым посредником для Северного Кавказа» и принимала «поручения для Кубанской, Донской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губернии» [12, с. 1]. С октября 1908 г. «Контора объявлений и изданий Иосифа Шнипа» стала издавать «Полное расписание пассажирских поездов Владикавказской железной дороги, удобное для кармана» по цене 15 копеек за экземпляр. Данный справочник издавался вплоть до 1910 г., и вышло по крайней мере 9 выпусков.

В 1909 г. И. М. Шнип решил возобновить издание «Слова Кавказа», но уже без фактического редактора П. А. Кузько и Б. М. Городецкого, которые были заняты выпуском собственного «ежемесячного иллюстрированного журнала истории, этнографии, общественно-экономической жизни Кавказского края и литературы, публицистики, науки и искусства» под названием «На Кавказе», и без объявления широкого круга авторов.

Первый номер обновленного «Слова Кавказа» вышел в воскресенье 18 октября 1909 г., чтобы закрыться ровно через неделю на втором номере.

Функции редактора взял на себя сам И. М. Шнип, полностью убравший литературно-критическую направленность газеты и сосредоточившейся на фельетонно-публицистической. Были продолжены сатирические зарисовки в стилистике рубрики «Галерея екатеринодарских общественных деятелей», выходившая в газете в 1908 г. под псевдонимом «Жало». Сама рубрика не была перенесена в 1909 г., но критика общественных деятелей была продолжена. Оба номера также были посвящены пикировке с местными газетами – «Кубанскими областными ведомостями» и «Кубанским курьером». Особое раздражение у «Слова Кавказа» вызывал основатель местного художественного музея Ф. А. Коваленко:

«Мы немного удивлены ругательному выступлению “Куб. Вед.”. Выругаться – это далеко не значит сказать нечто умное. Мы вполне понимаем, преклонения “Куб. Обл. Вед.” перед бескорыстной деятельностью Ф. А. Коваленко, но, к несчастью, мы далеко не разделяем взгляды бескорыстной деятельности городу она ежегодно обходится в 4 ½ тысячи рублей. Вправе ли мы предъявить за эти деньги и некоторые требования. Вправе ли мы предъявить г. директору картинной галереи образовательного дела. Чтобы быть руководителем в таком серьезном деле, как развитие художественного чувства, надо стоящему во главе быть знатоком и художником». [4, с. 2].

Словно предчувствуя скорое закрытие «Слова Кавказа» в 1909 г., И. М. Шнип анонсировал в первом номере свой новый издательский проект:

«В самом непродолжительном времени выйдет в свет еженедельный “Справочный листок” посвященный нуждам торговли и промышленности всего Северного-Кавказа.

Программа: 1) официальные распоряжения и сообщения, 2) статьи и заметки по разным вопросам, 3) телеграммы, 4) корреспонденция, 5) рассказы и стихотворения, 6) критика и библиография, 7) фельетоны, 8) хроника, 9) промышленность и торговля, 10) разные известия, 11) искусство и жизнь, 12) театр и музыка, 13) иностранная жизнь, 14) по России, 15) смесь, 16) юмор и сатира, 17) письма в редакцию, 18) справочные отделы, 19) спрос и предложение, 20) вопросы и ответы, 21) советы по различным отраслям хозяйства и промышленности, 22) технический отдел, 23) иллюстрации и карикатуры, 25) объявления» [13, с. 1].

«Справочный листок», имевший подзаголовок «еженедельная торгово-промышленная, общественно-экономическая, агентурно-комиссионная и справочная газета», должен был заместить «Слово Кавказа», так как имел очень похожую программу, но не нашел своего читателя.

Первый номер еженедельника вышел 1 сентября 1910 г., а последний (седьмой) – 25 октября. По сведениям местной полиции, «Справочный листок» не смог набрать необходимое число подписчиков. Поэтому И. М. Шнип решил снова приступить к выпуску «Слова Кавказа», и в первом номере за 1910 г., вышедшем в пятницу 5 ноября, сообщалось следующее:

«Ввиду некоторых обстоятельств подписчики и объявители газеты “Справочный листок” временно будут удовлетворяться газетой “Слово Кавказа”» [14, с. 2].

При этом И. М. Шнип решил продолжить нумерацию газеты 1908 г., и на первом выпуске «Слова Кавказа» был обозначен седьмой номер. Всего за 1910 г. вышло восемь номеров газеты, она практически не имела четкого редакционного плана и заполнялась перепечатками, связанными с уходом из жизни Л. Н. Толстого. Последний четырнадцатый номер вышел 25 декабря 1910 г.

В этом последнем номере появился фельетонист Леонид Самуилович Ямпольский, писавший под псевдонимом Л. Надеждин и во многом определявший редакционную политику газеты «Слово Кавказа» в 1911 г.

Л. С. Ямпольский появился в Екатеринодаре в 1907 г., некоторое время работал помощником аптекаря, пытался получить разрешение на издание еженедельника «Голос приказчика», но получил отказ ввиду подозрения в связях с социал-демократами. В 1909 г. он был арестован за противоправительственную деятельность и осужден на девять месяцев тюремного заключения. Перебрался в Армавир, где работал в газете «Кавказский край», а затем вернулся в Екатеринодар и стал сотрудничать с газетой «Слово Кавказа», где стал его фактическим редактором.

При Л. С. Ямпольском в газете появилась рубрика «Маленький фельетон», в которой он выступал на различные злободневные темы:

«Екатеринодар – несомненно культурный центр.

В Екатеринодаре имеются школы, библиотеки, газеты и даже музей...

Хотя и скверный, но все-таки музей...

Но все же было бы большой несправедливостью с нашей стороны, если бы мы стали уверять, что Екатеринодар хочет отстать от культурного мира...

Нет!

Мы будем справедливы и подтвердим, что и Екатеринодарцы тоже:

– Не лыком шить...

Вы думаете, мы будем говорить о «семейных» кафешантанах и «холостых» шато-дефлерах?

Нет! О них речь будет еще впереди...

Мы говорим о:

Скетинг-ринке...

В Англии давно уже заброшен старо-древний способ пешего хождения, или путешествия на автомобилях и в экипажах...

Все культурные люди разъезжают теперь на:

– Колесных коньках...

И не только разъезжают, но даже и:

– Танцуют ...

Екатеринодар, конечно, не может и не должен отстать от культурной Англии и потому нет ничего удивительного, что и у него есть:

– Скетинг-ринк...

Англия – так Англия...

Пусть Екатеринодар будет похож на Англию...

Мы ничего не имеем против...

И мы охотно будем приветствовать тот момент, когда Екатеринодарцы на колесных коньках покатаются «плавно» по нашим «асфальтовым» мостовым...

Но...

Мы плакали, что зимою наши спортсмены не имеют возможности разбивать свои головы...

Оказывается, напрасно:

Не просто теперь строится скеттинг-ринк, который будет функционировать даже и зимой...

Теперь мы спокойны:

Бедные головы екатеринодарских спортсменов могут разбиваться вдребезги во всякое время года...

И в сильную жару, и в большую стужу.

Мы очень культурны и все предусматриваем...» [10, с. 2].

Но, несмотря на все усилия Л. С. Ямпольского, газета «Слово Кавказа» закрылась 4 апреля 1911 г., не попрощавшись со своими читателями. И. М. Шнип отправился в Ейск, где открыл газету «Приазовская жизнь». А Л. С. Ямпольский перебрался в Грозный, где стал редактором местной газеты «Терский край».

ВЫВОДЫ

Екатеринодарский период в редакционно-издательской карьере И. М. Шнипа оказался наиболее плодотворным как по времени, так и по количеству выпускаемых периодических изданий. Еженедельная газета «Слово Кавказа», выпускавшаяся И. М. Шнипом в 1908–1911 годах, оказала определенное влияние на развитие кубанской журналистики, используя различные подходы к редакторским практикам.

Редактор-издатель несколько раз прерывал выпуск газеты, пытаясь заменить ее другими издательскими проектами, но возвращался к изданию «Слова Кавказа» в связи с его большей востребованностью на информационном рынке Кубанской области.

Два фактических редактора газеты – П. А. Кузько в 1908 году и Л. С. Ямпольский в 1911 году – создали ей достаточно высокую репутацию, но отсутствие собственной типографской базы приводило к финансовым проблемам и, в итоге, к ее закрытию.

Эта же проблема касалась и двух других издательских начинаний И. М. Шнипа в Екатеринодаре – журнала «Торгово-промышленный справочник» и еженедельной газеты «Справочный листок». «Справочный листок» был закрыт, «Торгово-промышленный справочник» преобразован в ежегодный рекламный проспект.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 1774-Р. – Оп. 2. – Д. 186.
2. *Городецкий Б.* Памяти С. И. Васюкова (7 июня 1908 г.) // Слово Кавказа. – 1908. – № 1 (6 окт.). – С. 4.
3. *Городецкий Б. М.* Периодика Кубанско-Черноморского края. 1863–1925. – Краснодар: Традиция, 2010. – 144 с.
4. *Грибной В.* За неделю // Слово Кавказа. – 1909. – № 2 (25 окт.) – С. 2.
5. *Кузько П.* «Исповедь» М. Горького. Критический этюд Петра Кузько // Слово Кавказа, 1908. – № 1 (6 окт.). – С. 2.
6. *Кузько П.* О творчестве Леонида Андреева. Критическая ст. Петра Кузько // Слово Кавказа, 1908. – № 3 (20 окт.). – С. 2.
7. *Крижановский Н. И., Дорофеева О. А., Рыжкина Н. А.* Армавирская газета «Отклики Кавказа»: информационная политика, проблемно-тематические линии, жанровая палитра. – Армавир, 2018. – 224 с.
8. *Лучинский Ю. В.* «Кубань» братьев Филипповых: столичная модель провинциальной прессы // Российская провинциальная частная газета. – Тюмень: Изд-во Мандр и К°, 2004. – С. 72–107.
9. *Лучинский Ю. В.* Редакторский корпус кубанской журналистики начала XX века. – Краснодар: ООО «Кавказская типография», 2013. – 152 с.
10. *Надеждин Л.* Культурный центр // Слово Кавказа. – 1911. – № 19 (1 фев.) – С. 2.
11. Новости литературы и искусства // Слово Кавказа. – 1908. – № 1 (6 окт.). – С. 4.
12. Слово Кавказа. – 1908. – № 1 (6 окт.). – С. 1.
13. Слово Кавказа. – 1909. – № 1 (18 окт.). – С. 1.
14. Слово Кавказа. – 1910. – № 7 (5 нояб.). – С. 2.

References

1. GAKK, f. 1774-R, op. 2, d. 186.
2. Gorodeczkij B. *Pamyati S.I. Vasyukova (7 iyunya 1908 g.)* [In memory of S.I. Vasyukov (June, 7 1908)]. *Slovo Kavkaza*, 1908, no 1 (6 okt.), p. 4.
3. Gorodeczkij B.M. *Periodika Kubansko-Chernomorskogo kraja. 1863–1925* [Periodicals of the Kuban-Black Sea region. 1863–1925]. Krasnodar, Tradicziya Publ, 2010. 144 p.

4. Gribnoj V. *Za nedelyu* [Per week]. *Slovo Kavkaza*, 1909, no 2 (25 Oct), p. 2.
5. Kuzko P. «*Ispoved*» M. Gorkogo. *Kriticheskij etyud Petra Kuzko* [“Confession” by M. Gorky. Critical study by Peter Kuzko]. *Slovo Kavkaza*, 1908, no 1 (6 Oct), p. 2.
6. Kuzko P. *O tvorchestve Leonida Andreeva. Kriticheskaya st. Petra Kuzko* [About the work of Leonid Andreev. Critical Art. Petra Kuzko]. *Slovo Kavkaza*, 1908, no 3 (20 Oct), p. 2.
7. Krizhanovsky N.I., Dorofeeva O.A., Ryzhkina N.A. *Armavirskaya gazeta «Otkliki Kavkaza»: informaczionnaya politika, problemno-tematicheskie linii, zhanrovaya palitra* [Armavir newspaper “Responses of the Caucasus”: information policy, problem-thematic lines, genre palette]. Armavir, 2018. 224 p.
8. Luchinsky Yu.V. «*Kuban*» bratjev Filippovykh: stolichnaya model provincialnoj pressy [“Kuban” by the Filippov brothers: a metropolitan model of a provincial press]. *Rossijskaya provincialnaya chastnaya gazeta*. Tyumen, Mandr i Ko Publ., 2004, pp. 72–107.
9. Luchinsky Yu.V. *Redaktorskij korpus kubanskoj zhurnalistiki nachala XX veka* [Editorial corps of Kuban journalism of the early 20th century]. Krasnodar, Kavkazskaya tipografiya Publ., 2013. 152 p.
10. Nadezhdin L. *Kulturnyj cenztr* [Cultural center]. *Slovo Kavkaza*, 1911, no 19 (1 Feb), p. 2.
11. *Novosti literatury i iskusstva* [News of literature and art]. *Slovo Kavkaza*, 1908, no. 1 (6 Oct), p. 4.
12. *Slovo Kavkaza* [The Word of the Caucasus], 1908, no. 1 (6 Oct), p. 1.
13. *Slovo Kavkaza* [The Word of the Caucasus], 1909, no. 1 (18 Oct), p. 1.
14. *Slovo Kavkaza* [The Word of the Caucasus], 1910, no. 7 (5 Nov), p. 2.

PUBLISHING ROUTES OF JOSEPH SCHNIP: EKATERINODAR PERIOD

Luchinsky Yu. V.

The article examines the specifics of five publishing projects by I. M. Shnip related to the Yekaterinodar period of his business and creative activity. The most notable periodical published by I. M. Shnip was the newspaper «Slovo Kavkaza», which published famous journalists and writers of the Kuban region and the North Caucasus. The dependence of the content of the newspaper «Slovo Kavkaza» on the change in editorial policy at various stages of the functioning of this periodical is indicated. The reasons for the closure of newspapers and magazines by I. M. Shnip in Yekaterinodar are analyzed. General trends in the development of pre-revolutionary regional journalism are shown.

Keywords: newspaper «Slovo Kavkaza», I. M. Shnip, publishing projects, regional journalism, literary critical articles, P. A. Kuzko, small feuilleton, L. S. Yampolsky.

УДК 070+821

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-33-45

**АЛЕКСАНДР КОЦ:
ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ И ПИСАТЕЛЬ**

Первых Д. К.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья вводит в научный оборот материалы о жизни и творчестве военного корреспондента издательского дома «Комсомольская правда» Александра Коца. Систематизация фактов творческой биографии А. Коца и анализ его работ позволяют выявить специфику творческих установок, выработанных военным корреспондентом. В творчестве военкора прослеживается тенденция к межжанровому синтезу и к освоению крупных жанров. Кроме того, творчество А. Коца во многом ориентировано на литературную традицию. Это проявляется в разнообразии изобразительных средств и, главное, в чрезвычайно сильной позиции авторского «Я», что позволяет читателю не просто «видеть» события вместе с автором, но и «проживать» их вместе с автором; закрепляет в тексте, помимо имен и фактов, эмоционально-нравственное содержание событий. Авторская субъективность А. Коца продиктована не только изобразительными задачами, но соображениями профессионально-этическими: она выступает в качестве оппозиции в отношении принципов т. н. журналистской этики, утверждающей авторское равнодушие под видом авторской объективности.

Ключевые слова: Александр Коц, военный корреспондент, история российской военной журналистики, журналистика СВО.

ВВЕДЕНИЕ

Главной темой современной российской военной журналистики, а может быть, и современной российской журналистики вообще является специальная военная операция на Украине. Она кардинально изменила сознание российского общества в целом и научного сообщества в частности: «Наука не могла остаться в стороне от происходящего. Агрессивная политика недавних “западных партнеров” заставляла пересматривать многое, и, среди прочего, – ориентированность нашего научного и образовательного процесса на западные нормы и лекала» [18, с. 89]. Научных работ, посвященных состоянию медиаотрасли в условиях политического и военного противостояния, довольно много; проводятся тематические конференции; выпускаются тематические сборники материалов [4]. С одной стороны, активный научный интерес к медиасфере продиктован требованиями времени и естественным желанием ученых заниматься злободневными темами. С другой стороны, порою можно наблюдать эффект, который обычно провоцируется научной модой: многие статьи (особенно, посвященные рассуждениям о стратегии информационных войн, о функционировании фейков, о сущности информационно-психологических атак и т. п.) сводятся к тиражированию «общих мест», провоцируют циркулирующее «перетекание» сентенций и аксиом, «замыливая» тему, но не исчерпывая проблему. Продолжают публиковаться статьи по информационной гигиене в условиях СВО [3], формированию медиаобраза участников СВО [13], изучаются дискурсивно-

коммуникативные вызовы СВО [20], исследуется специфика работы российских журналистов в зоне вооруженного конфликта [19], проводятся параллели между современной российской военной журналистикой и военной журналистикой конца XIX – начала XX вв. [11]. Нет сомнений, что сами по себе эти исследовательские направления имеют право на серьезное внимание. Настораживает другое: исследования носят преимущественно отвлеченно-теоретический характер, редко касаются персоналий, основываются на крайне ограниченном фактическом материале, имеют слабую конкретику и, как правило, мало учитывают (или вовсе не учитывают) мнения и выводы журналистов-практиков, военных корреспондентов. Хотя вполне очевидным и логичным видится порядок вещей, при котором теоретические построения не питают сами себя, а являются результатом обобщений, базирующихся на «полевых наблюдениях» и широком фактаже, опирающихся на опыт, приобретенный теми, кто прямо сейчас находится «за ленточкой» и, исполняя профессиональный долг, ведет ту информационную войну, о которой так любят писать теоретики.

Словом, ощущается разрыв между практикой военной журналистики и ее научным осмыслением, что, на наш взгляд, обусловлено ослаблением классической научной традиции, провозглашающей факт краеугольным камнем исследовательского процесса. Складывается ситуация, когда мы располагаем значительным запасом сведений, накопленных ранее, о биографии, издательских инициативах, истории публикаций тех авторов, которые стояли у истоков нашей военной журналистики в эпоху Крымской кампании: Л. Н. Толстого, Н. В. Берга, А. Д. Столыпина, Н. П. Сокальского. Мы обладаем богатейшим запасом фактических знаний о тех, кто в статусе корреспондентов совершенствовал нашу военную журналистику в периоды последующих глобальных конфликтов: о А. Н. Толстом, А. П. Гайдаре, М. М. Пришвине, М. А. Шолохове, И. Л. Сельвинском, К. М. Симонове, И. Г. Эренбурге и многих других. Однако современная история журналистики обходит вниманием творческий и опасный труд нынешних военкоров, хотя их имена уже стали для аудитории легендарными, а их работа на наших глазах созидает новую военную журналистику. В связи с этим, думается, необходимо вводить в сферу научного осмысления имена современных военных корреспондентов: А. И. Коца, Д. А. Стешина, Е. Е. Поддубного, А. В. Сладкова, С. В. Пегова и многих других. В нашей статье речь пойдет о жизни и творчестве военного корреспондента издательского дома «Комсомольская правда» («Комсомолки», «КП») Александра Коца, одного из самых популярных отечественных военных корреспондентов, освещающих ход специальной военной операции.

Цель нашего исследования – ввести в научный оборот материалы о жизни и творчестве Александра Коца, выявить специфику творческих установок, выработанных военным корреспондентом. Материалом для статьи, помимо уже известных источников, послужило интервью, которое Александр Коц дал автору статьи 25 сентября 2024 г. [7].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Александр Игоревич Коц, 1978 г. р., родом из журналистской семьи. Его отец, Игорь Александрович Коц, тоже был военным корреспондентом, в первую чеченскую войну попал в плен [12], с 1995 г. занимал должность заместителя главного редактора «Комсомольской правды», затем возглавлял издание «Советский спорт», а последние 10 лет, с 2014 г., является шеф-редактором исторического журнала «Родина».

О журналистской работе Александр Коц мечтал с подросткового возраста, школьником на каникулах в той же «Комсомолке» подрабатывал курьером. В 1999 г. пришел в «Комсомольскую правду» внештатным сотрудником, долго стажировался – «право на штатную должность в лучшем издании страны надо было заслужить. И это было непросто», – признается А. Коц [9, с. 3], но в итоге был принят. Ему доверили корреспондентскую работу в отделе политики. Военная журналистика привлекла Коца сразу, казалась делом не только мужским, но и «романтичным»: «Я видел, как вся редакция смотрела на наших ребят, когда они возвращались с войны, обросшие многодневной щетиной, с изнуренным войной взглядом. Все на них смотрели раскрыв рот» [6]. Романтика исчезла с первыми военными командировками, которых к нынешнему времени в послужном списке Александра Коца накопилось весьма значительное количество: в Косово, Афганистан, республики Северного Кавказа, Египет, Ливию, Сирию, Ирак, Украину.

В мае 2004 г., когда на стадионе в Грозном убили президента Чечни Ахмата Кадырова, А. Коц получил первую контузию, но несмотря на это отправил в редакцию репортаж о теракте.

3 сентября 2004 г. во время командировки в Беслан военкор участвовал вместе с сотрудниками российских спецслужб в эвакуации детей-заложников из захваченной террористами бесланской школы, был представлен к государственной награде «За участие в спасении детей из бесланской школы, за помощь в расследовании трагедии», но отказался, считая свои поступки не подвигом, а долгом. Прошло 20 лет, и 3 сентября 2024 г. Александр Коц написал в своем телеграм-канале заметку-воспоминание о тех страшных днях:

«3 сентября 2004 года. Беслан. Взрыв, второй... Лавина осетинских мужиков сметает оцепление, вынося тебя к стенам спортзала. Бешеная автоматическая стрелкотня, взрывы гранат, едкий дым, стойкий запах пороха, охотничьи карабины в руках у мужиков» [1].

Особенность материалов Коца состоит в деталях, в мелочах и, пожалуй, в художественности, поскольку автор ставит задачей не только зафиксировать событийные факты, но и передать ощущения, которые невозможно «прочувствовать», если сам не находился на месте. Поток авторских эмоций от сменяющих друг друга трагических картин становится сюжетом повествования:

«Жуткие от испуга глаза (спасенных детей. – Д. П.). Взгляд, который заставляет громко скрипеть зубами. В нем страх, боль и мольба: нас же не убьют, дядя, правда? <...> Утро 4 сентября. Пятачок за моргом полностью уложен обгоревшими трупами. Они лежат в ряд, накрытые черным

полиэтиленом или серебристой фольгой. В углу двора – уже опознанные, почти не тронутые огнем тела детей. Глаза, по-прежнему испуганные, кажется, с ужасом следят за тобой. <...> Рядом взрывается рыданиями худощавая женщина, по цепочке на ноге она узнала свою 11-летнюю дочь... Тоненькая цепочка обычного панцирного плетения с какой-то фигуркой – знак Зодиака?».

И далее:

«Я не забыл ни эту цепочку, ни сбившийся черный платок с золотой “проседью” мамы этой девочки, которая бесслезно выла рядом, ни длинные похоронные вереницы в сторону будущего “Города Ангелов”. Мне никто не запрещал это помнить. Я помню все, как сейчас, вне зависимости от круглых дат или чьих-то фильмов. И своим дочерям я расскажу об этом так, как видел сам. И как видели те, кто был рядом – со мной, с детьми, с русским спецназом» [1].

Через 2 года, в 2006 г., Коц готовил материал к 20-летию аварии на Чернобыльской АЭС, прожив вместе с коллегой Дмитрием Стешиным несколько дней в зоне отчуждения – в городе-призраке Припять.

Еще через 2 года, в августе 2008 г., Александр Коц отправляется в Цхинвал (Южная Осетия) освещать грузино-осетинский конфликт. 9 августа журналист находился в БТР в первой колонне мотострелкового батальона 58-й армии, направленной в Цхинвал на помощь российским миротворцам. В полдень он позвонил в редакцию и сообщил, что пробивается к миротворцам на одном из танков, грузины «лупят по ним с высот». Связь оборвалась, началась стрельба. Стреляли не по военным, а по журналистам, расстреливали в упор. Коца тяжело ранило [5]. Но и во время боя журналист продолжал снимать видео и готовить репортаж в ближайший номер газеты. Получил тяжёлое ранение в правую руку и три осколка в ногу, но уже на следующий день из полевого госпиталя МЧС передал репортаж в редакцию. 16 января 2009 г. награждён медалью «За отвагу».

В 10-ю годовщину войны в Грузии, 10 августа 2018 г., «КП» опубликовала материал А. Коца «10 лет после войны Грузии и Южной Осетии: не будь победы в Цхинвале, не было бы Крыма». На этой публикации стоит остановиться подробнее, поскольку она позволяет выявить творческие принципы, выработанные автором за многие годы работы военкором.

Это документальный очерк. Сразу отметим, что здесь, как и в цитированном выше очерке о Беслане, А. Коц широко прибегает к художественным средствам, привычным для художественной литературы, но скупой используемым в современной журналистике. Стилль А. Коца позволяет создать в читательском сознании зрительные и акустические образы; мы будто слышим, как «кашляют» боевые машины, видим, как они «озираются стволами», чувствуем запах гари, вместе с автором оцениваем опасность ситуации:

«9 августа 2008 года. Спустившись с объездной Зарской дороги, первая колонна российских войск медленно втягивалась в цхинвальскую улицу Герцена в районе “Шанхай”. 30 боевых машин, кашляя дизелями и озираясь стволами,

на ощупь, без прикрытия с воздуха и свежих разведанных, или к батальону миротворцев, который уже вторые сутки утюжили прямой наводкой грузины. Задача – не дать замкнуть кольцо вокруг города, отвлечь на себя огонь и тем самым обеспечить эвакуацию миротворцев и около сотни гражданских, прятавшихся в подвале российской казармы» [8].

Еще одна важная особенность этого текста – полижанровость. Изложение построено по принципу репортажа и содержит главные черты этого жанра: соблюден «эффект присутствия», используется метод «включенного наблюдения»:

«– Пулеметчик слева! – ору, перекатываясь по броне бэтэра и падая на дорогу.

Майор Денис Ветчинов вскидывает автомат, пули вырывают клочки одежды из натовского камуфляжа пулеметчика. Тот оседает, словно складываясь, на землю. Не по-киношному...

– Инал, вали их! - кричат командиру 3-го батальона югоосетинского спецназа Иналу Базаеву.

Перед ним, на обочине у забора, два оцепеневших грузинских бойца. Один пытается поднять автомат. Короткие очереди в упор. Или ты, или тебя.

– Гранату! – еще двое, вынырнувшие из кустов, грузно падают от глухого взрыва.

Бой в упор. Люди убивают друг друга с 5–10 метров. Нереально...» [8].

Подробная детализация и высокая динамика в описании событий рождают в читательском сознании иллюзию, что этот текст – репортаж о только что произошедшем бое. В то же время читателю известно, что текст написан через 10 лет после событий, то есть является не сиюминутным их отражением, а конструктом, созданным на основе воспоминаний и, возможно, дневниковых записей. Следовательно, перед нами не репортаж, а документальный очерк, стилизованный под репортаж. Такой жанровый синтез позволяет А. Коцу, с одной стороны, преодолеть хронологическую дистанцию, отделяющую читателя от реальности описанного боя, а с другой – тщательно отобрать изобразительный материал и создать «объемное» изображение, напоминающее документальный фильм, снятый в 3D-измерении; воспроизвести с натуралистической достоверностью мельчайшие подробности, воссоздать звуковой фон происходящего, передать экстремальное напряжение эмоций:

«– Я ранен! – оператор съемочной группы ВГТРК Леня Лосев хватается за руку. Сквозное, маленькая дырочка на входе, маленькая на выходе, тоненькая алая струйка по бледной коже.

По колонне лупят из танков, гранатометов, пулеметов. Грохот боя незаметно превращается в фон, и кажется, что взлетающий на воздух БТР делает это совершенно беззвучно. “Запасные джинсы, два блока сигарет, три бутылки водки”, – зачем-то отмечаю про себя содержимое рюкзака, оставленного на броне. Курево и выпивку вез друзьям-журналистам, заблокированным в штабе миротворцев...

Бежим вдоль забора в хвост колонны, продираясь через густые кусты роз. Силуэт солдата в натовском камуфляже. “Я журналист!” – кричу, инстинктивно прикрывая голову руками. Сильный удар, роняющий меня на землю, вывернутое наизнанку предплечье вязкое и липкое... “Будет добивать”, – несколько секунд жду выстрелов в спину. Оборачиваюсь – лежит. Денис Ветчинов успел его “снять”. До того, как сам был смертельно ранен» [8].

Завершается очерк авторским рассуждением, которое, несмотря на лаконичность, по масштабу обобщений более соответствует стилю и задачам не столько очерка об отдельном сражении, сколько – аналитической статьи. Речь о том, что Грузинская кампания 2008 г. имела далеко идущие исторические последствия даже за пределами Кавказа:

«В конце концов, благодаря горьким урокам августа 2008-го мы получили новую армию. И еще неизвестно, чем бы закончился Крым, не покажи мы десять лет назад, на что готовы ради защиты своих граждан...» [8].

Словом, А. Коц легко преодолевает жанровые границы, используя в одном тексте возможности разных жанров. И, судя по всему, это превратилось в творческий принцип, поскольку то же самое, мы наблюдаем, например, в очерке о теракте в Беслане, написанном, как уже было сказано, через 20 лет после событий.

В апреле 2011 г. А. Коц освещал гражданскую войну в Ливии, так называемую «Арабскую весну». Вместе с коллегой Дмитрием Стешиным и тремя журналистами российского телеканала НТВ попал в плен к повстанцам. Коца и товарищей обвиняли ни много ни мало в том, что они работают разведчиками на режим Муаммара Каддафи. Однако благодаря оперативному вмешательству МИД России репортёры были освобождены.

Перечисленных фактов достаточно, чтобы заключить: А. Коц опытный военкор и многое повидавший на своем жизненном пути человек. За время работы журналист приобрел собственные стиль и манеру. Коллеги отзываются о Коце как о принципиальном, мужественном, исполнительном и объективном профессионале [3].

А. Коц признается, что специальная военная операция имеет для него особое значение:

«Предыдущие командировки можно назвать подготовкой к главной командировке моей жизни, специальной военной операции. Когда она началась, стало понятно, что готовиться надо по-новому, добывать винтовку в бою. Многому, с чем мы столкнулись, не учат нигде, не научили даже предыдущие конфликты: это и дроны, и объемы артиллерии, это и сумасшедшая жестокость противника» [7].

В настоящее время военкор находится в зоне СВО, пишет не только для газеты, но активно ведёт каналы в Telegram – Kotsnews (более 626 тыс. подписчиков), «Александр Коц / Новости», а также – «Александр Коц», официальное сообщество Медиагруппы «Комсомольская правда» в «Вконтакте». Из всех информационных площадок Коца наиболее популярная – телеграм-канал Kotsnews, представляющий

собой новостную и аналитическую ленту из авторского контента и репостов публикаций из других тг-каналов и блогов. В среднем по будням выходит около 20 постов, по выходным – около 10. Преимущественно – новости с линии боевого соприкосновения, репортажи с места событий от 1 лица, здесь и сейчас. Видео сопровождается текстом и наоборот: текст – видеофактами.

В тг-канале размещается большое количество портретных интервью, знакомящих читателей с героями СВО, обыкновенными бойцами, простыми неизвестными защитниками Родины. Мы и здесь наблюдаем жанровую диффузию. Скажем, материал про бойца с позывным «Оша», который запускает дроны-камикадзе, соединяет в себе и репортаж, и интервью [15].

Репортаж – излюбленный авторский жанр Коца, и понятно почему: репортаж позволяет показать ситуацию изнутри, не потеряв при этом тот самый «эффект присутствия», которым дорожат зрители и читатели. Постоянными в Kotsnews стали рубрики «Включения из приграничья» (онлайн репортажи с места событий) и «Вечерний звон. Самые звонкие события уходящего дня» (дайджест коротких новостей за день).

Самым объемным трудом Александра Коца и, пожалуй, итоговым на сегодня, является книга «500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора» (2023 г.) [9]: «Честный и “непричесанный” дневник военного корреспондента, – гласит аннотация к книге, – восстанавливает эти дни через судьбы знаменитых и неизвестных, харизматичных и неброских людей, с которыми автору посчастливилось быть рядом на всех фронтах СВО – от Донецка до Киевской области, от Луганска до Херсона, от Артемовска до Запорожья» [9, с. 2]. Дневник, как и положено, расписан по дням, у каждого дня – свой заголовок. Начинается дневник первым днем СВО, 24 февраля 2022 г., с ироничной фразы: «Кого не успел поздравить с 23 февраля – поздравляю с 24-м» [9, с. 9].

Впрочем, являясь дневником по структуре, в содержательном отношении книга представляет собой жанровый конгломерат. Стиль повествования обработан, публицистичен; то и дело встречаются очерки-отступления, посвященные резонансным событиям (например, трагической гибели журналистки Дарьи Дугиной, военного блогера Владлена Татарского и др.). Отдельным разделом (28 сентября 2022 г., после объявления в России частичной мобилизации) опубликованы материалы, адресованные мобилизованным: «Советы автора», «Чему надо учиться в первую очередь», «Что никогда не будет лишним в холода», «... И не только в холода», а также «12 правил поведения на войне», «Советы спецназа» и «Рекомендации боевого медика».

Следует подчеркнуть, что название «Специальная военная операция» в книге Коца пишется с заглавной буквы, и это, понятное дело, неслучайно. Таким образом журналист выводит СВО из разряда стандартных спецопераций и подчеркивает особый масштаб, трагизм, эпохальность военного противостояния России с объединенным Западом.

В книге Александра Коца – множество имен героев, которые благодаря автору увековечены в истории. Трогателен своей искренностью и одновременно фактографически богат раздел, который так и называется «Герои»; о подвигах

«Вохи», «Бубы, «Дока»: «В свой последний день он спасал гражданских в Волновахе» [9, с. 315], «Он сказал: “Прощайте, мужики”, и подорвал себя» [9, с. 316], «Теперь Адель “Воронеж” знает, что его спас “Док” Костя» [9, с. 319].

Книга А. Коца – одно из первых крупных публицистических произведений, посвященных СВО. Современные авторы, Захар Прилепин, А. А. Проханов, А. П. Долгарева, И. А. Караулов, С. В. Пегов, Г. У. Садулаев, В. О. Пелевин, а теперь уже и А. И. Коц составили «армию современной русской литературы, сражающуюся на фронтах СВО» [14, с. 44], и одни из немногих прошли «тест» на сохранение «исторических традиций» после раскола, который проявился в русском обществе, русской культуре и литературе после воссоединения Крыма с Россией и обострился с началом СВО [14, с. 37].

На третий год специальной военной операции мы наблюдаем осязаемое тяготение военной журналистики к более крупным жанрам и формам отражения военной действительности. Это своеобразный «ответ на требование коллективного сознания, перешедшего к этапу формирования целостного представления о войне на основе уже имеющихся фрагментарных данных» [16, с. 52]. Современная медиаотрасль переполнена военным контентом: «Ежедневно человек видит десятки новых роликов с поля боя. Но видит ли он полную картину войны? Он видит лишь отдельные участки сражения, не имея возможность охватить взглядом всю батальную панораму» [16, с. 52]. Действительно, батальную панораму эпического масштаба способны отразить лишь крупные художественные и публицистические произведения, к разряду которых принадлежит и книга А. Коца. Военные корреспонденты (А. Коц, Д. Стешин, Е. Поддубный, А. Сладков, С. Пегов и многие другие) сегодня не просто рассказывают читателю и зрителю об эпизодах боевых действий, они накапливают материалы, по которым в будущем будут писаться большие «панорамные» произведения об СВО: «Эти “панорамы” будут создаваться в разных форматах и измерениях. Одни полотна создадут ученые-историки, другие – кинематографисты, третьи – художники слова. Но все эти произведения будут созданы благодаря работе военкоров, а иные из них – и самими военкорами – бытописателями наших поражений и побед» [16, с. 58].

Возвращаясь к структуре книги, отметим, что она во многом подчинена литературной традиции. Составленная из очерков, книга имеет закольцованную композицию. Повествование начинается с посвящения главному редактору «Комсомольской правды» Владимиру Сунгоркину – журналисту, репортеру, который на протяжении 25 лет возглавлял издание. Это посвящение исполнено лиризма: Коц вспоминает, как пришел работать в «Комсомолку», как всякий раз Сунгоркин искренне переживал, отправляя его в командировки («И я знал, что в каждой из этих командировок он стоит за моей спиной, как стена» [9, с. 3]), как окрестил свой рабочий боевой внедорожник «Суней» (так в «Комсомолке» все между собой называли В. Н. Сунгоркина), как встретил известие о смерти «шефа». А завершается книга очерком «500 день» (8 июля 2023 г.), в котором Коц снова обращается к памяти о своем «шефе»:

*«Скоро год, как мои командировки не подписывает Владимир Сунгоркин.
Но он по-прежнему рядом – в названной его именем редакционной “улице”,*

в гуляющих по “Комсомолке” крылатых шутках, в заботливых эсэмэсках военкору... <...> Сейчас я набью эти строки и пойду загружать своего “Суню”, ждущего у подъезда. Утром – выезд в очередную командировку в зону Специальной военной операции. Мы будем осторожны, шеф. Как всегда» [9, с. 453].

Функция этих отступлений – не только укрепить целостность очеркового цикла, но еще и зафиксировать установку на «лиризм» всего повествования, проявляющийся в искреннем и непосредственном выражении авторских мыслей и ощущений. И это является еще одной принципиальной особенностью творческой позиции, выработанной А. Коцем: военкор не механический и бесстрастный рефлектор событий, а творческая индивидуальность, «проживающая» описываемые события на высоком эмоциональном напряжении. В этом отношении А. Коц, безусловно, развивает традицию, которая уже давно заняла прочное место в отечественной словесности, обеспечивает тесную связь между публицистикой и художественной литературой и, думается, имеет богатую перспективу, поскольку «проникновение лирических интонаций в публицистику – процесс закономерный, обусловленный самой природой очеркового жанра: автор-повествователь здесь не только передает и комментирует факты, но и переживает их» [17, с. 3].

О «литературности» книги А. Коца сигнализирует и ее заглавие «500 дней поражений и побед». Оно отсылает читателя к первой повести военного корреспондента, писателя Аркадия Гайдара «Дни поражений и побед», повествующей о событиях Гражданской войны, которые разворачивались в том числе на Украине. Имя Гайдара выбито на мемориале в «Комсомолке», посвященном военным корреспондентам редакции, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны:

«Штык, перо, 16 фамилий. Полутонная стела работы скульптора Эрнста Неизвестного – один из главных и нерушимых символов нашей газеты. <...> Эта стела была первое, что я увидел, придя в “Комсомолку” на школьных каникулах поработать курьером. И мимо нее я пройду сегодня, оформляясь в Донбасс и дальше» [9, с. 452].

Это упоминание о Гайдаре (как и аллюзия на повесть Гайдара в заглавии книги) позволяет А. Коцу подчеркнуть связь и профессиональную преемственность между поколениями журналистов времен Великой Отечественной войны и периода специальной военной операции. И эта преемственность является для Коца обоснованием того идеологического принципа, который противоречит утопической журналистской этике и на котором А. Коц основывает собственную профессиональную деятельность: журналист воюющей страны не может быть бесстрастным наблюдателем происходящего, не имеет морального права «оставаться над схваткой». Для Коца военкор воюющей страны – рядовой армии информационного фронта: «Это своя война, притом она началась для меня не в 2022 г., а в 2014 году, когда я сделал то, что журналист, как учат на журфаках, делать не должен – я выбрал сторону, сторону русского мира, людей», – делится Коц своими размышлениями в личном интервью автору этой статьи [7].

Александр Коц – лауреат Премии имени Юлиана Семёнова в области экстремальной геополитической журналистики (2012), дважды лауреат Премии имени Артема Боровика (за расследование обстоятельств, связанных с гибелью АПЛ «Курск» и репортажи из Южной Осетии). Из государственных наград А. Коца – медаль «За отвагу», но особенно ценная (по словам самого Коца) – «За возвращение Крыма». «Крымскую весну» Коц провел на полуострове, отправив в редакцию десятки репортажей и статей:

«Все эти дни я был там, в этом сумасшедшем танце “Русской весны”. С ее мобилизовавшимися в одночасье жителями, разудалыми казаками на перешейках, “вежливыми людьми”, материализовавшимися из воздуха по всему полуострову. Живая история, описывать которую тебе выпала неоценимая честь. И это не идет ни в какое сравнение с дейр-эз-зорами, раками и, прости Господи, эль-Бабами. Перспективы Мосула туманны, сегодня его возьмет Багдад, завтра снова отобьет запрещенный в России ИГИЛ. А вот #Крымнаш – навсегда. Это исторический факт. И эта памятная медаль, врученная приказом министра обороны 2,5 года назад, пожалуй, одна из самых дорогих наград в моей профессиональной карьере» [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На исходе третий год специальной военной операции. События первой поры утрачивают для аудитории актуальность, забываются детали, притупляются эмоции. Остается «схема»: даты, стрелки на военных картах, сводки ударов и потерь. Эта «схема» способна дать пищу для аналитики по специальным вопросам, но не оставит в исторической и культурной памяти полного «текста» о войне, который отразил бы пронзительный драматизм событий, горечь утрат, тоску мучительных предчувствий, теплоту человеческой солидарности, причины, пробуждающие волю к победе, – все то, что присуще всякой войне, но всякой войне – по-разному. Лучшие нынешние военкоры не просто фиксируют элементы «схемы», а, «проживая» события в жизни и в тексте, сохраняют навсегда те бесчисленные и уникальные подробности, из которых состоит драма Специальной военной операции – драма историческая и драма человеческая.

Осмысляя логику профессионального становления А. Коца, необходимо отметить, что картина изображаемой действительности в его творчестве постепенно укрупняется и усложняется, а следовательно, оказываются востребованы более крупные жанры: от репортажа автор переходит к очерку, от очерков – к очерковому циклу. Это, безусловно, продиктовано логикой авторской эволюции. Обусловленное профессиональными задачами и личной потребностью накопление фактического материала со временем позволяет военкору не только рассказывать аудитории об отдельных событиях, но и «вписывать» эти события в широкий социально-исторический контекст, объединять разрозненные факты в целостные «картины».

Творческой манере А. Коца присуща ориентация на литературную традицию. Это проявляется в разнообразии изобразительных средств и, главное, в чрезвычайно сильной позиции авторского «Я», что позволяет читателю не просто «видеть»

события вместе с автором, но и «проживать» их вместе с автором; закрепляет в тексте, помимо имен и фактов, эмоционально-нравственное содержание событий.

Авторская субъективность в произведениях А. Коца продиктована и чисто изобразительными задачами, и соображениями профессионально-этическими. Еще недавно широко пропагандируемые принципы журналистской этики, подразумевающие авторское равнодушие под видом авторской объективности, по убеждению А. Коца, выглядят аморально в условиях военного конфликта и противоречат отечественным представлениям о профессиональном долге. Убедительно и четко выраженная позиция военкора – это и средство, формирующее общественное мнение соотечественников, и орудие, позволяющее противодействовать чуждой пропаганде.

В целом следует заключить, что творчество военного корреспондента Александра Коца давно вышло за пределы решения узко профессиональных задач и приобрело важное идеологическое и литературное значение.

Список литературы

1. Беслан. 20 лет // Kotsnews. – Режим доступа: <https://t.me/sashakots/48730>. – (Дата обращения: 23.11.2024).
2. Ваулин К. Д. Информационная война. Информационная гигиена в условиях СВО // Военная журналистика в современном мире: Мат-лы Междунар. научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года). – СПб.: Медиа папир, 2023. – С. 150–153.
3. Военкор Александр Коц. Самые интересные факты о патриоте с легким ироничным стилем // Телеканал 360. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZMj0PDwg4Xg0sZEEQ>. – (Дата обращения: 24.11.2024).
4. Военная журналистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж. В. Марфиной, А. В. Дроздовой [и др.]. – СПб.: Медиа папир, 2023. – 381 с.
5. Война Саши Коца. Цхинвал-2008: как это было // Rutube. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/61e5f556d174c5c6a6020863d38e82af>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
6. Диагноз: военный журналист // Режим доступа: <https://sciencemedialab.tilda.ws/01/12/2024>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
7. Интервью Александра Коца // Режим доступа: https://vk.com/wall-148505134_8538. – (Дата обращения: 20.11.2024).
8. Коц А. 10 лет после войны Грузии и Южной Осетии: Не будь победы в Цхинвале, не было бы Крыма // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26865/3907882>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
9. Коц А. И. 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. – 464 с.
10. Коц А. Как Сирия с Ираком помогли осознать «Русскую весну» // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26654/3675646>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
11. Круглякова Д. Н. Российские военные журналисты в зоне СВО и традиции военной журналистики конца XIX – начала XX века // В. В. Верещагин. Искусство и общество. Сб. докладов всероссийской науч. конференции. – Череповец – Чологда, 2023. – С. 137–144.
12. Ляховецкий Н. Военкор Коц: на что способен «русский Ванька» // Ридус. – Режим доступа: <https://www.ridus.ru/voenkor-koc-na-cto-sposoben-russkij-vanka-440084.html> / <https://www.ridus.ru/voenkor-koc-na-cto-sposoben-russkij-vanka-440084.html> / 14.06.2024. – (Дата обращения: 20.11.2024).
13. Малькевич А. А. Медиаобраз участников СВО: вопросы формирования и продвижения // Военная журналистика в современном мире: Мат-лы Междунар. научно-практ. конференции (г. Луганск, 12 апреля 2023 г.). – СПб.: Медиа папир, 2023. – С. 10–13.

14. *Мащенко А. П.* Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
15. Мой большой видеорепортаж из Курского приграничья // Kotsnews. – Режим доступа: <https://t.me/sashakots/48455>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
16. *Орехов В. В.* Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
17. *Орехова Л. А.* Современный лирический очерк // Вопросы русской литературы. – Львов: Вища школа, 1986. – № 2 (48). – С. 3–9.
18. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева, Н. И. Иванюк и др. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2024. – 264 с.
19. *Таилов А. А.* Специфика работы российских журналистов в зоне вооруженного конфликта / Таилов А. А., Абдуллаева С. Н. // Казанская наука. – Казань: ООО «Рашин Сайнс», 2024. – №3. – С. 516–518
20. *Тимошук А. С.* Дискурсивно-коммуникативные вызовы СВО // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Междунар. научно-практ. конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Междунар. науч. семинар. Белгород, 5–7 октября 2016 г.: сб. науч. работ. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016 – 87–94 с.

References

1. *Beslan. 20 let* [Beslan. 20 years old]. *Kotsnews*. Available from: <https://t.me/sashakots/48730> (accessed 23 November 2024).
2. *Vaulin K. D.* *Informacionnaya vojna. Informacionnaya gigiena v usloviyax SVO* [Information warfare. Information hygiene in the conditions of SVO]. *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire: Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Lugansk, 12 aprelya 2023 goda)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Media papir, 2023, pp. 150–153.
3. *Voenkor Aleksandr Kocz. Samy`e interesny`e fakty` o patriote s legkim ironichny`m stilem* [War correspondent Alexander Kotz. The most interesting facts about a patriot with a light ironic style]. *Telekanal 360*. Available from: [//dzen.ru/a/ZMj0PDwg4Xg0sZEQ](https://dzen.ru/a/ZMj0PDwg4Xg0sZEQ) (accessed 24 November 2024).
4. *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire* [Military journalism in the modern world]. *Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Lugansk, 12 aprelya 2023 goda)*. Ed. by Zh. V. Marfinoj, A. V. Drozdovoj [i dr.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Media papir, 2023. 381 p.
5. *Vojna Sashi Kocza. Czxinval-2008: kak e`to by`lo* [Sasha Kotz's war. Tskhinval-2008: how it was]. Available from: <https://rutube.ru/video/61e5f556d174c5c6a6020863d38e82af> (accessed 20 November 2024).
6. *Diagnoz: voenny`j zhurnalist* [Diagnosis: military journalist]. Available from: <https://sciencemedialab.tilda.ws/01/12/2024> (accessed 20 November 2024).
7. *Interv`yu Aleksandra Kocza* [Interview by Alexander Kotz]. Available from: https://vk.com/wall-148505134_8538 (accessed 20 November 2024).
8. *Kocz A. 10 let posle vojny` Gruzii i Yuzhnoj Osetii: Ne bud` pobedy` v Czxinvale, ne by`lo by` Kry`ma* [10 years after the war between Georgia and South Ossetia: If there had been no victory in Tskhinvali, there would have been no Crimea]. *Komsomol'skaya pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/26865/3907882> (accessed 20 November 2024).
9. *Kocz A. I. 500 dnei porazhenij i pobed. Hronika SVO glazami voenkora* [500 days of defeats and victories. Chronicle of the SVO through the eyes of a war correspondent]. Moscow, Komsomol'skaja pravda Publ., 2023. 464 p.
10. *Kocz A. Kak Siriya s Irakom pomogli osoznat` «Russkuyu vesnu»* [How Syria and Iraq helped to realize the "Russian Spring"]. *Komsomol'skaya pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/26654/3675646> (accessed 20 November 2024).
11. *Kruglyakova D. N. Rossijskie voenny`e zhurnalisty` v zone SVO i tradicii voennoj zhurnalistiki koncza XIX – nachala XX veka* [Russian military journalists in the SVO zone and the traditions of military journalism

Первых Д. К.

- of the late 19th – early 20th century]. V. V. Vereshagin. *Iskusstvo i obshchestvo. Sbornik dokladov vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Cherepovec – Chologda, 2023, pp. 137–144.
12. Lyaxoveczkij N. *Voenor Kocz: na chto sposoben «russkij Van'ka»* [War correspondent Kotz: what is the "Russian Vanka" capable of]. *Ridus*. Available from: <https://www.ridus.ru/voenor-koc-na-chto-sposoben-russkij-vanka-440084.html> / 14.06.2024 (accessed 20 November 2024).
 13. Mal'kevich A. A. *Mediaobraz uchastnikov SVO: voprosy formirovaniya i prodvizheniya* [Media image of SVO participants: issues of formation and promotion]. *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Lugansk, 12 aprelya 2023 goda)*. Ed. by Zh. V. Marfinoj, A. V. Drozdovoj [i dr.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Media papir, 2023, pp. 10–13.
 14. Mashhenko A. P. *Special'naya voennaya operaciya na Ukraine kak vy'zov dlya russkoj literatury* [Special military operation in Ukraine as a challenge for Russian literature]. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchny'j zhurnal*, 2024, Vol. 10 (76), no 3, pp. 49–61.
 15. *Moj bol'shoj videoreportazh iz Kurskogo prigranich'ya*. *Kotsnews* [My big video report from the Kursk region]. Available from: <https://t.me/sashakots/48455> (accessed 20 November 2024).
 16. Orehov V. V. *Voennaya zhurnalistika v e'poxu SVO: ot fiksacii faktov k obobshheniyam* [Military journalism in the era of SVO: from fixing facts to generalizations]. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchny'j zhurnal*, 2024, Vol. 10 (76), no 3, pp. 49–61.
 17. Orehova L. A. *Sovremennyy liricheskij ocherk* [Modern lyrical essay]. *Voprosy russkoj literatury*, L'vov, Vishha shkola, 1986, no. 2 (48), pp. 3–9.
 18. *Russkij yazyk v Kry'mu i «Russkij yazyk v polikul'turnom mire»* [Russian Russian in Crimea and «The Russian language in a multicultural world»]. Ed. by T. V. Arzhanceva, I. P. Zajceva, N. I. Ivanyuk i dr. Simferopol', Izdatel'skij dom KFU, 2024. 264 p.
 19. Tailov A. A. *Specifika raboty rossijskix zhurnalistov v zone vooruzhennogo konflikta* [The specifics of the work of Russian journalists in the zone of armed conflict]. *Kazanskaya nauka*. Kazan', OOO «Rashin Sajns», 2024, no. 3, pp. 516–518
 20. Timoshhuk A. S. *Diskursivno-kommunikativny'e vy'zovy SVO* [Discursive and communicative challenges of SVO]. *Diskurs sovremenny'x mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: II Mezhdunar. nauchno-prakticheskaya konferenciya. Aktual'ny'e problemy sovremennoj medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom: II Mezhdunar. nauch. seminar. Belgorod, NIU«BelGU», 5–7 oktyabrya 2016 g.: sbornik nauchny'x rabot.*, Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016, 87–94 p.

ALEXANDER KOTZ: WAR CORRESPONDENT AND WRITER

Pervyx D. K.

The article attempts to introduce into scientific circulation materials about the life and work of Alexander Kotz, a war correspondent of the Komsomolskaya Pravda publishing house. The systematization of the facts of A. Kotz's creative biography and the analysis of his works make it possible to identify the specifics of the creative attitudes developed by the war correspondent. In the work of the military commander, there is a tendency towards inter-genre synthesis and the development of major genres. In addition, the work of A. Kotz is largely focused on the literary tradition. This is manifested in the variety of visual means and, most importantly, in the extremely strong position of the author's "I", which allows the reader not only to "see" events together with the author, but also to "live" them together with the author; fixes in the text, in addition to names and facts, the emotional and moral content of events. The author's subjectivity of A. Kotz is dictated not only by pictorial tasks, but also by professional and ethical considerations: She acts as an opposition to the principles of the so-called journalistic ethics, which asserts authorial indifference under the guise of authorial objectivity.

Keywords: Alexander Kotz, war correspondent, history of Russian military journalism, journalism of the SVO.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1:82-94(470)

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-46-60

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО

Баранская Е. М.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье исследуется эволюция восприятия А. Н. Толстым русской революции 1917 г. на разных витках ее развития и в разных формах проявления. Внимание акцентируется на революционной концептуальности Толстого при обращении к русской истории. Ведущими становятся вопросы историзма Толстого, тема русской государственности и ментальной природы русского народа. Привлекается комплекс личностно-ориентированных источников: дневниковые записи А. Н. Толстого, в частности Дневники 1917–1936 гг. и 1918–1923 гг., эпистолярий и воспоминания современников (И. Г. Эренбурга, В. Ф. Ходасевича, Ф. А. Степуна); а также широкий спектр публицистических работ писателя 1917–1920 гг. (статьи «Первого марта», «Двенадцатого марта», «На костре», «Власть трехдвоймовых», «Ночная смена»; «То, что нам надо знать», «Левиафан»; «Нет!»; «Наша анкета» и др.), произведений художественной прозы (рассказы «Рассказ проезжего человека», «Простая душа», повести «Милосердия!», «Похождения Невзорова, или Ибикус»). Отмечается особенность писательского метода в пору революции и первых лет после нее: перерождение лаконичной дневниковой записи (эмоционально и оценочно субъективной) в художественное произведение.
Ключевые слова: А. Н. Толстой, Россия, революция, русская государственность, дневник, публицистика, художественное творчество.

ВВЕДЕНИЕ

Российская действительность первой четверти XX в. представляла череду эпизодов единого драматического действия – истории государства российского. А. Н. Толстой – очевидец и участник этого действия, приведшего писателя к эмиграции 1919 г., ре-эмиграции 1923 г., адаптации к новым реалиям российского общества и к участию в создании нового искусства Советского государства.

Во время революционного преобразования России 1917 г. А. Н. Толстой ощущал себя «человеком государственным» [4, с. 329]. Первопричину революции он видел «в характере русского народа» [6, с. 54]. Революционный разлом поставил Толстого перед экзистенциальным выбором: оказаться вне России или остаться с нею. Выбор Толстого известен: оставаться вместе с Россией и духовно, и географически. Но если сфера духовного единения не вызывала сомнений изначально, то географическая близость к Родине «конфликтовала» с семейными и другими обстоятельствами. Подобно многим современникам, Толстой остро ощущал раскол привычной жизни и чувствовал себя на перепутье, чем и продиктована характеристика Г. П. Струве: «Алексей Толстой только одним боком принадлежит зарубежной литературе <...>» [9, с. 82]. Зато Толстой принадлежал всецело литературе русской, что отмечали многие современники писателя, среди которых И. Г. Эренбург, М. А. Алданов, Ф. А. Степун. И в конце 1919 – начале 1920 г., в эмиграции, когда «Россия снова становится грозной и сильной», Толстой понимает, что «совершается грандиозное»:

с 1917 г. до 1920 г. «кривая государственной мощи от нуля идет сильно вверх» [10, с. 286] (из письма А. Н. Толстого к А. С. Яценко, 16 фев. 1920 г., Париж).

А. Н. Толстой шел к осознанию русской истории, находясь в ее потоке. «Его концепция отечественной истории – <...> позиция сочувствия и сострадания своему народу» [6, с. 190], – так оценивала А. М. Крюкова историзм писателя. Вопрос историзма А. Н. Толстого, тема русской государственности и русской революции в его творчестве актуализированы в исследовательских работах как XX в. (А. В. Алпатов, В. И. Баранов, А. М. Крюкова, М. А. Чарный, В. Р. Щербина и др.), так и XXI в. (Г. Н. Воронцова, А. М. Лобин, В. В. Чекушин и др.). События современной нам истории – истории отстаивания государственного суверенитета (в том числе и на полях сражений СВО) от навязываемого извне западноевропейского влияния, истории возрождения идеологического и ментально-генетического вектора «Великороссии», истории возрождения памяти народной – очевидно говорят в пользу актуальности нашего исследования. Тем более что революционная концептуальность А. Н. Толстого при обращении к русской истории (в частности, к эпохе Петра I) созвучна настоящему: «<...> эпоха Петра и наша эпоха перекликаются именно каким-то буйством сил, взрывами человеческой энергии и волей, направленной на освобождение от иноземной зависимости» [цит. по: 11, т. 7, с. 838].

Цель нашей статьи – пронаблюдать трансформацию функционально-оценочного восприятия русской революции А. Н. Толстым на материале корпуса Дневников, публицистических работ и художественной прозы 1917-х – 1920-х гг., что выводит нас к проблеме формирования вектора и фокусов мировоззренческих и творческий установок писателя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«<...> Я стал патриотом» (А. Н. Толстой)

Обратившись в начале XX в. к описанию дворянских усадеб, жизни «эпигонов дворянского быта» [12, т. 1, с. 43], А. Н. Толстой с событиями первой (Февральской) русской революции вдруг осознал, что современность ускользает от него, что он не постигает «подлинной жизни страны и народа» [12, т. 1, с. 44] («Краткая автобиография»). Впрочем, в статье «Октябрьская революция дала мне все» (1933) Толстой подчеркивал, что еще Первая мировая война вывела его «из заколдованного круга» и он «увидел все исторические процессы (правда, тогда еще разобраться в них <...> не мог)» [12, т. 10, с. 184].

«Подлинную жизнь», которая раскрылась в трагедийности бытия, он прочувствовал на фронте, будучи корреспондентом газеты «Русские ведомости». В августе 1914 г. Толстой делился с отчимом, А. А. Бостромом: «Я работаю в “Русских ведомостях”, никогда не думал, что стану журналистом, буду писать патриотические статьи. <...> А в самом деле я стал патриотом. <...> Мы великий народ – будем же им» [10, с. 212]. «Лучший патриот в лучшем смысле этого слова» [цит. по: 4, с. 320], – характеризовал А. Н. Толстого М. А. Алданов. Писатель предчувствовал масштабные последствия мировой войны. Из письма А. А. Бострому 28 августа 1914 г.: «<...> Это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, прекрасный век» [10, с. 213]. А в статье «Трагический дух и ненавистники» Толстой указывал цель в войне русского народа, который в один день

стал «крепким, решительным, чистым»: «сломить на полях Германии бесов железной культуры, гасителей духа человеческого» [цит. по: 4, с. 317]. В период Первой мировой «увидел русский народ» [12, т. 1, с. 44] («Краткая автобиография») и поверил, что только победа России в этой войне решит противоречия русского общества, иначе «мы погибли совсем, навсегда. Мы перестанем быть русскими, людьми, превратимся в удобрение. <...> В нас, в русских, будет погашен свет нового века» [12, т. 10, с. 17]. Победа России расценивалась писателем как условие сохранения государственной целостности страны [4, с. 320]. Но отношение к войне менялось, и в январе 1917 г. А. Толстой уже осознавал, что «время романтических боев прошло. <...> Война стала расчетом, фронт – буднями» [цит. по: 4, с. 320].

Безоговорочно приняв Февральскую революцию, Толстой погрузился в политическую жизнь: мартовские демонстрации в Москве 1917 г.; Государственное совещание 12–15 (25–28) августа 1917 г. в Большом театре; с конца марта 1917 г. – исполнение обязанностей комиссара по регистрации печати при московском правительстве (в составе Комиссариата были В. В. Каллаш, Г. А. Рачинский; председатель – В. Я. Брюсов); работа в Клубе московских писателей (вместе с И. А. Буниным, В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. Белым, Б. К. Зайцевым, В. Ф. Ходасевичем и др.). Выступления, публицистические статьи и художественные произведения весны и лета 1917 г. передают революционный настрой писателя: вера в особую миссию русского народа, в его возрождение – и духовное, и государственно-строительное. 1 марта 1917 г. для Толстого «наступал новый век», когда осуществлялись «новые формы жизни»: «<...> Ни царская ливрея, ни сюртук буржуа уже не на наши плечи»; хотя охватывал страх, «как бы не произошла неуместная жестокость, не пролилась кровь» [12, т. 10, с. 16] (ст. «Первого марта»). В первые же дни революции Толстым владеет надежда на создание демократической республики: «В народ, в его государственную мудрость поверили на слово» [12, т. 10, с. 17] (ст. «Двенадцатого марта»). И народ 12 марта 1917 г. оправдывал эти надежды: «Только серьезные, только взволнованные лица, на них резко отпечатались труд, мука и унижения долгих лет»; «не злобу, не ненависть, не месть» нес народ русский, «а жадное свое, умное сердце, горящее такой любовью <...>» [12, т. 10, с. 19].

Еще во 2-ой половине сентября 1917 г. А. Толстой «радостно и светло» смотрел на будущее России, которая, обобщив мировой опыт, «найдет свой какой-то в высшей степени оригинальный политический и общественный строй, очевидно демократический» [10, с. 270]. В письме к А. А. Бострому все негативное в движении революции Толстой объяснял «невежеством народа и гнетом войны»: «Нужно удивляться, как еще мало делается у нас злого и страшного. Теоретически <...> к 7-му месяцу революции Россия представляла бы собой груды дымящихся окровавленных развалин. А мы еще живем, бунты подавляются почти без крови, армия защищает города, партии борются словами, а не топором, фонари предназначены пока еще только для освещения» [10, с. 270]. Здесь же Толстой рассуждал о характере русского народа: «не кровожаден», «не буржуазен, т. е. собственность <...> не составляет для него фетиша», «в высшей степени приспособлен быть носителем идей <...> грядущей абсолютной мировой свободы» [10, с. 270]. И в «Рассказе проезжего человека» (1917) вернувшийся с фронта штабс-

капитан, вопреки всеобщему отчаянию, усталости, верит в осуществление правды, божеской справедливости именно на русской земле, хоть и «через муки, унижение и грех» – это неизбежность исторического развития страны: «Не будет у нас сейчас ни порядка, ни покоя. Рождается новая Россия, невидимая, единая и белая, как Китеж выходит с озерного дна...» [12, т. 3, с. 15]. Отметим, что историк и литератор Ф. А. Степун, встречавшийся с А. Н. Толстым в Москве в дни работы Государственного совещания 12–15 (25–28) августа 1917 г., был поражен глубоким проникновением Толстого «в стихию революции, которой его социальное сознание, конечно, страшилось, но к которой он утробно влекся как к родной ему стихии озорства и буйства <...>»: Толстой увидел «пугачевскую, разинскую стихию революции» [8, с. 228].

«Ничего нельзя понять. Все спятили с ума...» (А. Н. Толстой)

С русской жизни 1917–1918 гг. вызывали далеко не однозначную реакцию писателя. И. Г. Эренбург, вспоминая писательские встречи в кафе «Бом» (на Тверской), передавал удрученное состояние духа обычно громкого и эпатажного А. Н. Толстого, который «мрачно попыхивал трубкой и говорил <...> (И. Эренбургу – Е. М.): “Пакость! Ничего нельзя понять. Все спятили с ума...”». И «в 1917–1918 годы он был растерян, огорчен, иногда подавлен: не мог понять, что происходит; сидел в писательском кафе «Бом»; ходил на дежурства домового комитета; всех ругал и всех жалел, а главное – недоумевал» [16, с. 154]. «<...> Господин редактор, пишите сами веселые рассказы, у меня больше нет тем» [13, с. 263], – характеризовал свое настроение Толстой в ст. «Власть трехдюймовых» (1917).

Дневниковые записи А. Н. Толстого 1917–1936 гг., фактографичные и детализированные, воссоздают картину времени и характеризуют положение и настроение Толстого. Из дневника:

28 октября 1917 г.: «С утра стреляют на улицах. Много народу, все помалкивают, выжидают. <...>

Уханье, треск автомобилей. Негромко щелкают выстрелы и вдруг рычит пулемет.

<...> Ночью в комнате швейцара собрался штаб охраны. Пили чай, играли в карты. Вдруг стук в окно, открыли форточку, голос: “Пролетел второй снаряд с Пресни”. Еще погодя стук и голос: “Наш дом обстреливают, загасите свет”. Тогда загасили свет и все пошли на улицу» [1, с. 351–352].

30 октября 1917 г.: «С утра грохот пушечных выстрелов. <...>

У нашего дома убило юношу, в голову, наповал. В 9 часов вдруг погасло электричество. Весь дом вылез на лестницу со свечками. К полуночи можно было видеть женщин, в изнеможении прислонившихся к перилам. <...> Пули чмокаются в сырые дрова. <...>» [1, с. 352].

9 января 1918 г.: «Анархисты заняли дом Цетлиных¹.

Бомбы, вино, девки. <...>» [1, с. 357].

¹ Цетлин (Цейтлин) Михаил Осипович (1882, Москва – 1945, Нью-Йорк) – поэт, переводчик, редактор, меценат; знакомый А. Н. Толстого. По-видимому, историю Цетлина писатель, несмотря на кажущуюся беспристрастность заметки, принимал близко к сердцу, поскольку обращается к упомянутому эпизоду и в Дневнике 1918–1923 гг.

30 марта 1918 г.: «В 6 ч. у<тра> просыпаюсь от стрельбы. В продолжение 20 минут было 4 атаки, последняя – непрерывный вопль пулеметов, ружей, удары орудий – топот ног, крики голосов. Вбежала Наташа в одной рубашке, села на диване. Слушали. Затем все затихло. Был взят особняк Цетлина» [1, с. 358].

Ранее, 1 ноября 1917 г.: «Непрерывный грохот орудий. Шрапнели рвутся над церковным двором, осыпая и наши. На окнах строят баррикады. Некоторые спустились в подвалы <...>.

Говорят, что прислуга уже разделила квартиры для грабежа <...>.

Ночью выстрелы вывели Наташу из себя, она отчаянно бранила меня и няньку, легла на полу в ванной.

Дети устроены внизу. Мы с Наташей легли спать в ванной. Всю ночь грохот снарядов и бешеная перестрелка. <...>» [1, с. 353].

Последняя из приведенных записей нашла отражение и в воспоминаниях Н. В. Крандиевской: «После двух шальных пуль, царапнувших подоконник в столовой, окна нашей квартиры на Малой Молчановке были завешены коврами, забаррикадированы шкапами. Детские кровати перенесли в ванную комнату, без окон...» [5, с. 106].

Даже в таких условиях Толстой продолжал воспринимать реальность как художник и мыслитель, что запечатлелось в стиле дневниковых записей.

«Пулемет кажется железной собакой, которая, сидя на цепи, заскрежетала зубами – широким ртом» [1, с. 351] (28 окт., 1917);

«Высоко над Арбатской разрыв, и белое плотное облачко мгновенно растерзал, унес ветер. <...> В звуки выстрелов вдруг влился мягкий колокольный звон. И на минуту все затихло. Точно весь город прислушался – звонят к вечерне» [1, с. 352] (29 окт., 1917);

«Таинственный, космический дух мировой войны перекинулся в Москву. Все, что происходит в эти дни, бесприютно и таинственно» [1, с. 353] (31 окт., 1917);

«Возвращались по Молчановке.

Солнце стояло в конце улицы. <...> Заметно, как уже на голых ветвях набухли почки. Я подумал: прошла война, прошла революция, вся Россия стала уже не та, а дерево распускается так же, как прошлой весной, как много весен назад. <...> Человек оторвался от природы. Забыл природные и вечные законы и выдумал законы свои и сейчас осуществляет их и гибнет <...>» [1, с. 358–359] (30 марта, 1918). Вернувшись из эмиграции, Толстой вернется к этой мысли во фрагменте «Продолжение к странице 31» [1, с. 387].

В январе 1918 г. Толстой, описывая пестроту, неупорядоченность жизни, странное смешение голода и войны с пьянством, танцами и ряжеными, приходит к философскому постижению «несокрушимой силы жизни, которая все поглотит и сделает все так, как надлежит быть» [1, с. 356].

А. Н. Толстой, оценивая дневники Н. В. Крандиевской, обрисовал собственное отношение к писательскому дневнику: «<...> Всякий дневник только тогда ценен, когда он не литературное произведение, а либо след (во времени) наблюдений за людьми, след эпохи, либо след развития своих мыслей, идей, вызванных восприятием эпохи. <...> Мне (т. е. всякому читающему дневник) интересны прежде всего наблюдения над людьми. Так как самое важное и самое интересное, что есть в природе, – это вскрытие человека в данной эпохе» [1, с. 258]. Иными словами, дневник для А. Толстого – документ эпохи, но творческий. Дневник А. Н. Толстого «всегда функционален: он изначально, по замыслу своему, творчески нацелен – в нем нет ничего “лишнего”, случайного, преходящего» [1, с. 260] (А. М. Крюкова).

Наибольший интерес для нас представляет Дневник 1917–1936 гг., который отличается изначальной творческой заданностью, о чем говорит уже деление дневника на две разнохарактерные части: 1917–1918 гг. и май 1923 г. – 1936 г.; срединные дневниковые записи за 1918–1923 гг. словно изъяты, представлены отдельным дневником. Обратим внимание на структуру и исполнение дневника – они представляют концепцию бытийного поведения писателя: от Октябрьской революции к ее итогу, началу новой жизни – и в российском государстве, и в судьбе Толстого. Вне России (и ментально, и географически) А. Н. Толстой себя не мыслит. В этом плане значима деталь: эпиграфом к эмигрантской повести «Н. Н. Буров и его настроения» (1921) взяты строки: «О-хохо-хонюшки! / Скучно жить Афонюшке / На чужой сторонюшке (Народная песня)» [12, т. 3, с. 591] – некогда Толстой привел их в письме к матери. «Лучше настроение человека, насильно оторванного от родной земли, пожалуй, не выразишь» [16, с. 149], – резюмировал И. Г. Эренбург. Не случайно название второй части дневника («1923. Май») обращает к первому приезду писателя из эмиграции в Россию – вписано позднее (синим карандашом) [1, с. 388].

Яркие приметы моделирования, сотворенности дневника – хронологическая непоследовательность изображаемых событий, включение вырезок из газет («Елка футуристов» – «Вечер-буфф молодецкого разгула поэзо-творчества», состоявшийся 30 декабря 1917 г.; «В Смольном», 1918; «Приказ полковника Грекова» от 25 января 1919 г. по г. Ростов-на-Дону о гостиницах и меблированных комнатах и др.), вклейка страниц из записных книжек позднейших лет (1930-х). Открывается дневник воспоминаниями о лете 1917 г. («в Иванькове») и 1916 г.; авторская датировка появляется с 26 октября с реалиями времени и жизни автора: «Заседание домового комитета. Охрана дома» [1, с. 351]. Записи за октябрь–ноябрь 1917 г. выполнены в точном соответствии с фактами истории, зафиксированными в современной писателю периодике, и толстовским принципом наблюдения. За событиями 1918 г. идут записи 1923 г. («Май»), 1927 г. («Лето»), а далее – возврат к «Декабрю 1916 г.». Завершается Дневник 1917–1936 гг. «<Из записей на разрозненных листах, вложенных автором в Дневник 1917–1936 гг.>».

Безусловно, изначально Толстой оттапливался от сиюминутной записи для себя. Однако лаконичная заявка дневниковой записи не единожды обрастала тканью художественного произведения, получала самостоятельную жизнь (например, в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924), романах «Восемнадцатый год», «Хмурое утро»), становилась содержанием отдельного произведения (например, повесть «Милосердия!» (1918), рассказы «Простая душа» (1918),

«В бреду» (1918), «Между небом и землей» (Очерки нравов литературной Москвы)» (1918), пьесы «Горький цвет» (1917), «Смерть Дантона» (1918)), получала характер живого публицистического отклика (например, «На костре», «Власть трехдюймовых», 1917).

Так, процесс создания «Милосердия!» (1918) наблюдал И. Эренбург. Повесть складывалась в то время, когда Толстой все чаще обращался к жизни простого обывателя – иногда добродушного, иногда с хитрецей, но не приспособленного ситуации разлома, потерянного во времени интеллигентного человека. «Милосердия!» – «первая попытка высмеять либеральных интеллигентов» [16, с. 154], как определял сам Толстой.

«Убийство вора Петьки на Ржевском» [1, с. 362] (дневниковая запись 1918 г.) включена в 1-ю редакцию рассказа «Простая душа» (впервые – цикл «Навождение. 1919», под заглавием «Катя», с датой: «Одесса. 1918»). В него же вошел эпизод со взятием «дома Гагарина» (дом кн. Г. Г. Гагарина находился на Тверском бульваре). Из дневника: «Пылающее окно, топот перебегающих солдат, боль <шевиков>, они бросаются из окон и падают под пулями. Им кричат – вылезай... Марш!..» [1, с. 362].

Повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» и вовсе складывалась на страницах Дневников 1917–1936 гг. и 1918–1923 гг. Запись «Символ смерти, или говорящий череп Ибикус» [1, с. 364] в разделе Дневника 1917–1936 гг. «1923 год. Май» формирует фундамент замысла повести. Приведенный выше в этом же разделе эпизод «Степь, думы пожарищ» [1, с. 364] разработан в ней же. Сама сатирическая интонация Дневника 1918–1923 гг., как показывает А. Крюкова, последовательно выражена в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» [1, с. 397]. «Бегство из Одессы» изображено в повести именно в дневниковой подаче. А «Разговор вечером около котлов с вкрадчивым черным господином...» [1, с. 404] воспроизведен в повествовательной ткани повести.

Наконец, запись 1918 г., которая была преобразована в пьесе «Смерть Дантона» и получила отклик в «Простой душе», а впоследствии, как наблюдала А. М. Крюкова [1, с. 387], – рассказах «Голубые города» (1925), «Гадюка» (1927): «<...> Я понял, как в известные периоды революции даже возвышенные и мягкие люди могут быть жестокими и подписывать смертные приговоры близким людям, друзьям (Робеспьер, Камилл). Когда революция кончается и наступает органическая необходимость творческой работы – то люди, еще не понявшие этого и продолжающие романтически кипеть, бурлить и мечтать о разрушении, становятся врагами [духа] отечества, [духа] страны, <1 нрзб> врагами. Их уничтожают без сожаления» [1, с. 359–360].

Материалы Дневника 1918–1923 гг. использованы в рассказах «На острове Халки» (1924), «Древний путь» (1927), в романе «Эмигранты» («Черное золото», 1931–1940). Таким образом, на страницах дневника создавался «образ времени, который потом растворится в творчестве, обеспечит историчность подхода к изображаемому материалу» [1, с. 347], – комментировала дневниковые записи писателя А. М. Крюкова и иллюстрировала процесс преобразования дневниковой записи в ходе творческого осмысления «в важнейший художественный образ, составную часть концепции произведения» [1, с. 260].

В это же время А. Н. Толстой сосредоточенно ищет аналогии современным событиям в русской истории – приходит к жанру исторической прозы [4, с. 327]. Основы и проблемы русской государственности пытается осознать через обращение к историческому прошлому страны [2, с. 62]: «Разгадки русского народа и русской государственности» [12, т. 1, с. 44] ищет в эпохе Петра I. С Октябрьской революции он возвращается к прозе и осуществляет «первый набросок “День Петра”» [12, т. 1, с. 44]. Над повестью работает в конце 1917 – начале 1918 гг. Тогда же пишет рассказы, предваряющие магистральную для него тему русской государственности, сфокусированную на личности Петра I – «Навождение» (1919) (в машинописи называлось «Лунный свет (Исторический рассказ)»; написано в конце 1917 г.) и «Первые террористы» (впервые – 1918 г.; название ассоциировано с перерабатываемой Толстым весной 1918 г. драмой Бюхнера «Смерть Дантона»).

«Революция – всегда огонь» (А. Н. Толстой)

С 1917 г. А. Н. Толстой движется к пониманию современности и вживанию в эпоху: «Я слишком близок к современным событиям, и душа моя слишком измучена» [13, с. 258] (ст. «На костре», 1917 г.). Природу этого вживания впоследствии писатель определит как «диалектическое»: «Я понимаю эпоху в ее движении, а не как неподвижный отрывок времени» («Октябрьская революция дала мне все», 1933) [12, т. 10, с. 184]. В центре осмысления, вернее, переосмысления – русская революция, дни которой в 1917 г. теперь представляются как «ураган крови и ужаса», возмездие всему русскому «за грех, за лень» [13, с. 259]. И теперь «первого марта 1917 года у нас произошла не революция, – утверждает Толстой, – а военный и голодный бунт, как реакция на трехлетнюю войну» [13, с. 258], поскольку «Революция – всегда огонь», который «видоизменяет качественно нацию. <...> Огонь революции еще не запылал», но когда это произойдет, Россия должна очиститься, русский народ – стать «народом чистым и преображенным» [13, с. 258–259]. Доминирующее у Толстого – «Я верю <...>»; «верю в чудо Учредительного собрания», которое есть «костер очистительный», результат его работы – «добро и милосердие для всех» [13, с. 259].

После Октябрьской революции Толстой продолжал верить в Великороссию, но опасался, что «Декларации прав народов России» разрушит древнюю целостность государства: «Финляндия, Украина, Донские казаки, Кубань объявляют себя федеративными республиками, спешно хватаются за оружие, за власть <...>»; «Великороссия становится перед лицом всей страны, оскалив зубы. Мир, с широкой до ушей улыбкой предложенный всему свету, отвергнут и союзниками, и врагами¹. Еще несколько дней, и кости России затрещат» [13, с. 258]. И он готов вместе с русским народом принять и перенести все испытания времени «во имя грядущего, во имя преображения, во имя светлой, великой, чистой России» [13, с. 259]. Верит Толстой и в то, что народ вскоре свергнет власть «трехдюймовых», власть Советов

¹ Речь о Декрете о мире, принятом на Втором всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., содержащем предложение к воюющим странам немедленно начать переговоры о подписании мира. Статья Толстого, написанная накануне выборов в Учредительное собрание (12 (25) ноября 1917 г.), опередила течение событий: 14 (27) ноября на предложение большевиков откликнулись Германия и дружественные ей государства; 20 ноября (3 декабря) в Брест-Литовске открылись мирные переговоры между Россией и центрально-европейскими державами [13, с. 454].

(ст. «Власть трехдюймовых», 1917, 27 нояб.). Однако опора для веры все более истончается: «Посмеемся, но над чем? Над Россией – грешно. Над политикой – большевиками, временным правительством, Учредительным собранием, казаками, над террором и прочими странными превращениями – опасно, боюсь; когда-нибудь высмею, конечно, в романе или комедии, но пусть поостынут страсти» [13, с. 261].

А. Н. Толстой разочарован в Феврале, смущен Октябрем – растерян и неприкаян. «Он видел трусость обывателей, мелочность обид, смеялся над другими, а сам не знал, что ему делать» [16, с. 154], – вспоминал И. Г. Эренбург. Правда, растерянность весьма успешно вуалировалась: «Толстой умел не только вкусно радоваться, но и вкусно огорчаться», «смеяться и над своим смятением» [16, с. 277, 154]. Кстати, отсюда и толстовский каламбур, так переданный Эренбургом: «Как-то он показал мне медную дощечку на двери – “Гр. А. Н. Толстой” – и загрохотал: “Для одних граф, для других гражданин”, – смеялся он над собой» [16, с. 154]. А вот Дневник 1917–1936 гг. значительно более откровенен. 2-го ноября 1917 г. пришло известие о заключении мира. «Никто не выразил ни радости, ни отчаяния. Только <...> офицер-летчик сказал: “Да, все-таки родина, и вот нет ничего”» [1, с. 354]. 3-го ноября «Чувство тоски смертельной, гибели России, в развалинах Москвы, сдавлено горло, ломит виски» [1, с. 354]. 4-го ноября «ощущение предсмертной тоски», поскольку «Распадение тела государства физически болезненно для каждого <...>» [1, с. 354]. Наконец, «Мое духовное и физическое тело связано с телом государства; потрясения, испытываемые государством, испытываются мною» [1, с. 355].

В результате этих переживаний формировалось критическое отношение к революции, которой руководит «мечта о высшей справедливости», но она-то и есть «самая свирепая и кровавая вещь»: «Поражая людей, она разжигает их, как лихорадка. Благоразумие и добро нынешнего дня – становятся преступлением» [1, с. 354]. То есть, по мысли Толстого, происходило парадоксальное перерождение изначально справедливой идеи. В таких условиях у писателя вызревала мысль об эмиграции. По словам И. Г. Эренбурга, «Толстой говорил, что нужно уехать в Париж» [16, с. 279]. Дневник 1918–1923 гг. охватывает отъезд на Украину (в Одессу), в Париж (эмиграцию), пребывание за границей (в Париже, Берлине, Миздрое), возвращение в Россию 1 августа 1923 г. Лейтмотив Дневника 1918–1923 гг. – алогизм жизни вне Родины, который реализуется в открытой обреченности покидающих родной берег и сатирическом подтексте Дневника, контрастности поведения людей.

В начале апреля¹ 1919 г.: *«Французы сдают Одессу, мы уезжаем сегодня. Началось <...> отчаяние. <...> Серьезные лица офицеров. <...> Много простонародья. Сдержанно веселы. <...>*

Зашли к Цетлиным, простились. Все уезжают. Чувство одиночества, покинутости. Не могли спать ночь. Обреченные на голод, на унижение. <...> <...> Пароход “Кавказ”. <...> Все, как во сне. Неудобства почти не замечаются, состояние анестезии: слишком все неожиданно, хаотично,

¹ В «Похождениях Невзорова...» А. Толстого указана более точная дата: 5–6 апреля 1919 г., которая получила косвенное подтверждение в дневнике В. Н. Муромцевой-Буниной, находившейся в те дни в Одессе [1, с. 414].

будущее страшно и непонятно. <...> На набережной при погрузке багажа – матрос с винтовкой на возу: “Дорогие мои, зачем бегите? Оставайтесь, всем хорошо будет”. Черная счастливая, широкая рожка» [1, с. 403–404].

Ощутима абсолютная сумятица сознания, потеря контроля над эмоциональным состоянием: горечь бессознательной тоски об утраченном, покидаемом родном крае и при этом: «Настроение погрома. Злоба и тупое равнодушие. Никто не сожалел о России. Никто не хотел продолжать борьбу. Некоторое даже восхищение большевиками» [1, с. 405]. В сентябре-октябре 1919 г. в письме И. А. Бунину из Парижа А. Н. Толстой вспоминал прожитое: «<...> Час был тяжелый. Но тогда точно ветер подхватил нас, и опомнились мы не скоро, уже на пароходе. Что было перетерплено – не рассказать. <...>» [10, с. 279–280].

Следует эмиграция. Писателя не отпускает Россия. появляются мысли о возвращении. Весной 1923 г. А. Н. Толстой приезжает в Москву, а 1 августа 1923 г. окончательно возвращается, но уже в Россию Советскую. Позднее в статье «О себе» (1929 г.) Толстой укажет точную дату, начиная с которой он «связал свое творчество с жизнью и судьбой Советской России» [11, т. 10, с. 192], – 1921 год, когда он расстался с благоустроенной Европой ради «страны, разоренной войной»; расстался, потому что увидел необычайный потенциал нового русского государства, «даль, манящую грандиозными возможностями»: «Эта даль была вся взъерошена гражданской войной, вся в надеждах, проектах. Это была питательная почва, куда мое “я” пустило корни» [11, т. 10, с. 192–193].

Психологически такое преобразование А. Н. Толстого вполне объяснимо и даже закономерно. Во-первых, как мы видели, сама идея необходимости революционного, основанного на демократических началах переустройства страны не была ему чужда. Не случайно Бунин еще до эмиграции называл Толстого «полубольшевиком» [16, с. 279]. Во-вторых, сказывался эффект «взгляда со стороны». Исследователями давно замечено, что для объективного восприятия реальности художнику зачастую необходимо отдалиться от изображаемого предмета, занять позицию «чужого, постороннего наблюдателя» [7, с. 319]. Пока Толстой находился в революционной России, его внимание неизбежно сосредоточивалось на частностях, его суждения подогревались сиюминутными эмоциями. Оказавшись за рубежом, он получил возможность формировать обобщенное представление о событиях эпического масштаба. Эти события возрождали его давнюю веру в отечественную государственность, а физическая отстраненность от этих событий заводила в тупик его творчество.

Еще в декабре 1917 г. в «Ночной смене» А. Н. Толстой сетовал на неразумие русского человека, вполне осознающего свою национальную идентичность и свое отношение к Отечеству лишь в кризисное для государства время:

«<...> Мы, русские люди, много лет <...> жили у себя в России, как на постоялом дворе, не на родине, а на перепутье. Не мило нам было ни отечество, ни обычай родной, ни прошлое. Даже слово – родина – признавалось всеми подгнившим, с душком <...> И все русское казалось нам чумазым, варварским, хамским, родина наша – работой, слишком горды и свобододолюбивы мы были, чтобы любить рабу.

<...> И вот теперь пришел страшный час встречи. <...> Отскочили. В ужасе отпрянули мы. Что это? Кто эта страшная и дикая, с одеждой в земле, с руками в крови и ранах, с искаженным мукой, безумным лицом! Я не знаю тебя! Я не звал тебя! Кто ты?

– Я твоя родина!» [13, с. 265].

А. Н. Толстой отдавал себе отчет в незнании истинной России, не лубочной, «в кокошнике и голубом сарафане», «доброй и милейшей», а «дикой бабищи в кровавых лохмотьях», «самой себя сейчас ненавидящей» [13, с. 265]. Нужно было делать выбор: отправляться в Швейцарию, «к сытым коровам, на зеленые лужайки», но с мучительным вопросом «Могу так, во веки веков, жить без роду, без племени, как собака, забытая на даче?» или «пойти и ей, России, родине, ненавидящей меня, <...> сказать, склонив голую, повинную шею перед ней: возьми жизнь мою и душу. Только это и осталось. Только одно...» [13, с. 265]. Толстой выбрал второе, ибо «покидая Родину, русские эмигранты несли с собой идею смерти вне родных пенатов» [3, с. 6]. Вспомним В. Ходасевича: «Судьба русских писателей – гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели» [14, с. 224]. И уже тогда, в декабре 1917 г., у А. Толстого появляется мысль о новом поколении «строителей» новой и великой России.

В Одессе 1918 г., среди всеобщего безумия и бегства от разрухи и неизвестности грядущего, Толстой обращался мыслями не столько к Европе, куда отправлялся, сколько к России: «Я думаю о ней, потому что страдаю: я один из многих, опрокинутых непогодой, бушующей там, наверху, в городе живых» [13, с. 274]. Более того, писатель грезил о возрождении России в обновленном, величественном виде, хотя в мыслях писателя было сильно неприятие большевизма и результатов Брестского мира. Об этом в статье «То, что нам надо знать» (1918, 24 окт.): «Мне говорят – Россия погибла, распалась. Неудачная война и большевизм потрясли ее до основания; чужеземные войска клочком бумаги разрубили ее, как наковальню картонным мечом. Я этому не верю и не могу верить <...>» [13, с. 274–275].

В рассуждении Толстого, Россия жива, пока ее народ един, осознает себя, следует инстинкту «славянских племен к соединению в одну расу»: «Россия слагалась медленно, органически, соединяла племена под единый свод <...>» [13, с. 275]. Вывод, сделанный «из пяти годов пережитых страданий», убеждает в созидательной роли России: «Строить с новой, с более сильной, с истинной верой в грядущую культуру, строить потрясенное на вершине и незыблемое в основании единое наше государство <...>» «Свод рухнул – нужен новый свод <...>. И нельзя называть начало нового строительства развалом» [13, с. 275].

Эти размышления получают развитие спустя три дня в статье «Левиафан» (1918). Большевизм здесь именуется «болью и отчаянием России», которая должна была заставить «страшного» «Левиафана России», «триста лет сидевшего на цепях», прозреть, «укрепить в нем добро, волю и порядок»; именуется «болезнью», которая «застилала глаза народу, не давала ему осознать государственности, заставляла интеллигенцию лгать и бездействовать, вызывала непонятную тоску, больные мечты <...> о государстве без государства» [13, с. 277]. Большевизм – словно тяжелая

необходимость для излечения государства: «<...> Россия распалась. Но это распадение было инстинктом большого. <...> Все нездоровое, шаткое, не оформленное сгорело и горит в этой борьбе» [13, с. 277]. А. Н. Толстой констатирует: «Теперь – ближайшая задача: со свежими оздоровленными силами начать очищение Великороссии. <...> Россия была большой, теперь должна стать великой» [13, с. 277].

Образ библейской мифологии использовал Т. Гоббс в одноименном трактате «Левиафан», представляя государство гигантским живым организмом. Легенда о Левиафане – «прожорливом, грузном, свирепом существе» – гласит: «Воспитывают его боги целыми столетиями, для обуздания насылают войны, чуму, революцию и пр. От этих встрясок он становится зрячим, организованным и прекрасным и начинает ревновать к богам» [13, с. 276]. Отметим: «Левиафан» А. Н. Толстого был опубликован в приложении к газете «Одесский листок» (1918, 27 окт.), имеющем заголовок: «Накануне Возрождения России», объединившем произведения И. А. Бунина, Л. П. Гроссмана, А. М. Де-Рибаса, Д. Н. Овсянико-Куликовского, В. А. Розенберга, В. Н. Твердохлебова, С. С. Юшкевича и др. [13, с. 465].

Непримиримость с большевизмом звучит в статье «Нет!», опубликованной уже в Париже (газ. «Общее дело», 1919, 20 авг.): «<...> Большевики смотрят на Россию <...> только как на бульон для приготовления коммунистической бациллы. Человек, личность, люди, счастье вот именно этих самых Иванов и Петров их не интересует и не тревожит» [13, с. 286]. «Нет!» содержит упоминания о драматичных крымских событиях конца 1917 – начала 1918 гг., известных автору по тенденциозным публикациям и пересказам: «О большевиках писали много, рассказывали об их зверствах, расстрелах, терроре, о днях бедноты, когда каждый (рабочий, бедняк или вор) мог войти в любой дом и взять все, что ему понравилось, описывали их тюрьмы, разорение крестьянства и ужасы вторжения в Крым китайских войск, когда красные разыскивали офицеров, убивали детей головой о стену и т. д., и т. д.» [13, с. 286].

Наконец, «Наша анкета» (газ. «Общее дело», 1920, 7 нояб.) представила ответы Толстого на вопросы редакции по случаю «трехлетия большевистского переворота». Силу большевизма писатель обозначил «в оправдании зла, порожденного войною». Большевики жертвуют «счастьем и интересами страны» во имя глобальной цели, которой является «мировая революция», при этом их власть лишена морального начала. Народ же «пошел за большевиками во имя лучшей жизни, то есть счастья, то есть добра. Народ поверил им, что ненавистью, разрушением и злом он достигнет веками жданного счастья» [13, с. 295–296]. В ноябре 1920 г. Толстой еще был уверен в скором крахе большевиков.

Как видим, в 1917-е – 1920-е гг. к большевизму для А. Н. Толстой относился враждебно. Но революция как таковая воспринималась им едва ли не врачующей государство силой, хоть и жуткой в своей сокрушительной непреклонности. Подобную точку зрения разделял и другие деятели культуры, в частности, В. Ходасевич, который в декабре 1917 г. писал, что случившаяся «лихорадка России на пользу» и если придется самим «потаскать навоз», это все-таки лучше, чем власть Рябушинских и Гучковых, превращающих страну в «фешенебельный бардак» [цит. по: 15]. Большевизм и революция в сознании Толстого – явления далеко не равнозначные. Революция, по Толстому, призвана была исцелить и укрепить Россию, а первые шаги советской власти заставляли думать, что большевики ведут Россию к развалу.

Однако ситуация менялась. Гражданская война клонилась к победе красных. Советская Россия быстро приобретала черты реального государства. В конце 1922 г. был создан Советский Союз, снова собравший воедино народы и территории, раздробленные революцией и междоусобицей. Как помним, весной 1923 г. Толстой решился посетить это новое (или обновленное) государство, а вскоре навсегда вернулся на Родину.

Это решение вызревало давно. По воспоминаниям И. Г. Эренбурга, в Берлине А. Н. Толстой уже знал, что вернется в Россию, и вот, как это объяснял мемуарист: «Две страсти жили в этом человеке: любовь к своему народу и любовь к искусству. Он скорее почувствовал, чем логически понял, что писать вне России не сможет. А любовь к народу была такова, что он рассорился не только со своими друзьями, но и со многим в самом себе – поверил в народ и поверил, что все должно идти так, как пошло» [15, с. 155].

ВЫВОДЫ

Русская революция – безусловный ключевой фактор на пути самопознания и бытийного самоопределения А. Н. Толстого. «Исторический оптимизм» (Г. Н. Воронцова) писателя обусловил искреннюю веру в грядущее могущество возрожденной России, очищенной духовно в «огне революции». Ориентир на идею и дух «Великороссии», глубокая ментальная русскость определили выбор писателя в пользу служения России на родной земле.

Взгляд Толстого на историческую миссию революции подвергся тяжелым испытаниям. Воодушевление, рожденное Февралем 1917 г., вера в облагораживающую функцию революционного перелома, в благотворное преобразование государства, сменились в Октябре 1917 г. разочарованием, апатией и растерянностью, мрачным предчувствием гибели российской государственности. Первые шаги советской власти воспринимались писателем как сокрушительные удары по единству России, и это продиктовало решение об эмиграции.

В самые трудные моменты периода 1917-х – 1920-х гг. Толстой продолжал анализировать природу русской государственности и сформированные историей черты русского национального характера, и на основе этих раздумий сформировался корпус публицистических и художественных произведений. Импульсом для идей/тем/сюжетов, как правило, служили лаконичные дневниковые записи, которые затем получали развитие в публицистике и прозе. Таким образом, поденные записи, статьи и художественные произведения тесно переплетались, включая автобиографические факты в широкий социально-политический контекст.

Упомянутый корпус произведений 1917-х – 1920-х годов показывает, что даже в потоке, казалось бы, обескураживающих событий современности, Толстой сохранял убежденность в неизбежности возрождения русской государственности, существование которой, по его мысли, обусловлено духовным потенциалом народа. И уже первые предпосылки к этому возрождению заставили Толстого задуматься о возвращении на Родину: ход реальной истории начинал оправдывать теоретические построения и надежды писателя.

Список литературы

1. А. Н. Толстой: материалы и исследования / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. А. М. Крюкова. – М.: Наука, 1982. – 528 с.
2. Баранская Е. М. А. Н. Толстой на пути к разгадке российской государственности // Антропоцентрическая парадигма литературно-языкового пространства: монография. – Т. 1. Социокультурное измерение филологического дискурса. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. – С. 58–68.
3. Баранская Е. М. Вектор творческих экспериментов А. Н. Толстого периода ре-эмиграции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 3–15.
4. Воронцова Г. Н. «Сквозь пыль и дым»: первый роман о русской революции // Толстой А. Хождение по мукам. – М.: Наука, 2012. – С. 303–399. – (Литературные памятники).
5. Воспоминания об А. Н. Толстом: сборник / Сост.: З. А. Никитина, Л. И. Толстая. – М.: Советский писатель, 1982. – 495 с.
6. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. – М.: Наука, 1990. – 257 с.
7. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
8. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. – 2-е изд., доп. – СПб.: Алетейя, 2000. – 644 с.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского Зарубежья. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.
10. Толстой А. Н. Переписка А. Н. Толстого: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. – 351 с.
11. Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958–1961.
12. Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1981–1986.
13. Толстой А. Н. Хождение по мукам / Изд. подгот. Г. Н. Воронцова. – М.: Наука, 2012. – 478 с. – (Литературные памятники).
14. Ходасевич В. Литература в изгнании // Ходасевич В. Избранная проза. – New York: Russica Publishers Inc., 1982. – С. 210–224.
15. Чагин А. Пути и лица: о русской литературе XX века / Российская акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 593 с. – Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/sci-philology/237729-13-aleksej-chagin-puti-i-lica-o-russkoj-literature-xx-veka.html#text>. – (Дата обращения: 11.10.2024).
16. Эренбурге И. Г. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания: в 3-х т. – Т. 1. Книги первая, вторая, третья. – Изд. испр. и доп. – М.: Советский писатель, 1990. – 640 с.

References

1. A. N. Tolstoi: materialy i issledovaniya [A. N. Tolstoy: materials and research]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 528 p.
2. Baranskaya E. M. A. N. Tolstoi na puti k razgadke rossiiskoi gosudarstvennosti [A. N. Tolstoy on the way to the solution of the Russian statehood]. *Antropotsentricheskaya paradigma literaturno-yazykovogo prostranstva: monografiya*. Vol. 1. *Sotsiokul'turnoe izmerenie filologicheskogo diskursa*. Ed. by Grozyan N. F. Simferopol, Arial Publ., 2024, pp. 58–68.
3. Baranskaya E. M. *Vektor tvorcheskikh eksperimentov A. N. Tolstogo perioda re-emigratsii* [Search vector of A. N. Tolstoy's creative experiments in the period of re-emigration]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 41, pp. 3–15.
4. Vorontsova G. N. «Skvoz' pyl' i dym»: pervyy roman o russkoi revolyutsii ["Through dust and smoke": the first novel about the russian revolution]. *Tolstoi A. N. Hozhdenie po mukam* [Walking through the torment]. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 303–399.
5. *Vospominaniya ob A. N. Tolstom: sbornik* [Memories of A. N. Tolstoy: collection]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 495 p.

6. Kryukova A. M. *A. N. Tolstoi i russkaya literatura: Tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom protsesse* [A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 257 p.
7. Orehov V. V. *Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologicheskij diskurs v rusko-francuzskom literaturnom dialoge pervoj poloviny XIX v.)* [Russian literature and national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue of the first half of the 19th century)]. Simferopol', Antikva Publ., 2006. 608 p.
8. Stepun F. A. *Byvshee i nesbyvsheesya* [Past and Unfulfilled]. 2nd Ed., Add. Saint Petersburg, Aleteiya, 2000. 644 p.
9. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury: Kratkii biograficheskii slovar' russkogo Zarubezh'ya* [Russian literature in exile: Experience of a historical review of foreign literature: A brief biographical dictionary of Russian Abroad]. 3rd Ed., Rev. and Add. Paris: YMCA-Press Publ.; Moscow: Russkii Put' Publ., 1996. 448 p.
10. Tolstoi A. N. *Perepiska A. N. Tolstogo: V 2-kh t.* [Correspondence of A. N. Tolstoy: In 2 vols.]. Vol. 1. Editorial board V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina, and others. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 351 p.
11. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958–1961.
12. Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: V 10-ti t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981–1986.
13. Tolstoi A. N. *Hozhdenie po mukam* [Walking through the torment]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 478 p.
14. Khodasevich V. *Literatura v izgnanii* [Literature in exile]. *Khodasevich V. Izbrannaya proza* [Khodasevich V. Selected prose]. New York, Russica Publishers Inc., 1982, pp. 210–224.
15. Chagin A. *Puti i litsa: o russkoi literature XX veka* [Paths and faces: about Russian literature of the 20th century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008. 593 p. Available from: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/sci-philology/237729-13-aleksej-chagin-puti-i-lica-o-russkoj-literature-xx-veka.html#text> (accessed 11 October 2024).
16. Erenburg I. G. *Lyudi. Gody. Zhizn'. Vospominaniya: V 3-kh t.* [People. Years. Life. Memories: In 3 vols.]. Vol. 1. Ed., Rev. and Add. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 640 p.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF A. N. TOLSTOY

E. M. Baranskaya

The article examines the evolution of A. N. Tolstoy's perception of the Russian revolution at different stages of its development and in different forms of manifestation: the February Revolution, the October Days of 1917. Attention is focused on the revolutionary conceptuality of A. N. Tolstoy in his address to Russian history. The leading issues are A. N. Tolstoy's historicism, the theme of Russian statehood and the nature of the Russian people. The starting point is the affirmation of the revolution as a key factor in A. N. Tolstoy's existence, his creative impulse. The study uses a range of personally oriented sources: A. N. Tolstoy's diary entries, in particular the Diaries of 1917–1936 and 1918–1923, epistolary writings and memoirs of contemporaries (I. G. Ehrenburg, V. Khodasevich, F. A. Stepun); as well as a wide range of the writer's journalistic works of 1917–1920. (articles "First of March", "Twelfth of March", "At the Stake", "The Power of the Three-Inch", "Night Shift" (1917); "What We Need to Know", "Leviathan" (1918); "No!" (1919); "Our Questionnaire" (1920), etc.), works of fiction (stories "The Story of a Traveling Man" (1917), "Simple Soul" (1918), novellas "Mercy!" (1918), "The Adventures of Nevzorov, or Ibcus" (1924)). The specificity of the creative process of the writer of the year of the revolution and the first years after it is noted: the transformation of a laconic diary entry (emotionally and evaluatively subjective) into a work of fiction.

Keywords: A. N. Tolstoy, Russia, revolution, Russian statehood, diary, journalism, artistic creativity.

УДК 811.111'42 + 821.111 Смит

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-61-76

**СТИХОТВОРЕНИЕ ДЖ. Б. СМИТА
“THE BURIAL OF SOPHOCLES (THE FIRST VERSES)”:
ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Бортников В. И., Сергеева А. Д.

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
E-mail: octahedron31079@mail.ru, xasasha99@gmail.com*

В статье осуществлена попытка композиционно-тематического анализа стихотворения Дж. Б. Смита «Погребение Софокла» из третьей части сборника «Весенний урожай». Наиболее детально рассмотрено вступление (“The First Verses”), состоящее из пяти восьмистиший. Идентифицирована основная особенность композиционного деления: в каждой строфе разворачивается своя микротема, а «сшивкой» служат темы Софокла и коллективного «мы», проходящие через всё стихотворение или через несколько стрóf. Каждая микротема проанализирована с точки зрения ее манифестации в виде тематической цепочки: выделены базовая и дополнительные номинации, включающие субституты и «нулевые» маркеры; описаны особенности набора, комбинаторики и размещения найденных сигналов. Обнаруженные ряды номинаций сопоставлены между собой. Отмеченное сходство развития цепочек роз (1-е восьмистишие) и путешественников (5-е восьмистишие) позволяет говорить о кольцевом строении анализируемого текста; соединяет части кольца цепочка Софокла, развивающаяся аналогично начальному и конечному тематическим рядам, но «затухающая» в последней строфе. Иным образом организована цепочка «мы», чей референт может быть рассмотрен как расширяющийся от первого восьмистишия к третьему. В 4-й и 5-й строфах данная цепочка совершенно не представлена; авторы связывают такую специфику организации с интеграцией темы и других текстовых категорий, в первую очередь времени. Поскольку произведение не имеет литературного перевода на русский язык, в ходе анализа использован английский оригинал и подстрочник.

Ключевые слова: Дж. Б. Смит, композиция, текстовая категория, тема, тематическая цепочка

ВВЕДЕНИЕ

Джеффри Бэйч Смит (1894–1916) – английский поэт и один из ближайших друзей Дж. Р. Р. Толкина. Вопреки некоторым источникам, считающим его основателем неофициального полутайного сообщества ЧКБО («Чайный клуб и Барровианское общество») [23, с. 124], Смит таковым не являлся, хотя стал позже одним из основных его членов. Основателями ЧКБО были Толкин и его товарищ К. Уайзман, тайно заваривавшие чай в школьной библиотеке во время летних экзаменов. Позже они переместили клуб в чайный магазин Бэрроу (англ. Barrow Stores) – по этому имени и было названо сообщество (англ. “Tea Club, Barrovian Society”; в русской традиции закрепился союз *и* вместо запятой). Количество членов клуба росло и менялось, но «ядро» оставалось неизменным: Дж. Толкин, К. Уайзман, а также присоединившиеся позже Р. Гилсон и Дж. Смит проводили встречи даже после того, как Толкин и Смит поступили в Оксфорд, а двое других участников – в Кембридж [21, с. 83].

Среди «большой четверки» (“big four”), как они себя называли, Смит был самым младшим – Толкин был старше его на 3 года. С 1911 г. появляются упоминания о Смите в «Школьных хрониках короля Эдуарда» – периодическом издании, которое

выпускали и редактировали в основном сами юноши. ЧКБО стал важной вехой в жизни четверых друзей. Именно там, в пылу оживленных обсуждений и дружеских споров, родились многие идеи и произведения. Мальчики обменивались мыслями и интересами, обсуждали черновики своих работ, вдохновляли друг друга, побуждали пробовать новое, экспериментировать [1, с. 29]. Как отмечает сам Толкин в письмах, ЧКБО был местом «общности идеалов и взаимной поддержки» [22, с. 13].

В 1914 г. началась Первая мировая война, нарушившая надежды юного Джеффри посвятить свою жизнь литературе [25]. В октябре этого же года Смит был направлен в корпус подготовки офицеров, а позже, в ноябре 1915 г., назначен в 19-й батальон ланкаширских стрелков и отправлен во Францию. 29 ноября 1916 г. в результате бомбардировки батальона молодой поэт получил легкое ранение шрапнелью, однако из-за развития газовой гангрены скончался спустя несколько дней [23, с. 129].

Оставшиеся в живых Толкин и Уайзман, по просьбе матери Смита, взяли на себя обязанность отредактировать и опубликовать стихотворения погибшего друга. Они собрали все работы, которые Джеффри отправлял в письмах товарищам и родне. В итоге в 1918 г. в свет вышел сборник «A Spring Harvest» («Весенний урожай»), в который вошло 50 написанных Джеффри Смитом стихотворений, а также небольшое примечание Толкина (см. [10]). Смит создавал эти тексты в течение нескольких лет, в период с 1910 по 1916 гг. Некоторые из них были написаны им еще в школьные и университетские годы, а некоторые – во время его участия в боевых действиях. Из-за этого определить точную дату создания большинства произведений и расположить их в хронологическом порядке не представляется возможным [3]. Сборник завершается объемным трехчастным текстом "The Burial of Sophocles" («Погребение Софокла») и коротким стихотворением "So We Lay Down the Pen" («Итак, мы отложим перо») [29].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стихотворение "The Burial of Sophocles", композиционно-тематический анализ первой части которого мы попытались осуществить в данной статье, Смит начал задолго до начала войны, но переписывал и редактировал, даже находясь в окопах. Ниже приведен английский (оригинальный) текст и подстрочный перевод: литературные варианты этого произведения на русском языке отсутствуют.

The Burial of Sophocles	Похороны Софокла
Gather great store of roses, crimson-red	Соберите большое количество роз багряно-красных
From ancient gardens under summer skies:	Из древних садов под летним небом:
New opened buds, and some that soon must shed	Новые распустившиеся бутоны и несколько тех, что скоро должны сбросить
Their leaves to earth, that all expectant lies;	Свои листья на землю, что в ожидании лежит,
Some from the paths of poets' wandering,	Несколько с троп поэтов блуждающих,

Some from the places where young
lovers meet,

Some from the seats of dreamers
pondering,

**And all most richly red, and honey-
sweet.**

For in the splendour of the afternoon,
When sunshine lingers on the
glittering town

And glorifies the temples wondrous-
hewn

All set about it like a deathless crown,

We will go mingle with the solemn
throng,

With neither eyes that weep, nor
hearts that bleed,

That to his grave with slow, majestic
song

Bears down the latest of the godlike
seed.

Many a singer lies on distant isle

Beneath the canopy of changing sky:
Around them waves innumerable
smile,

And o'er their head the restless
seabirds cry:

But we will lay him far from sound of
seas,

Far from the jutting crags' unhopeful
gloom,

Where there blows never wind save
summer breeze,

And where the growing rose may
clasp his tomb.

And thither in the splendid nights of
spring,

When stars in legions over heaven are
flung,

Shall come the ancient gods, all
wondering

Несколько с мест, где юные
любовники встречаются,

Несколько с мест, где сидят поэты
размышляющие,

И все роскошно-красные и медово-
сладкие.

Ибо в великолепии полудня,
Когда солнечный свет
задерживается на сверкающем городе

И ярко освещает чудесно
вытесанные храмы,

Окружающие его, как бессмертный
венец,

Мы пойдем смешаться с
торжественной толпой

Без плачущих глаз и кровоточащих
сердец,

Что в могилу с медленной,
величественной песней

Несет последнего из богоподобного
семени.

Многие певцы лежат на дальнем
острове

Под сенью меняющегося неба:
Вокруг них волны бесчисленные
улыбаются

И над их головой кричат
беспокойные морские птицы:

Но мы положим его вдали от шума
моря,

Вдали от безнадежного мрака
выступающих скал,

Где никогда не дует ветер, кроме
летнего бриза

И где растущая роза может обнять
его могилу.

И туда, в роскошные весенние ночи,

Когда легионы звезд летят над
небом,

Придут древние боги, все в
недоумении

<p>Why he sings not that had so richly sung: There Heracles with peaceful foot shall press The springing herbage, and Hephaestus strong, Hera and Aphrodite's loveliness, And the great giver of the choric song</p> <p>And thither, after weary pilgrimage, From unknown lands beyond the hoary wave, Shall travellers through every coming age Approach to pluck a blossom from his grave: Some in the flush of youth, or in the prime, Whose life is still as heaped gold to spend, And some who have drunk deep of grief and time, And who yet linger half-afraid the end.</p>	<p>Почему он не поет про то, что так щедро воспел: Там Геракл легкой поступью (обязательно) придавит Прорастающую траву, и сильного Гефеста, Красоту Геры и Афродиты И великого дарителя хоровой песни.</p> <p>И туда, после утомительного странствия, Из неведомых земель за седой волной, Путешественники через каждый грядущий век Приблизятся, чтобы сорвать цветок с его могилы: Некоторые в пылу юности или расцвете сил, Чья жизнь по-прежнему подобна гряде золота, которую можно тратить, И те, кто сполна напился горем и временем, И те, кто все еще задерживаются, побаиваясь конца.</p>
---	---

Биографические данные о Софокле, одном из величайших древнегреческих драматургов наряду с Еврипидом и Эсхилом, достаточно скудны. Дата рождения известна лишь примерно – ок. 496 г. до н. э. в Колоне, районе города Афины. Некоторые исследователи утверждают, что отец и мать Софокла принадлежали к богатому аристократическому роду и имели в своем владении рабов, однако, если верить Жаку Жуанна, эти сведения скорее ошибочны. Точных данных, которые помогли бы определить статус родителей драматурга, нет. Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что его семья была достаточно богата и могла обеспечить юному Софоклу достойное образование [28, р. 8]. Красота, обаяние, ум и природный талант юноши были неоспоримы. Во многом благодаря этому в возрасте 15 лет он был удостоен чести танцевать и петь в честь победы в Саламинском сражении [6, с. 108].

Известность Софокла как драматурга началась с его победы над Эсхилом в трагическом конкурсе в 468 г. до н. э. Всего при жизни он одержал 24 победы и при этом ни разу не занял третье место. В начале своей карьеры Софокл сам играл в собственных пьесах, однако из-за слабости голоса вынужден был покинуть сцену и довольствоваться ролью драматурга. Кроме прочего, трагик внес существенные изменения в порядок постановки пьес: он был первым, кто использовал декорации во время выступлений; увеличил количество актеров с 2 до 3; число хористов также было увеличено с 12 до 15 человек, однако при этом роль хора стала менее

значительной за счет повышения количества реплик действующих лиц [9, с. 349]. Слава Софокла довольно быстро распространилась за пределы города Афины. За свою жизнь трагик написал более 100 пьес, но лишь 7 из них дошли до наших дней в полном объеме [6, с. 113].

Стоит отметить, что Софокл не был исключительно человеком творчества. При жизни он также занимал несколько важных государственных должностей. В 442 г. до н. э. он был назначен казначеем, а затем, два года спустя, получил пост стратега в Самосской войне [9, с. 47].

Софокл умер в 406 г. до н. э. Существует несколько версий касательно его смерти. Согласно одной из них, драматург умер, поперхнувшись виноградом; согласно другой – задохнулся на длинной фразе во время чтения своей же пьесы «Антигона». Третья версия рассказывает, как Софокл умер от радости, в очередной раз одержав на победу на литературных состязаниях [28, р. 97]. С его уходом из жизни связана еще одна легенда: после смерти великого драматурга бог Дионис явился полководцу спартанцев во сне, чтобы убедить его заключить с Афинами временное перемирие и не мешать захоронению трагика [28, р. 659].

Похоронили Софокла у дороги, ведущей из Афин к городу Декелея. Заслуги Софокла и его вклад в драматургию были так велики, что после смерти он был причислен к героям (так в греческой мифологии называли потомков божества и человека) и получил имя Дексион. Афиняне ему поклонялись и ежегодно приносили жертвы в его честь [28, р. 65].

В приведенном тексте биографические данные – за исключением имени *Sophocles* и достаточно смутного указания на место захоронения (3-е восьмистишие, строки 5–7: *But we will lay him far from sound of seas, / Far from the jutting crags' unhopeful gloom...*) – не проявлены вообще никак. Софокл теряет свою историческую привязку, полностью становится персонажем художественного произведения. С этой точки зрения мы и будем дальше рассматривать данный образ.

В рамках композиционно-тематического анализа предполагается изучение проявлений двух текстовых категорий: композиции и темы – в их взаимосвязи. Опираясь на исследования В. В. Одинцова и Т. В. Матвеевой, Т. В. Ицкович утверждает, что композиция – это «форма выражения и развития темы» [11, с. 28], что данная категория «структурирует тематическое развитие» [12, с. 18]. Тема определяется в исследованиях Уральской стилистической школы вслед за О. А. Москальской как «смысловое ядро текста» [2, с. 34], «обобщенный предмет обсуждения» [11, с. 28]; частные проявления (маркеры, сигналы) образуют тематические ветвления – микротемы. Переход между микротемами может быть обусловлен сюжетом и/или композицией произведения (см. [7]).

Композиционно текст стихотворения делится на пять восьмистиший, каждое из которых представляет собой два катрена с перекрестной рифмой. Ни в одном из пяти случаев, однако, строфа не разрывается точкой (ни в четвертой строке, т. е. посередине, ни где бы то ни было еще). В конце же каждого восьмистишия, наоборот, находим точку. Следовательно, синтаксическое членение стихотворения совпадает со строфическим: каждое из пяти предложений укладывается ровно в одну строфу. Тем не менее, определенную тенденцию к «распаду» на полустрофы-катрены

обнаруживает и пунктуация: в большинстве случаев четвертая строка восьмистишия заканчивается либо двоеточием, либо точкой с запятой. Оба эти знака указывают на семантическую автономию разделяемых ими частей бессоюзного предложения [18]: первый подчеркивает «незавершенность, необходимость развития сообщения», тогда как второй – «самостоятельность, автономность первой части» высказывания [8, с. 49]. В конце других строк (не четвертых) двоеточие встречается крайне редко (2-я строка первого восьмистишия и 2-я строка третьего восьмистишия); точка с запятой же не встречается ни разу. Сказанное свидетельствует об относительной автономии каждого из двух катренов в составе целой строфы.

Внутри каждого восьмистишия формируется своя микротема: первое можно условно назвать «Подготовка к похоронам», второе – «Движение к могиле», третье – «Описание могилы», четвертое – «Приход богов к могилам», а пятое – соответственно, «Приход путешественников к могилам». Если записать эти наименования под номерами в столбик, получится план анализируемого стихотворения. Тематическое единство при этом поддерживается пересечением микротем и возникающей таким образом тематической сеткой (полем) [26, с. 177].

Микротемы манифестируются в тексте в виде тематических цепочек – «рядов семантически тождественных номинаций предмета речи» [16, с. 192]. В первой строфе таким предметом становятся розы – атрибут будущих похорон: *gather great store of roses* (букв. 'соберите большое количество роз', т. е. цветы еще не собраны). Базовая номинация *roses* вводится, таким образом, в первой же строке – абсолютно сильной позиции текста, уступающей по силе только заголовку; у читателя закладывается устойчивая ассоциация *похорон (the burial)* с *розами*. Поддержана эта связь будет в третьем восьмистишии, где цветок уже растет на могиле, *обнимает* ее: *where the growing rose may clasp his tomb*. Подобно тому, как не умирает роза, не умирают и воспоминания об усопшем. Возникает своего рода мотивная параллель: «воскресающий цветок – память о человеке», имеющая аналоги и в русской поэзии (см.: [24]).

Открывающей стихотворение фразой *gather great store of roses* вводится не только предметная, но и субъектная тематическая цепочка: глагол *собирать* предполагает наличие того, кто будет выполнять это действие. Субъект в тексте не явлен: имплицитное присутствие номинации (так называемая «нулевая номинация» [13, с. 3; 14, с. 33]) при императиве может по смыслу соответствовать всем или некоторым участникам похоронной процессии. Поскольку в английском повелительное наклонение в единственном и множественном числе формально совпадает, можно предполагать и обращение к одному адресату (*gather* 'собери'). Множественность, коллективность имплицитного субъекта поддерживается продолжением цепочки во второй строфе (*we will go mingle with the solemn throng*), однако не исключает и возможность единичности (*we* = 'адресат + говорящий'): *собери розы, и мы с тобой пойдём*.

Как видим, субъектная тематическая цепочка проявлена в первом восьмистишии чрезвычайно слабо – всего через одну нулевую номинацию (условно обозначаемой знаком *Ø*) при глаголе *Ø gather*. Следующее звено цепочки – *мы* – идентифицируется лишь в 4-й строке второй строфы. Предметная цепочка (розы), наоборот, не имеет ни

одного имплицитного маркера, проходит, как стержень, через всё восьмистишие и как бы вытесняет субъектную тему:

roses – new opened buds – some – their (leaves) – some – some – some – all

Открывается цепочка, как уже говорилось, базовой номинацией цветка, далее в составе первой строфы не повторяющейся. Следующий маркер – лексически новое обозначение целого через его часть (синекдоха): *новые распустившиеся бутоны*. Остальные 6 сигналов (75 % набора) – местоименные субституты: *some, their, all*. Поскольку референт тематической цепочки уже назван в самом начале, двусмысленность в понимании того, к чему относятся эти местоимения, исключается. Обратим внимание, что, помимо *бутонов*, к включению в состав тематической цепочки тяготеют и *листья* (заключенные нами в скобки *leaves*); прием синекдохи здесь, однако, не реализуется, так как само сочетание *their leaves* синтаксически зависимо от первого *some* и, в отличие от *new opened buds*, не отвечает на вопрос, что нужно нарвать (*собрать – gather*).

Из всех субституты повторяется лишь местоимение *some*, фактически замещающее сочетание *some roses* и всякий раз имеющее при себе уточняющий правый контекст: *some that soon must shed their leaves to earth; some from the paths of poets' wandering; some from the places where young lovers meet; some from the seats of dreamers pondering*. Контекстуальные расширители синтаксически зависимы от выделенного субститута и поэтому, как и *leaves*, тяготеют к включению в тематическую цепочку (если моделировать категорию темы в виде поля, то сама цепочка составит его ядро и приядерную зону, а расширители окажутся на ближайшей периферии, см. [4; 15; 20]).

В аспекте комбинаторики обратим особое внимание на первый маркер из выделенных четырех – *some that soon must shed their leaves to earth*. Он семантически противоположен синтаксически однородному, соединенному с ним сочинительным союзом *and* сигналу *new opened buds*. Возникает особая разновидность антитезы – амфитеза, «одновременное утверждение двух противоположных явлений или признаков. Тем самым каждое явление или признак охватывается полностью» [27, с. 47]. В данном контексте возникает смысл не ‘все розы’, а скорее, ‘разные розы’, ‘множество разных роз’. Предпочтение при этом отдается, вероятно, всё же свежим розам, поскольку в состав второго члена амфитезы входит количественно-семантический ограничитель *some*.

Другие три маркера образуют анафору и синтаксически параллельные конструкции, каждая из которых занимает ровно одну стихотворную строку и отвечает на вопрос, откуда следует собрать розы:

*Some from the paths of poets' wandering,
Some from the places where young lovers meet,
Some from the seats of dreamers pondering...*

В этих стихах любопытно «сопряжение текстовых категорий пространства и темы» [4, с. 62]. Возникает тема читателей-поклонников Софокла: это и *блуждающие поэты*, и *юные любовники*, и *размышляющие мечтатели*. Вероятно, все они станут участниками похоронной процессии. Однако непосредственно перед нами читатели не появляются: розы следует собрать с *троп, где блуждают поэты; с мест, где*

встречаются любовники; с мест (сидений), где размышляют мечтатели. Возникает и актуализируется темпоральный компонент: роза может расти во всех этих местах, а может и быть принесена туда уже сорванной. Цветы можно собрать уже после ухода поэтов, влюбленных и т. д., а можно и в их присутствии – они поделятся, ведь они настоящие поклонники творчества великого трагика. Единичные, отдельные события (сбор цветов, встреча или не встреча с читателями) могут по-разному комбинироваться на оси времени.

Темпоральная семантика второй половины анализируемого восьмистишия сложна тем, что выделенные однократные события (*сорвать, собрать*) комбинируются с действиями постоянными, вечными, происходящими вообще (*цветущие розы*). Глагол в составе придаточного *where young lovers meet* обнаруживает семантику настоящего вневременного: 'встречаются вообще, постоянно'. Эта же идея закладывается в обе *-ing*'овые формы (*wandering, pondering*). Попутно заметим, что кажущийся параллелизм 5-й и 7-й строк первого восьмистишия (*Some from the paths of poets' wandering – Some from the seats of dreamers pondering*) оказывается всё же не абсолютным из-за апострофа: сочетание *poets' wandering* дословно переводится как 'блуждание поэтов', т. е. *-ing*'овую форму следует признать герундием, синтаксически главным по отношению к *poets*; в сочетании же *dreamers pondering* последнее слово – зависимое от существительного причастие. Такая интерпретация открывает возможность дословного перевода *the paths of poets' wandering* как *тропы (для) блуждания поэтов / тропы (для) поэтического блуждания*. К уже упоминавшейся семантике постоянного действия, происходящего на этих тропах (тропинках, путях), добавляется потенциальная сема функционального предназначения троп.

Последний член выделенной цепочки – местоимение *all* ('все розы'). Оно как бы объединяет разные типы цветов, подлежащие сбору. Можно сказать, что выше приведены как бы две «классификации» роз: (1) новые и уже сбрасывающие листья; (2) собираемые с тропинок поэтов, мест влюбленных и мечтателей. Обе амфитезы (*all* соединяется союзом *and* с однородным рядом *some..., some..., some...*, а если смотреть шире – за точку с запятой в конце 4-го стиха, – то и с рядом *new opened buds and some...*) сходятся, как в пучке, в последней строке (рис. 1):

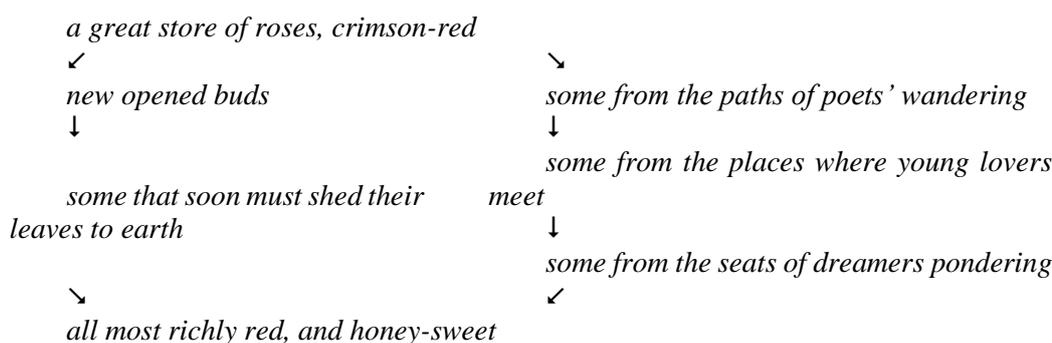

Рис. 1. Предметно-тематическая сетка первого восьмистишия

Как и другие местоимения в цепочке, *all* имеет правый уточняющий контекст, тяготеющий к включению в набор категориальных маркеров. Семантика контекста – чисто признаковая (*most richly red, and honey-sweet*), без дополнительных локативных оттенков (поскольку отвечает только на вопрос какие?, но не откуда?). В этом смысле последнее звено цепочки ближе левой линии сетки (ср. *some that soon must shed their leaves* на рис. 1), хотя синтаксически такая близость, как уже сказано выше, уравнивается непосредственным присоединением маркера *all...* к правой, «анафорической», линии. Полностью гармоническим вхождение этого звена в цепочку делает повтор первой строки: *crimson-red – most richly red*; представляется возможным утверждать, что вторая по силе позиция после базовой номинации принадлежит именно данному сигналу.

Завершая композиционно-тематический анализ первой строфы, укажем на специально не рассмотренный нами отрезок 4-го стиха: *that all expectant lies*. Это придаточное к *earth* обнаруживает двусмысленность в зоне неэксплицированной валентности прилагательного *expectant*: земля лежит *ожидающая / в ожидании* чего? Ближайший контекст подсказывает, что это листья роз; расширенный и ассоциативный – что ожидаются похороны, а значит, земля ждет принадлежащий ей прах (ср. у Шекспира: *The earth can have but earth*, в пер. Маршака первое *earth* – земля, второе – прах). Отмеченная выше мотивная параллель «смерть цветка – смерть человека», таким образом, дополняется общим для обоих локусом.

Тема второго восьмистишия – движение к могиле Софокла. Меняется референт объектной цепочки: розы (как и вообще цветы) не упоминаются ни разу, а объектом становится *последний из богоподобного семени* – сам умерший. Это (8-я строка 2-й строфы) третье упоминание о нем после заглавия и *his* в предыдущем стихе, единственный лексически новый маркер на протяжении всего текста. Развитие цепочки самого Софокла напоминает эволюцию темы роз: сначала базовая номинация, затем (если не считать указанного местоимения *his*) одна лексически новая, а далее – местоименные субституты (рис. 2).

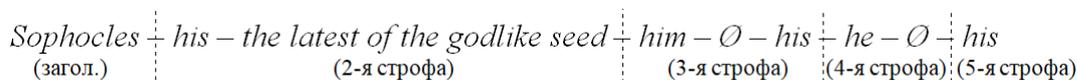

Рис. 2. Строфическое распределение номинаций в цепочке Софокла

Напоминание это поддерживается и количественно: в обеих цепочках по 7 номинаций. Однако ряд Софокла может быть расширен за счет нулевой номинации в строке *Why he sings not that O had so richly sung* (на месте *O* синтаксически должно быть *he*) и за счет однородных *far from* в 3-м восьмистишии как содержащих нулевую номинацию:

*But we will lay him far from sound of seas,
O (we) O (him) Far from the jutting crags' unhopeful gloom...*

Сказанное еще раз подтверждает отмеченную выше мотивную параллель. Цветам, однако, суждено воскреснуть и снова оплетать могилу (напомним про *rose* в 3-й строфе); цепочка же Софокла к 5-му восьмистишию как бы сходит на нет (см.

рис. 2). Великий трагик не воскреснет, и «замыкающая» номинация, которая была бы не субститутом и не нулевой, в его цепочке отсутствует.

Напомним, цепочка роз разворачивается почти исключительно в 1-й строфе, вытесняя оттуда и субъектные, и иные объектные номинации. Развитие цепочки Софокла – принципиально межстрофное, охватывающее весь поэтический текст. Представляется возможным обозначить эволюцию первой цепочки как контактную, «горизонтальную»; эволюцию же второй цепочки – как дистантную, «вертикальную». Из логики этого развития следует и разница в плотности обеих цепочек: если первое восьмистишие почти целиком заполнено тематическими маркерами и их контекстуальными расширителями, то во всех последующих строфах сигналы темы встречаются точно. Другим категориям (в частности, пространству и времени, образующим комплексную хронотопическую структуру [17, с. 232; 19, с. 135]) в 1-м восьмистишии ничего не остается, кроме как переплетаться, образовывать «сопряжения» с тематическими единицами либо уходить в подтекст. В остальных строфах сигналы хронотопа выделяются относительно свободно (ср. начало второго восьмистишия: *в великолепии полудня, когда солнечный свет задерживается на сверкающем городе и ярко освещает чудесно вытесанные храмы...* – изображаются пространственно-временные условия движения к могиле, не тяготеющие, за исключением, пожалуй, слова *бессмертный*, к тематизации).

Переход от «горизонтального» тематического развития к «вертикальному» как бы высвобождает место и для субъектных цепочек. Если в первой строфе идентифицирована лишь нулевая номинация при императиве *Ø gather*, о чем подробно сказано выше, то начиная со второго восьмистишия в тексте дважды (во 2-й и в 3-й строфе – что любопытно, оба раза в 5-м стихе) эксплицируется *we*. Референт этого местоимения – сам говорящий и тот (те), к кому он обращался упомянутым императивом. Во 2-й строфе коллективный субъект движется к могиле, чтобы *смешаться с торжественной толпой*, а в 3-й – чтобы *положить* усопшего *вдали от шума моря*. Второе *we*, таким образом, референциально шире первого: это и исходное *мы*, и толпа. Тематическая цепочка отражает количественное увеличение участников похорон от строфы к строфе – подобно реальности, когда процессия движется к могиле и к толпе примыкают всё новые и новые люди, знавшие покойника (рис. 3).

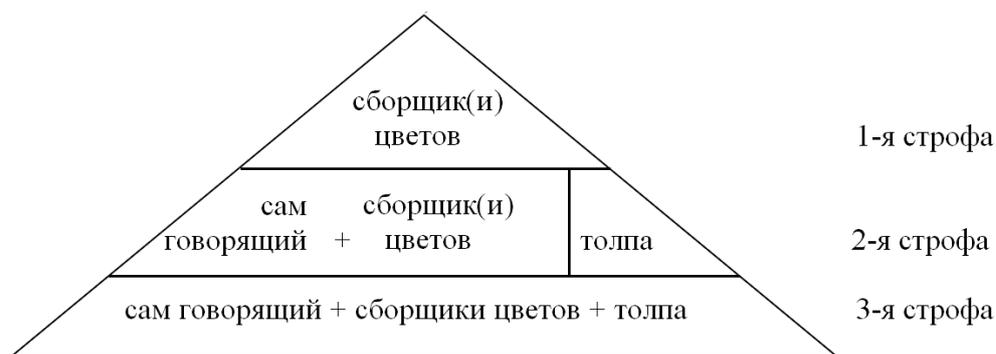

Рис. 3. Расширение референта субъектной цепочки (Ø → мы) в первых трех строфах анализируемого стихотворения

Параллельно с субъектной *мы*-цепочкой и объектной цепочкой Софокла в третьем восьмистишии возникает и развивается тема многих певцов (*many a singer*). Это своего рода «антитезис» к линии усопшего, грамматически маркируемый союзом *but* и развивающийся на основании текстового пространства: многие певцы *лежат на дальнем острове* – но мы положим его *вдали от шума моря*. Двойное указание на дальность (англ. *distant* и *far*) указывает на дистанцию не только между могилами, но и между Софоклом и другими: этим другим дважды далеко до *последнего из богоподобного семени*. Противительный союз *but* (англ. ‘но’) стоит в абсолютном начале 5-й строки, т. е. на границе двух катренов в составе восьмистишия; цепочка многих певцов получает развитие лишь в первом (*many a singer – them – their*), тогда как цепочка Софокла продолжает развиваться исключительно во втором катрене. Отсутствие пересечений данных тематических последовательностей указывает на несовместимость двух референтов, на принципиальность отдельного, особого местонахождения могилы усопшего.

4-е и 5-е восьмистишия обнаруживают общность уже в анафорическом *And thither...* («И туда...»). Продолжением анафоры можно считать и темпоральное заполнение продолжения 1-й строки в обеих строфах (*in the splendid nights of spring – after weary pilgrimage*), и *shall* в 3-й строке обеих строф – ответ на вопрос: что обязательно произойдет после? Вполне предсказуемо и сходное тематическое развитие обоих восьмистиший: в каждом появляется своя цепочка с коллективным референтом. В 4-й строфе это цепочка *древних богов*, в 5-й – цепочка *путешественников*, ср.:

the ancient gods – all – Heracles – Hephaestus – Hera – Aphrodite – the great giver of the choric song (4-е восьмистишие; последняя номинация – перифраз либо к *Apollo*, либо к *Dionysus*)

travellers – Ø – some – Ø – whose – some – who – Ø – Ø – who – Ø (5-е восьмистишие)

Две цепочки почти одинаковы по длине, если не считать нулевые сигналы (7 и 6 эксплицированных номинаций соответственно); обе они начинаются в 3-й строке соответствующего восьмистишия с базовой номинации; поскольку эта номинация в обоих случаях коллективная, то далее каждый ряд маркеров развивается по пути детализации, «меронимизации», аналогично цепочке роз в 1-й строфе. Таковы основные сходства данных тематических последовательностей. Различия касаются в первую очередь набора и комбинаторики. В четвертом восьмистишии перечисляются один за другим пять богов, причем первые двое (из мифологии известно, что Геракл был причислен к богам после собственной смерти – забран на Олимп грозовой тучей) по одному в строке; вторые две богини в одной и той же, 7-й, строке, объединенные притяжательным - 's; последний, пятый, бог в цепочке назван перифразом и занимает всю 8-ю строку, если не считать союза *and*. К концу строфы наблюдается, таким образом, нагнетание, усиление тематических единиц, напоминающее пирамиду рис. 3: точно все боги приходят к могиле Софокла и стоят там *в недоумении, почему он не поет про то, что уже воспел так щедро*.

Иначе строится и развивается цепочка путешественников в последнем, 5-м, восьмистишии. Трудность ее полноценного выделения связана с рядом имплицитных номинаций: помимо зависимых вторично-предикативных конструкций с пропущенным субъектом (см.: [5]) *shall travellers... approach Ø to pluck* (стих 4) и *who*

yet linger Ø half-afraid the end (стих 8), нулевой маркер идентифицируется еще при однородных членах: *Some in the flush of youth, or Ø in the prime* (= "Some in the flush of youth, or **some** in the prime", стих 5); *some who have drunk deep of grief and Ø Ø time* (= "some who have drunk deep of grief and **some who** have drunk deep of time", стих 7). Что же касается 6-го стиха, то в нем наличие нулевой номинации представляется спорным в силу сравнительного оборота: *Whose life is still as heapèd gold to spend*. С золотом (*gold*) сопоставляется в данном случае жизнь (*life*); эта номинация, в отличие от зависимого от нее *whose*, в цепочку не входит, а значит, формально неправильно включать в состав цепочки и нулевой маркер при инфинитиве *to spend*. Тратить жизнь, как золото, будут при этом путешественники, это очевидно из более широкого контекста; кроме того, *whose life* может быть рассмотрено как единое словосочетание с заключением существительного в скобки (ср. *leaves* в 1-й строфе). Получается, что нулевая номинация при инфинитиве в составе сравнительного оборота может выделяться дополнительно к приведенному выше набору.

Выделение трех «типов» путешественников, начинающееся с *some* в 5-й строке последней строфы, заставляет вспомнить тройную анафору в 1-м восьмистишии. Розы оказываются тематически параллельны не только Софоклу, но и путешественникам! Возникает тройная мотивная параллель «цветок – человек», сшивающая текст воедино: первое и последнее восьмистишия образуют кольцо, а цепочка великого трагика, проходя через всё стихотворение, замыкается на том и на другом. Про полное отсутствие номинаций Софокла в начале (уступающее «классификации» роз) уже сказано; в конце его цепочка обрывается на *his* в 4-м стихе, тем самым как бы уступая «классификации» путешественников.

Тематические цепочки роз и путешественников похожи, но не идентичны: в последнем восьмистишии мы не найдем трех строчек подряд, которые начинались бы с *some from the...*; однако есть двойное *some (some... and some...)* и двойное *who (who... and who...)*. Эти два ряда любопытным образом складываются, образуя не четыре «типа» путешественников, а – подобно розам – только три: *some whose... and some who... and who...* Если считать *whose* формой *who* (исторически это падежные формы одного местоимения), то данный тройной повтор реализуется за счет именно этого слова.

ВЫВОДЫ

Стихотворение Дж. Б. Смита "The Burial of Sophocles (The First Verses)" построено по кольцевому принципу. Композиционно-тематический анализ позволяет идентифицировать не только повтор *some* в 1-м и 5-м восьмистишиях, не только параллель между розами и путешественниками, но и строящуюся аналогично им цепочку Софокла, проходящую через весь текст и скрепляющую стихотворение в единое целое. Каждая из пяти строф обнаруживает взаимодействие великого драматурга, соответственно, с цветами, с похоронной процессией, с другими певцами, с богами и, наконец, с путешественниками. Последним и суждено стать приемниками Софокла на земле.

Деление стихотворения на строфы, таким образом, оказывается четко обосновано тематически. Преимущества проведенного анализа связаны и с выделением межстрофных тематических цепочек – помимо упомянутого Софокла, это еще и коллективное «мы», референциально расширяющееся от 1-го к 3-му

восьмистишию и исчезающее в последних двух строфах. Текстовая категория темы связывается с другими категориями, в первую очередь с пространством и временем. Ближайшая перспектива исследования – изучение хронопического развития стихотворения во взаимодействии с композицией.

Определенные ограничения накладывает изолированное рассмотрение первой части стихотворения (“The First Verses”). Для всего произведения “The Burial of Sophocles” важна трехчастная композиция: “The First Verses” → “The Interlude” → “The Last Verses”. Такое строение, а равно название второй части наводит на ассоциацию с древнегреческой трагедией. Утверждать или отрицать вероятность данной параллели можно будет только после композиционно-тематического анализа всех трех частей стихотворения Дж. Б. Смита.

Список литературы

1. *Алексеев С. В.* Дж. Р. Р. Толкин. – М.: Вече, 2013. – 416 с.
2. *Алексеевская А. И., Бортников В. И.* О базовой номинации тематической цепочки – понятии лингвистики текста // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2017. – № 3. – С. 34–35.
3. *Бессонова Ю. М., Сергеева А. Д.* Стихотворение Джеффри Б. Смита «Dark is the world our fathers left us»: опыт тематического анализа // Молодые голоса: сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. – Вып. 11. – Екатеринбург: Ажур, 2023. – С. 116–122.
4. *Бортников В. И.* К вопросу о сопряжении текстовых категорий пространства и темы (на материале перевода поэмы Мильтона «Потерянный рай») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. Т. 11, № 4. – С. 62–69.
5. *Викулова Е. А.* Конструкции с субстантивными вторичными предикативами в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Л., 1984. – 227 с.
6. *Головня В. В.* История античного театра. – М.: Искусство, 1972. – 399 с.
7. *Доминенко Н. В.* Сюжетно-композиционная организация материала в эпистолярном наследии английских романтиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 40–45.
8. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов // Рефлексия. – 2009. – № 4. – С. 3–224.
9. *Зелинский Ф. Ф.* Софокл и его трагедийное творчество. – СПб.: Алетей, 2017. – 414 с.
10. *Зубов А.* Популярная литература в англоязычных исследованиях 2000-2010-х гг.: жанры, институты, читатели (обзор) // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 5 (165). – С. 311–325.
11. *Ицкович Т. В.* Категория композиции в житиях священномучеников (на материале житий святых Екатеринбургской епархии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 27–30.
12. *Ицкович Т. В.* Житие страстотерпца: особенности композиции // Церковь. Богословие. История. – 2020. – № 1. – С. 18–23.
13. *Келер А. И.* Категория темы в протестантской молитве // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 4 (40). – С. 1–7.
14. *Келер А. И.* Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовой и аксиологический аспекты // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 1. – С. 26–44.
15. *Купина Н. А., Матвеева Т. В.* Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2017. – 415 с.
16. *Матвеева Т. В., Ширинкина М. А.* Переписка граждан с исполнительной властью: коррелятивный текстовый анализ // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 1. – С. 190–202.
17. *Михайлова Ю. Н.* Категории пространства и времени в христианском сверткесте толкового словаря // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 224–235.
18. *Михайловская Е. В., Сапунова О. В.* Современная методология преподавания английской пунктуации: проблемы и перспективы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 95–102.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЖ. Б. СМИТА "THE BURIAL OF SOPHOCLES (THE FIRST VERSES)"...

19. Петрова Л. А. Декодирование актуального смысла слова в структуре текста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – С. 134–137.
20. Роговнева Ю. В. Полевая организация категории репродуктивности в нефикциональном тексте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 187–199.
21. Сергеева А. Д. Фигуры повтора в стихотворении Джеффри Б. Смита «Let us tell Quiet Stories of Kind Eyes» // Слово в зеркале истории языка : сб. ст. VII Абрамовских научных чтений (Набережные Челны, 13 октября 2023 г.). – Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2023. – С. 83–90.
22. Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. С. Б. Лихачева. – М.: Эксмо, 2004. – 576 с.
23. Топал Е. И. «Чайный клуб, барровианское общество» и непроговоренное о войне в биографии Дж. Р. Р. Толкина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 123–133.
24. Топорков А. Л. Стихотворение Вяч. Иванова «Три гроба»: источники и символическая структура. Статья первая // Новый филологический вестник. – 2017. – № 3 (42). – С. 198–214.
25. Ульянов П. В. Память о Первой мировой войне в творчестве британского писателя Дж. Р. Р. Толкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2023. – № 2 (130). – С. 70–75.
26. Шелестюк Е. В., Киль И. П. Имплицитное содержание текста и проблема его перевода (на материале трилогии «Вселенная Элдерлингов» Р. Хобб) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 7 (453). – С. 168–179.
27. Щербаков А. В. Антитеза // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 47–48.
28. Joanna J. Sophocles: A Study of His Theater in Its Political and Social Context I. – Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2018. – 883 p.
29. Smith G. B. A Spring Harvest. – London: Erskine Macdonald Ltd., 2015. – 78 p.

References

1. Alekseev S. V. *Dzh. R. R. Tolkin* [J. R. R. Tolkien]. Moscow, Veche Publ., 2013. 416 p.
2. Alekseevskaya A. I., Bortnikov V. I. *O bazovoj nominacii tematicheskoy cepochki – ponjatii lingvistiki teksta* [On the basic nomination of the thematic chain as a notion of text linguistics]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2017, no. 3, pp. 34–35.
3. Bessonova Yu. M., Sergeeva A. D. *Stihotvorenie Dzhеffri B. Smita «Dark is the world our fathers left us»: opyt tematicheskogo analiza* [G. B. Smith's poem «Dark is the world our fathers left us»: an experiment in thematic analysis]. *Molodye golosa: sbornik trudov molodyh uchenyh, vyp. 11*. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2023, pp. 116–122.
4. Bortnikov V. I. *K voprosu o sopryazhenii tekstovykh kategorij prostranstva i temy (na materiale perevoda pojemy Mil'tona «Poteryannyj raj»)* [To the question of the text categories co-representation (concerning the categories of space and theme in the Russian translation of Milton's «Paradise Lost»)]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 62–69.
5. Vikulova E. A. *Konstrukcii s substantivnymi vtorichnymi predikativami v sovremennom anglijskom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk* [Constructions with substantive secondary predicates in Modern English. Thesis]. Leningrad, 1984. 227 p.
6. Golovnya V. V. *Istorija antichnogo teatra* [History of Ancient Theatre]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 399 p.
7. Dominenko N. V. *Sjuzhetno-kompozicionnaja organizacija materiala v jepistoljarnom nasledii anglijskih romantikov* [Subjective-objective organisation of material in English romanticists' epistles]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 40–45.
8. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. *Refleksija*, 2009, no. 4, pp. 3–224.
9. Zelinsky F. F. *Sofokl i ego tragedijnoe tvorchestvo* [Sophocles and his tragedy works]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2017. 414 p.

10. Zubov A. *Populjarnaja literatura v anglojazыchnyh issledovanijah 2000-2010-h gg.: zhanry, instituty, chitateli (obzor)* [Popular literature in English-language publications of the 2000s-2010: genres, institutions, readers (overview)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 5 (165), pp. 311–325.
11. Itskovich T. V. *Kategorija kompozicii v zhitijah svjashhennomuchenikov (na materiale zhitij svjatyh Ekaterinburgskoj eparhii)* [The category of composition in the hagiography of hieromartyrs (based on the hagiography of the saints of Yekaterinburg eparchy)]. *Vestnik Pjatiligorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 27–30.
12. Itskovich T. V. *Zhitie strastoterpca: osobennosti kompozicii* [The Life of the Passion-Bearer: Specific Features of the Composition]. *Cerkov'. Bogoslovie. Istorija*, 2020, no. 1, pp. 18–23.
13. Keler A. I. *Kategorija temy v protestantskoj molitve* [The category of the subject in protestant prayer]. *Russkij lingvisticheskij bjulleten'*, 2023, no. 4 (40), pp. 1–7.
14. Keler A. I. *Kategorija adresanta v novoapostol'skoj molitve: kategorial'no-tekstovoi i aksiologicheskii aspekty* [Category of addressee in new apostolic prayer: categorical-textual and axiological aspects]. *Nauchnyi dialog*, 2024, vol. 13, no. 1, pp. 26–44.
15. Kupina N. A., Matveeva T. V. *Stilistika sovremennogo russkogo jazyka* [Stylistics of the modern Russian language]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 415 p.
16. Matveeva T. V., Shirinkina M. A. *Perepiska grazhdan s ispolnitel'noj vlast'ju: korreljativnyj tekstovoj analiz* [Correspondence between citizens and executive power: correlative text analysis]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 190–202.
17. Mikhailova Yu. N. *Kategorii prostranstva i vremeni v hristianskom sverhtekste tolkovogo slovarja* [Categories of space and time in the Christian supertext of the explanatory dictionary]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 224–235.
18. Mikhailovskaya E. V., Sapunova O. V. *Sovremennaja metodologija prepodavaniya anglijskoj punktuacii: problemy i perspektivy* [Contemporary methodology of teaching English punctuation: problems and new vistas]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 95–102.
19. Petrova L. A. *Dekodirovanie aktual'nogo smysla slova v strukture teksta* [Decoding of an actual meaning of the words in the structure of the text]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 3, pp. 134–137.
20. Rogovneva Yu. V. *Polevaja organizacija kategorii reproduktivnosti v nefikcional'nom tekste* [The field organization of the reproductive category in nonfictional texts]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 3, pp. 187–199.
21. Sergeeva A. D. *Figury povtora v stihotvorenii Dzheffri B. Smita «Let us tell Quiet Stories of Kind Eyes»* [Repetitions as a stylistic device in the poem “Let us tell quiet stories of kind eyes” by Geoffrey Bache Smith]. *Slovo v zerkale istorii jazyka: sbornik statej VII Abramovskih nauchnyh chtenij (Naberezhnye Chelny, 13 oktjabrja 2023 g.)*. Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University Publ., 2023, pp. 83–90.
22. Tolkien J. R. R. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Jeksmo Publ., 2004. 576 p.
23. Topal E. I. *«Chajnyj klub, barrovianskoe obshhestvo» i neprogovorennoe o vojne v biografii Dzh. R. R. Tolkina* [“Tea Club and Barrovian Society” and untold war experience in J. R. R. Tolkien’s biography]. *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 123–133.
24. Toporkov A. L. *Stihotvorenije Vjach. Ivanova «Tri groba»: istochniki i simvolicheskaja struktura. Stat'ja pervaja* [The poem “Three Coffins” by Vyach. Ivanov: sources and symbolic structure. Article one]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2017, no. 3 (42), pp. 198–214.
25. Ulyanov P. V. *Pamjat' o Pervoj mirovoj vojne v tvorchestve britanskogo pisatelja Dzh. P. P. Tolkina* [J. R. R. Tolkien’s memory of the first world war in his works]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 2 (130), pp. 70–75.
26. Shelestyuk E. V., Kiel I. P. *Implicitnoe sodержanie teksta i problema ego perevoda (na materiale trilogii «Vselennaja Jelderlingov» R. Hobb)* [The implicit content of the text and the problem of its interpretation (case study of Robin Hobb’s trilogy “Realm of the Elderlings”)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 7 (453), pp. 168–179.
27. Shcherbakov A. V. *Antiteza* [Antithesis]. *Jeffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii) : slovar'-spravochnik*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Press, 2014, pp. 47–48.
28. Jouanna J. *Sophocles: A Study of His Theater in Its Political and Social Context..* Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2018. 883 p.
29. Smith G. B. *A Spring Harvest*. London, Erskine Macdonald Ltd., 2015. 78 p.

**G. B. SMITH'S POEM "THE BURIAL OF SOPHOCLES (THE FIRST VERSES)":
AN EXPERIMENT ON COMPOSITION AND THEMATIC ANALYSIS**

Bortnikov V. I., Sergeeva A. S.

The article is an attempt of a compositional and thematic analysis of G. B. Smith's poem "The Burial of Sophocles" from the third part of the collection "A Spring Harvest". The most detailed is the consideration of the introduction to the poem ("The First Verses"), consisting of five eight-line stanzas. The main feature of the composition has been identified: each stanza develops its own micro-theme, and the "stitching" comes to be in the themes of Sophocles and the collective "we", both passing through the entire poem or through several stanzas. Each micro-theme is analyzed from the point of its manifestation in the form of a thematic chain: the authors identify basic and additional nominations, including substitutes and "zero" markers; the peculiarities of the set, combinatorics, and placement of the found signals are described. The discovered series of nominations are compared with each other. The noted similarity in the development of the chains of roses (the 1st eight-line stanza) and travelers (the 5th eight-line stanza) makes it possible to speak about the ring structure of the analyzed text; the two parts of the ring are connected by Sophocles' chain, which develops similarly to the initial and final thematic series, but "fades out" in the last stanza. The chain of "we", whose referent can be seen as expanding from the first to the third stanza, is organized differently. In the 4th and 5th stanzas, this chain is not represented at all; the authors of this article associate this peculiar feature with the integration of theme and other text categories, primarily the category of time. Since the poem does not have a literary verse translation into Russian, within the analysis there were used the English original and its line-to-line Russian variant.

Keywords: G. B. Smith, composition, text category, theme, thematic chain.

УДК 81'367: 821.11 – 1.653

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-77-87

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕНЕТИКА ТЕАТРАЛЬНОГО ТЕКСТА ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ

Вышенская Ю. П.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

Москва, Россия

E-mail: clemence_isaure@rambler.ru

В статье содержатся наблюдения за процессами становления стиля театрального текста эпохи формирования номенклатуры драматических жанров. Цель исследования заключается в изучении художественного стилегенерирования в театральном тексте периода становления. При этом выявляется влияние на процессы стилепорождения факторов внешней и внутренней истории языка, воздействие на возникновение и развитие стилепорождающих процессов театрального пространства, роль урбанизации и формирования новых эстетических запросов реципиента, вербализирующихся в структуре художественного целого, специфика эталона установления эвалюативных соответствий. Методологическая база расширяется дополнением традиционных методов лингвостилистического анализа (поуровневый стилистический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ на синхронном уровне и диахронической перспективе) данными и наблюдениями, полученными в сфере прочих наук гуманитарного цикла (истории театра и литературы, литературоведения). Особое внимание уделяется роли в стилепорождающих процессах принципов «карнавального» мировоззрения.

Ключевые слова: дискурс; интерлюдия; «площадной» жанр; стиль; текст; фарс.

ВВЕДЕНИЕ

В ходе развития жанра мистерий в системе драматических жанров происходит обособление фарса в отдельную жанровую разновидность. Процесс обретения фарсом, площадной плебейской модификацией мистерийных представлений, жанровой самостоятельности завершается во второй половине XV в. Формирование фарсовой тематики и диалогов, генетически связанных с масленичными играми, протекает под влиянием сказок гистрионов, игровая природа и массовый характер этого жанра возникает под воздействием карнавальных шествий.

Фарсовый сюжет, как и сюжет прочих литературных жанров (поэм, мираблей), основан на бытовых источниках. В этом проявляется стилевое родство с «интернациональной» готикой, с присущим ей зарождением острой наблюдательности к характерному, индивидуальному, единичному [5, с. 21].

В перечень специфических особенностей входит также единство воссоздания определённого типа масок и импровизация, появляющиеся как следствие «общения фарсёров с шумной ярмарочной аудиторией» [3, с. 99].

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ СТИЛЯ В «ПЛОЩАДНЫХ» ЖАНРАХ

Жанрово-стилистическая специфика

английских «площадных» жанров периода формирования

Особенность английского фарса заключается в смешивании религиозного и светского начал. Средой возникновения этого жанра являются мотивы, заимствованные из бродячего сюжета фэблио или народного анекдота, которые впоследствии в виде комических диалогов или сцен прикрепляются к пьесе мистерийного цикла.

В соответствии с альтернативной точкой зрения, траектории развития жанра светской комедии и пьес религиозного содержания не пересекаются: драматические стихотворные произведения формируются самостоятельно [1, с. 333].

Взаимосвязь стилеобразующих функций жанра пьесы и (театрально)пространственного фактора обуславливает расширение набора жанров. Отмеченный процесс сопровождается проникновением площадных стилистических элементов в другие жанры, что способствует их обогащению.

Произведения «площадных» жанров относятся к комической литературе средневекового европейского города. Комическое литературное произведение, подобно произведению иной природы (материальной или словесной), «зарождающаяся в недрах поздней аграрной (карнавальной) культуры», являет собой её манифестацию» Анализ текста произведения карнавальной культуры, как указывает М. Ю. Реутин, позволяет установить «единый порождающий принцип – как смеховой культуры в целом, так и любого другого её материального или словесного проявления» [6, с. 326], который, в развитие мысли исследователя, регулирует процесс формирования их художественного стиля. Постигание и освоение окружающей действительности происходит посредством смеха, представленного разновидностью *gîsus paschalis* (смех возрождающий), нацеленного на возрождение и обновление.

Действие принципа à l'envers (колеса), фундаментального для карнавальной реальности, способствует появлению внутри карнавальной культуры будничного и праздничного (антиповедения) типов поведения, воспринимаемых как две одинаковые тождественные фигуры [7, с. 11].

Литературной сферой бытования антиповедения являются «карнавализованные» жанры, представленные, в частности, жанром пародии. Одна из характерных особенностей средневековой пародии заключается в отсутствии у нее конкретного содержания. Таким образом возникает необходимость для неё «инокультурного мифа и инокультурного текста», что в свою очередь, становится условием её возможного перехода из потенциального состояния в реальное, из абстрактного в конкретное.

Границы ареала поисков речевого субстрата, необходимого для этого перехода, охватывает контекст иной культуры, расширяясь впоследствии в приграничную зону, образуемую местными инокультурными традициями (еретическими, клерикальными, куртуазными) [7, с. 37]. Экспансия подобного рода отображается в пирамиде выразительных средств и стилистических приемов.

Приметы «интернациональной» готики в художественности «площадных» жанров

Текстовый материал интерлюдии «Interludium de clerico et puella» («Студент и девушка») (XIV в.), переложение на язык театра известного фаблио «La Dame Siriz» («Кумушка Сириц») (XIII в.), дает возможность проиллюстрировать процесс формирования художественного стиля театрального текста фарса жанровой принадлежности. Отправной точкой развития фарса является жанр фаблио, пример «карнавализованного» жанра. Обе жанровых модификации относятся к сфере комического.

Несмотря на неполноту сохранившегося текста интерлюдии очевидны сюжетно-тематическое и стилистическое родство произведений, наличие в их художественности примет «интернациональной» готики. Отражение этого параметра наблюдается в способности диалога как элемента стилистики жанра «выбирать для своей реализации и особый язык, и свои метрические формы» [4, с. 23], иными словами, выполняет определяющую роль в выборе языковых средств, как и рифмо-ритмическую форму текстового целого.

Стилистика текста интерлюдии формируется на основе возвращения к приёмам и средствам средневековья, взаимодействия фольклорной и учёной традиций, характерного для периода доминирования интернациональной готики. Точками стилистического соприкосновения являются, прежде всего, сюжетно-событийные линии, номенклатуры персонажей и способов их номинации.

Сюжетная канва фаблю и обособившейся из него интерлюдии идентична: героиня (верная жена, юная девушка) уступает домогательствам героя (купца, студента), став жертвой обмана со стороны хитрой сводни. В исходном тексте фаблю в состав действующих лиц вводится Narrator (Рассказчик), появление которого можно интерпретировать как восстановление утраченного звена исполнителя (гистриона), выстраивающего стилистическую тактику сообразно превалирующим в зрительской среде настроениям.

Композиционная структура интерлюдии и фаблю включает две части: сцену беседы героя Clericus (Студента) и Puella (Девушки) и следующую за нею сцену беседы Clericus (Студента) и Mome Elwis (Кумушки Эльвис).

Номенклатуры персонажей фаблю и интерлюдии совпадают, различаясь, тем не менее, способами их номинации. Герои фаблю наделяются именами из английского средневекового ономастикона: Wilkin, Margery, Dame Siriz. Имена героев интерлюдии Clerico и Puella образуются на основе древнего способа проприации. Проприация комбинируется с заимствованиями из национального ономастического фонда: Elwis имя, сводни, рифмующееся с именем кумушки Siriz из фаблю, и Malkyn, имя девушки, упоминаемое в разговоре студента и кумушки Elwis.

Такой способ номинации очевидно связан с тем, что узнаваемый типаж, воплощаемый персонажем фаблю, закрепляется в риторическом оформлении текста роли, чему, согласно средневековой традиции, фарсёром уделяется большое внимание. В этом проявляется специфика взаимодействия куртуазной и карнавальной культуры, проявление которой в каждом образе индивидуальна. Под воздействием карнавальной разновидности в сценический диалог проникают элементы, характерные для иного рода текстов, с последующим изменением их природы под влиянием иного окружения.

Отмеченный тип элементов в теории карнавального мировоззрения обозначается термином «площадные элементы», понимаемым как «всё, что непосредственно связано с жизнью площади», «единого и целостного мира»: «Площадные элементы» представлены рядом феноменов фамильярной речи, включающим ругательства, божбу и клятвы, а также проклятия. Сферой бытования и одновременно стилистического доминирования этого рода элементов являются литературные и зрелищные жанры. Благодаря присущей им легализованности они «легко проникают во все тяготеющие к площади праздничные жанры (даже в церковную драму)» [2, с. 200].

Распределение «площадных элементов» в текстах фаблю и интерлюдии различно. Так, в текстовом материале фаблю в репликах Dame Siriz зафиксированы единичные примеры божбы, в частности, *Bénédictité*, практически отсутствующие в репликах Wilkin и Margery.

В анализируемом тексте интерлюдии таких примеров значительно больше, в основном они сосредоточены в репликах Mome Elwis (Кумушки Эльвис) и студента и представляют собой имена святых и апостолов: *Saynt Michel*, *Saynt Jhon*, *Saynt Dinis*, *Saynt Leonard*. Характерным является заимствование из текста церковного чина *Bénédictité*, а также присущие разговорной речи «площадные элементы», крики большого города, репрезентированные звукоподражательным *Y may say, hay waylevay!* [выделено нами. – Ю. В.].

Адресная направленность жанра фарса на удовлетворение интеллектуальных потребностей средневековой городской среды согласуется с вниманием к бытовой подоплёке сюжета, характерной для «интернациональной» готики детали.

Формирование стиля фарсовых произведений протекает согласно правилам античного риторического наследия, следования рекомендациям, закрепляемым в средневековых трактатах. Особенность процесса заключается также и в одновременном их опрокидывании сообразно действию принципа *à l'envers* (колеса, обратности), проявления синкретизма средневековой культуры, что предполагает некоторую точку пересечения и общие принципы формирования и использования наличных языковых средств для воплощения эстетического переживания жителей европейского города эпохи его бурного развития.

Античные риторические законы и формирование стиля театрального текста

Следование законам античной риторики наблюдается, прежде всего, на лексическом уровне стилистической пирамиды, образуемой традиционными тропами (метафорами, гиперболами и эпитетами). Выделенная тропеическая группа являет собой часть материала, включаемого в программу средневековых школ и университетов:

Наиболее полное отражение риторическое наследие античности получает в репликах мужских персонажей, что подтверждает текстовый материал:

Wilkin: «*Certes, dame, thou seist as hende, / And I shal setten spel on ende / Ich habe love thee moni yer / Thau ich nabbe nout ben her*» [9].

(Вилкин: «Конечно, мадам, / И я положу конец этому наваждению / Я люблю тебя уже много лет, / Иначе не пришёл бы сюда» [Перевод наш. – Ю. В.]).

Речь Wilkin, героя фаблю, в которой он повествует о своих душевных страданиях, выстроена в русле куртуазных канонов, что объясняет наличие неподвижных гипербол и метафор: *Ich habe love thee moni yer / Thau ich nabbe nout ben her*, характерных для куртуазного стиля. Любовь для Wilkin сродни наваждению, колдовским чарам, из плена которых он стремится вырваться: *I shal setten spel on ende*.

Тот же риторический образец используется в композиционно сходном месте текста интерлюдии:

Clericus: «Nu, nu, by Crist and by Sant Jhon; / In al this land new is hi non, / Mayden, that I luf mor than thee, ... / For thee hy sory nicht and day, ... / Y luf thee mar than mi lif» [9].

(Студент: «Клянусь именем Сына Божьего и святого Иоанна, / Во всей стране нет никого, / Дева, кого я любил бы больше тебя. / О тебе я вздыхаю и ночью, и днём, / И люблю тебя больше жизни» [Перевод наш. – Ю. В.]).

В процитированной реплике персонажа под влиянием куртуазной традиции также превалируют характерные для куртуазного стиля гиперболы: *in al this land new is hi non, that I luf mor than thee; for thee hy sory nicht and day, / Y luf thee mar than mi lif*, призванные акцентировать пылкость и страстность чувств к Puella.

По вхождении в структуру художественного текста иного жанра эти риторические фигуры выполняют принципиально иное эстетическое задание, определяемое действием принципа à l'envers (колеса). Используемые в речи персонажа гиперболы традиционны по своей природе, но встроены в текст, сконструированный по анти-куртуазным канонам.

Под влиянием характерного для «интернациональной» готики внимания к бытовым деталям, стремления воссоздать правду жизни, возвышенные фигуры речи соседствуют с площадными элементами, представленными божбой, и, как в тексте фавль, именами святых Crist, Sant Jhon.

Таким образом, лексический уровень театрального текста, репрезентированный в репликах мужских персонажей, создаётся под влиянием как фольклорной, так и куртуазной традиции.

Иначе представлено взаимодействие фольклорной и куртуазной культур в репликах героинь фавлио и интерлюдии:

Margery: «That wold I don for nothing, / Bi houre Louerd, hevене king, / That ous is bove! / Oure love is also trewe as stel» [8].

(Марждери: «Этого я никогда бы не сделала, Клянусь именем Господа, Царя небесного, / Что любовь наша прочна, как сталь» [Перевод наш. – Ю. В.]).

В цитате наблюдается переплетение «площадных элементов» и фольклорной образности. Так, пример божбы репрезентирован призывом в свидетели Всевышнего: *Bi houre Louerd, hevене king*, героиней Margery, отвергающей признание купца.

Говоря о любви к своему мужу и намерении сохранить ему верность, молодая женщина для большей убедительности и согласно законам жанра, прибегает к образному сравнению: *oure love is also trewe as stel*. Троп заимствуется из фонда традиционных гипербол, посредством которых в фольклоре подчеркивается прочность уз, связывающих супругов.

Таким образом, в тексте интерлюдии наблюдается превалирование «площадных» элементов как следствие действия стилеобразующей функции жанра.

Сходная стилистическая канва представлена в реплике Puella, героини интерлюдии, с доминированием площадных элементов:

«By Crist of hevene and by Sant Jone, / Clerc of scole ne kep I non, / For many god wumman haf thai don scam / By Crist, thu nichtis haf ben at hame!» [9].

(Клянусь именем Сына Божьего и святого Иоанна, / До студента мне нет никакого дела, / Потому что опозорил он много порядочных женщин / Нельзя тебе находиться здесь [Перевод наш. – Ю. В.]).

Речь Puella изобилует «стёртыми» тропами: For many god wumman haf thai don scam. С течением времени оригинальная выразительность утрачивается, и фигура речи обретает статус маркера разговорной речи. Обороты, свойственные куртуазному стилю, соседствуют с введенными в ткань произведения «площадными» элементами, следствием нарушения куртуазного канона, антириторики, составляют особенность стиля текста интерлюдии.

Специфика взаимодействия фольклорной и куртуазной традиций раскрывается далее как обыгрывание и переосмысление тропов одного порядка в репликах Clericus и Puella.

Проявление действия принципа обратности обнаруживается в использовании тех же гипербол и метафор в речи Puella в качестве контраргументов:

Clericus: «...That Yi lesit of al my rуне». / Puella: «Go nu, truant, go nu, go, / For mikel canstu of sory and wo!» [8].

(Студент: «Ты источник моих страданий». / Девушка: «Уходи прочь», / Потому что многим причинил ты боль и горе» [Перевод наш. – Ю. В.]).

Исчезновение у гипербол присущей им некогда выразительности и яркости сопровождается их переходом в разряд эмоционально-окрашенных выражений фольклорного происхождения, используемых в повседневной речи.

Площадные элементы в реплике Puella идентичны используемым в речи Clericus и распределены довольно пропорционально.

Примечательно обыгрывание в тексте слов, иллюстрации «горячих» для куртуазной культуры, выполняющих в репликах Puella и Clericus различную стилистическую нагрузку.

Взаимодействие фольклорной и куртуазной культуры проявляется в использовании в речи персонажей синонимов rуне, sory and wo со значением «душевная боль, страдание». Тем не менее, понимание, вкладываемое в них Puella и Clericus, принципиально различно. Выступая в речи Clericus в качестве примет куртуазного стиля, в тексте роли Puella они скорее обретают статус старинного англо-саксонского приема перебранки, характерного для хулительной поэзии, представленного в несколько рафинированном виде. Puella упрекает Clericus в причиненном другим девушкам зле, держится с достоинством, отвергая все красноречивые доводы Clericus, выстроенные по правилам и канонам куртуазного жанра.

Примечательное отсутствие перебранки в репликах Margery, героини фэблио, очевидно, связано с различной жанровой принадлежностью анализируемый произведений.

Таким образом, принадлежность жанра фаблю и интерлюдии к «карнавализованным» жанрам определяет их стилистическую близость. С обособлением интерлюдии в самостоятельный жанр стиль начинает обретать характерные для него приметы, представленные, в частности, введением «площадных» элементов.

***Роль клерикальной и фольклорной традиций
в становлении стиля жанра интерлюдии***

Вторая часть интерлюдии, как и фаблю, представляет собой разговор героя и сводни, объём реплик которых практически одинаков:

Clericus: «God te blis, Mome Helwis!» / Mome Helwis / «Son, welcome, by San Dinis!» [8].

(Студент: «Благослови тебя Бог, матушка Эльвис!» / Кумушка Эльвис: «Привет тебе, сынок, да будет мне свидетелем святой Дионисий» [Перевод наш. – Ю. В.]).

Приветствие «God te blis» и упоминаемое имя святого Дионисия можно рассматривать как утратившие эмоциональность площадные элементы, в чём находит выражение антириторический характер речи персонажа, следствие свойственного искусству стремления к естественности. Реплики Mome Elwis, содержащие имена святых, иллюстрируют отмеченную М. Ю. Реутиным особенность реализации карнавальской культуры через взаимодействие с другой культурой, взаимодействие с инокультурным текстом [6, с. 11].

В анализируемом случае в качестве текстовой основы выступают тексты церковного чина, молитвенного корпуса, которые преобразовываются в реплике персонажа сообразно принципу à l'envers и допускает двоякое толкование:

«A, son, wat saystu? Benedicite! / Lift hup thi hand and blis thee! / For it es boyt syn and scam, / That thu on me hafs layt thys blam, / For hic am an ald quyne and a lam, / Y led my lyf wit Godis love, / Wit my roc Y me fede, / Can I do non other dede, / Bot my Pater Noster and my Crede, / To say Crist for missedede, / And myb Avy Mary – / For my scynnes hic am am sory – / And my *De profundis* / For al that yn sin lys» [8].

(Ах, сын мой, что ты говоришь? Benedicite! / Перекрестись! / Потому как грех и стыд, / Что ты возлагаешь вину на меня, / Потому как я старая женщина и кротка, как агнец, / Я веду жизнь, исполненную божественной любви / Меня кормит мой ум. / Ничего другого делать я не умею. / Мои Pater Noster и Crede возношу я, чтобы / простил Сын Божий мои проступки. / Мои Avy Mary, потому как стыжусь я своих грехов, / Мой *De profundis*, чтобы выразить раскаянье в своих грехах. [Перевод наш. – Ю. В.]).

Примечателен фонетический узор цитируемого текстового фрагмента, основу которого традиционно составляет перенятая средневековой версификационной английской техникой у древнеанглийского стихосложения аллитерация. Аллитерация, выступает в сочетании с техникой рифмования, представленной в основном конечными рифмами: blam – lam, fede – dede, Crede – missedede, Avy Mary – sory, De profundis – lys.

Этимологически разнородные рифмующиеся лексические единицы германского происхождения соединяются в рифмующиеся пары с лексическими единицами с латинскими корнями, что порождает эффект стилистической целостности.

Заслуживает внимания наличие характерных для английского языка практически идентичных по смыслу парных синонимов *syn and scam*. Отмеченную деталь можно толковать как своеобразное присловье, типичное для разговорной речи.

Усилению эффекта иллюзии разговорной речи не в меньшей степени способствует использование в репликах Mome Elwis односложных слов. Образумый ими тесный ряд, в свою очередь, создаёт впечатление скороговорки, разновидности «криков большого города», типичной манеры общения представительниц цеха гадалок и сводней с потенциальными клиентами.

Своеобразную интерпретацию в анализируемом текстовом фрагменте получает феномен звукосимволизма. Скопление свистящих и шипящих звуков создает ассоциации с шепелявостью героини, превращается в дополнительный штрих к её портрету, внешности, хорошо узнаваемой по текстам средневековых фавль, – безобразной старухи с беззубым ртом.

Синтаксическая основа реплики Mome Elwys строится на чередовании названий основных текстов молитвенного корпуса: Pater Noster («Отче наш!»), Crede («Верую»), De profundis («Из глубины»). Героиня читает их как назначенную епитимью для получения отпущения грехов, совершаемых вынужденно, под давлением обстоятельств.

Обмен персонажей приветствиями можно интерпретировать как аллюзию на церковный чин и одновременно, согласно принципу колеса, истолковывать обращение *son* в качестве приметы разговорной речи.

Открывающие строки реплики кумушки во многом напоминают структуру церковной суммы, в частности, проповедь священника, важный его элемент. Тем самым обусловлены приветствия и характерные для церковного ритуала жесты:

Benedicite! / Lift hup thi hand and blis thee! [8].

Метафоры, фиксируемые корпусом примеров, также связаны с библейскими и молитвенными текстами:

For hic am an ald quyne and a lam [выделено нами. – Ю. В.].

Твёрдостью стремления Mome Elwis к праведной жизни обусловлено отождествление героини с агнцем, символом невинности. Введение этой метафоры в текст «карнавализованного» жанра также осуществляется по принципу колеса, благодаря чему возникает комический эффект, усиливаемый использованием на фонетическом ярусе стилистической пирамиды внутренней рифмы:

For hic am an ald quyne and a lam [выделено нами. – Ю. В.].

Срифмованные *am – lam*, сопровождаемые упоминанием возраста сводни *an ald quyne*, дают возможность прочтения *lam* как оксиморона, задерживают внимание реципиента на несовместимости образа жизни и аллюзии, используемой для его обозначения.

Признание сводни в стремлении жить по-христиански: *Y led my lyf wit Godis love* позволяет интерпретировать процитированный отрывок и как текст исповеди.

Конечные строчки текстового фрагмента допускают толкование аллюзии на каноническое завершение этого жанра.

Текст интерлюдии, образец театрального текста, являет собой также взаимосвязь вербального и невербального измерений, слова и изображения. В стилистике эта связь отображается в ритмической организации текста, линейной мелодичности миниатюры соответствует ритмический рисунок, образуемый фонетическими выразительными средствами и синтаксическими стилистическими приёмами, воплощаемыми разного рода повторами и подхватами.

Благодаря использованию рифм (как конечных, так и внутренних) в сочетании с англо-саксонским приёмом аллитерации ритм получает большую упругость.

Иллюстрацией линейной близости можно рассматривать разновидность эпонадиплосиса (*eponadiplosis*), фигуры речи, посредством которой синтагма или предложение открывается одним и тем же словом, фиксируемым в проанализированном выше диалоге Clericus и Puella, начальные строки реплик которых совпадают.

В силу сложившейся традиции синтаксический ритм реплицируется на фонетическом уровне использованием аллитерации на фоне разнообразных видов рифм, следствия инокультурного влияния:

«Wel wor suilc a man to life / That suilc a may mihte have to wife!» [9].

(Тот, кто хочет быть хозяином жизни, / Должен иметь жену [Перевод наш.

– Ю. В.]).

В процитированной реплике Clericus также используется излюбленный в англо-саксонской поэзии фонетический приём аллитерации, идентифицируемый реципиентом, занимающим активную позицию. Сочетание аллитерации с конечными рифмами *life – wufe* оттеняет и делает более выразительным ритм её синтаксической композиции, образуемой на основе приёма, структура которого напоминает хиазм – повторение синтаксической модели с обратным порядком слов, примету разговорной речи. Рифмование реплик персонажей подтверждает мысль о совпадении направления развития векторов стилистики драматических и поэтических жанров. Связь с «площадными» элементами усиливается отголосками мощного карнавального смеха, ощущаемыми в наличии аллитерирующей параномасии *man – tau*, что придаёт высказыванию юмористическую окраску.

Образ сводни в проанализированных текстах во многом близок inferнальным персонажам, непременным участникам организованных карнавальных площадных зрелищ, трансформировавшихся в ходе времени древних ритуальных действий. Насыщенность реплик персонажа элементами площадных жанров возникает вследствие действия экстралингвистического, локального фактора, места их зарождения: городской площади и протекающей там площадной жизни.

Сюжетно-тематическое родство и наличие одновременно некоторых стилистических примет определяется генетической связью с двумя основными традициями, выкристаллизовавшимися в английской литературе, «учёной» и «фольклорной».

Жанровая трансформация текста фаблио в театральный текст, модификацию интерлюдии, сопровождается также изменениями в его стилистике (комбинация древнего приема проприации в номинации персонажей с действительными

английскими антропонимами средневекового периода, проникновение в стилистическую пирамиду «площадных» элементов, вербализованных «крики большого города», нарушение риторических традиций согласно принципу à l'envers) при сохранении некоторых исходных характеристик (номенклатура персонажей, частичное совпадение способов их номинации, представленных собственно заимствованиями из национального ономастикона).

ВЫВОДЫ

Анализ эмпирического материала показывает использование в процессах драматического художественного стилепорождения знаний и опыта античной и средневековой риторики.

Немаловажное значение для анализируемых процессов имеет стилеобразующая функция жанра. В условиях обновления и развития жанровой номенклатуры особую значимость обретают жанры вновь обособляющейся драматической модификации (фарс, интерлюдия) на фоне тесной связи с модификацией жанров, прошедших этап становления (фавль). Особое место в процессах становления художественного стиля обособившихся жанров городского театра отводится стилистически неравнозначным фольклорной и куртуазной традициям. Стилистические элементы, разработанные и апробированные в рамках каждой из них, используются непропорционально.

Характерной чертой процессов стилепорождения в театральном тексте выступает переосмысление куртуазных канонов и разработанных куртуазных стилистических приемов и выразительных средств, в том числе, накопленного тропического материала.

Генетическая связь стиля театрального текста с фольклором находит проявление в инкорпорации в текстовую ткань драматического текста древних стилистических приёмов (перебранка).

Отдельно выделяется античная риторическая традиция, проявляющаяся на лексическом стилистическом уровне театрального текста.

Однонаправленность векторов стилистики драматического текста и поэзии объясняется влиянием факторов (не-)лингвистической природы, в частности театральным пространством, связи с карнавальными шествиями и городскими площадями и улицами, развитием средневекового города.

Наличие в художественности театрального стиля примет «интернациональной» готики (внимания к бытовым деталям, единичности, самобытности) свидетельствует об открытости текста изменениям в (экстра-)лингвистической реальности.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. – М.: Высшая школа, 1984. – 351 с.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Ф. Рабле и смеховая культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Искусство, 2015. – 525 с.
3. *Бояджиев Г. Н.* История зарубежного театра. Театр Западной Европы. Ч. I. – М.: Просвещение, 1971. – 360 с.
4. *Григорьев В. П.* Жанрово-стилистическая определённость текста и становление языка испанской национальной литературы: Автореф. ... докт. филол. наук: 10.02.05. – Л., 1983. – 34 с.
5. *Мальцева Н. Л.* Французский карандашный портрет XVI в. – М.: Искусство, 1978. – 239 с.
6. *Реутин М. Ю.* Комические жанры в литературе средневековой Германии (Конструкция раннего австро-германского шванка) // Проблема жанра в литературе Средневековья. – М.: Наследие, 1994. – С. 326–354.

7. Реутин М. Ю. Игры об Антихристе в Южной Германии. Средневековая пародия. – М.: РГГУ, 1994. – 40 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 5. Традиция как синтезирующий механизм культуры).
8. Interludium de clerico et puella. – Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-trials-and-joys-interludium-de-clerico-et-puella>. – (Дата обращения: 22.07.2024).
9. La Dame Siriz. – Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-trials-and-joys-dame-sirth>. – (Дата обращения: 22.07.2024).

References

1. Alekseev M.P. *Literatura srednevekovoj Anglii i Shotlandii* [English and Scottish Medieval Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 351 p.
2. Bahtin M.M. *Tvorchestvo F. Rable i smekhovaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa*. [Rabelais and His World]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2015. 525 p.
3. Boyadzhiev G.N. *Istoriya zarubezhnogo teatra. Teatr Zapadnoj Evropy: Ch. I*. [History of the Foreign Theatre. Theatre of West Europe. Part I]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 360 p.
4. Grigor'ev V.P. *Zhanrovo-stilisticheskaya opredelyonnost' teksta i stanovlenie yazyka ispanskoj nacional'noj literatury: Avtoref diss. ... dokt. filol. nauk* [Genre and Stylistic Text Determination and Spanish National Literary Language Forming. Abstract of thesis]. Leningrad, 1983. 34 p.
5. Mal'ceva N.L. *Francuzskij karandashnyj portret XVI v.* [French Pencil Picture of the XVIth century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 239 p.
6. Reutin M.Yu. *Komicheskie zhanry v literature srednevekovoj Germanii (Konstrukciya rannego avstrogermanskogo shvanka)* [Comic Genres in German Medieval Literature (Old Austian-German Schwank Structure)]. *Problema zhanra v literature Srednevekov'ya*. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 326 – 354.
7. Reutin M.Yu. *Igry ob Antihriste v Yuzhnoj Germanii. Srednevekovaya parodiya* [Antichrist Games in Southern Germany. Medieval Parody]. Moscow, RGGU Publ., 1994. 40 p.
8. *Interludium de clerico et puella*. Available from: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-trials-and-joys-interludium-de-clerico-et-puella>. (accessed 22 August 2024).
9. *La Dame Siriz*. Available from: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-trials-and-joys-dame-sirth> (accessed 22 August 2024).

GENRE AND STYLISTIC GENETIC OF THE THEATRICAL TEXT OF THE BECOMING EPOCH

Vyshenskaya Yu. P.

The present paper contains some observations over style generating processes which took place during the theatrical genres forming period. The chronological borders embrace two hundred years (XIV – XV centuries.). The style generating processes in the dramatic text are studied with the regard of connections of isolating theatrical genres (farce and interlude) with genres isolated within the scope of poetry (fablio). The analytical procedure is realized on the basis of (extra-)linguistic factors, i. e., the appearing of independent stylistic (ludic) elements as well as place of the phenomenon (town squares and streets, carnival processions). Thus, methodological basis is expanded because of the use of not only traditional linguistic and stylistic ones but also the use of some data and observations borrowed from other humanitarian sciences (the theatre history, the history of literature and art). The examples found in the textual material of medieval English fablio, farce and interlude are used to illustrate. Special attention is given to the principles of the carnival world-vision as important for style generating processes.

Key words: «carnivalized» genre; discourse; farce; interlude; style; text.

УДК 82-311.2

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-88-95

ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ Ф. ШИЛЛЕРА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Грищенко А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: anastasiagrishchenko1999@gmail.com*

Статья посвящена выявлению и исследованию рецепции эстетико-философских концепций Ф. Шиллера в романе «Обрыв» как свидетельства мировоззренческого влияния принципов немецкого поэта, теоретика искусства, философа на И. А. Гончарова. Материал исследования позволяет утверждать, что теоретические работы Ф. Шиллера «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О необходимых пределах применения художественных форм» оказали наибольшее влияние на романиста, что отражено в многочисленных межтекстовых связях. Проведенный анализ демонстрирует наличие идейного сходства творчества двух авторов, базирующегося на представлениях о сопряжении старого и нового жизненных укладов, о взаимодействии чувств и разума в человеке, на сходном восприятии категорий красоты и грации, определении черт истинного художника. Указанные категории являются ключевыми для формирования концепции «живой жизни» в романе И. А. Гончарова, который опирается на философско-эстетические воззрения своего предшественника, но творчески переосмысляет их. В исследовании делается вывод о том, что в романе «Обрыв» гармония разума и чувств в жизни человека является основой концепции «живой жизни», условием существования категорий красоты, грации и свободы.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Ф. Шиллер, разумно-чувственная природа человека, живая жизнь, красота, грация.

ВВЕДЕНИЕ

Немецкая философия оказала заметное влияние на русскую литературную мысль XIX в. В. В. Кожин указывает на то, что в 1820 – 1830-х гг. немецкая философия и литература находились в центре внимания большого количества русских журналов и альманахов, а к 1840-м гг. полностью пропитали духовную жизнь России [6, с. 196–197]. В русской литературе осуществлялось художественное решение проблем, поставленных в теоретических трудах Канта, Гете, Шиллера, Шеллинга и др. Важно подчеркнуть, что происходило творческое развитие их идей, которое подразумевало «существенную полемику и диалектическое отрицание традиции» [6, с. 193].

Настоящий процесс нашел отражение в творческом наследии И. А. Гончарова, в произведениях которого были воплощены идеи, высказанные в трудах Ф. Шиллера. А. А. Бельская отмечает, что философ оказал большое воздействие на формирование мировоззрения Гончарова [3, с. 7]. Литературоведы неоднократно обращались к рассмотрению данного вопроса: были проанализированы философские взгляды писателя (Ю. А. Плужникова [7]), реализация концепций Ф. Шиллера в романе «Обломов» (П. Тирген [10]), философия личности в произведениях романиста (А. А. Бельская [3]), однако до сегодняшнего времени не была осмыслена проблема художественного отражения взглядов немецкого философа в романе «Обрыв», что подтверждает актуальность исследования.

Цель работы состоит в выявлении и анализе художественного воплощения философских идей Ф. Шиллера в романе И. А. Гончарова «Обрыв». Для достижения

поставленной цели были использованы историко-типологический, сравнительно-исторический методы, а также метод целостного анализа текста.

Знакомство И. А. Гончарова с теоретическими трудами Ф. Шиллера произошло на лекциях Н. И. Надеждина и С. П. Шевырева в Московском университете [10, с. 20]. Дальнейший интерес к творчеству философа подтверждается автобиографической заметкой «По желанию редакции “Художественного листка”...» [4, с. 221–230], а также отражается в корреспонденции писателя. Так, И. А. Гончаров отмечает, что во время своей чиновничьей службы в Петербурге он «свободное от службы время посвящал литературе» [4, с. 223], «переводил из *Шиллера*» (здесь и далее выделено мной. – А. Г.) [4, с. 223]. В письмах и статьях романист неоднократно ставил гений Шиллера в один ряд с Шекспиром и Мольером: «гении *Шекспира, Мольера, Шиллера*» [4, с. 488], «такие художественные праздники, как появление пьес *Шекспира, Мольера, Шиллера*» [4, с. 197]. Данные примеры подтверждают, что Шиллер был значимой фигурой в формировании художественного мира И. А. Гончарова.

В романе «Обрыв» нашли отражение идеи Ф. Шиллера, изложенные главным образом в таких его теоретических трудах, как «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О нравственной пользе эстетических нравов», «О необходимых пределах применения художественных форм». Положения философии Шиллера наиболее ярко отражены в категориях старого и нового жизненного уклада, разумно-чувственной природы человека, красоты и грации, в определении черт истинного художника.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Старая и новая жизнь

Исследователи давно обратили внимание на то, что одной из центральных проблем романа «Обрыв» является противостояние старого и нового жизненных укладов [9, с. 431], которое проявляется в особенностях мировоззрения ключевых героев произведения. Определение принадлежности героя к новому или старому веку базируется на таких параметрах, как соотношение разума и чувства, восприятие религиозных ценностей и современных веяний науки, умение самостоятельно принимать решения.

Ф. Шиллер отмечает, что для человека характерно подчинение свободных суждений деспотическому мнению общества, чувств – его причудливым обычаям, воли – его соблазнам [11, с. 262]. Данные особенности свойственны героям, относящимся к старому веку. В этой связи симптоматичен диалог Райского с Софьей, указывающий на источник убеждений, которыми руководствуется девушка: «– Что у вас за страсть преследовать мои бедные *правила*? – Потому что они *не ваши*. – Чьи же? – *Тетушкины, бабушкины, дедушкины, прабабушкины, прадедушкины*» [5, с. 26].

Следование сложившимся законам, традициям, верованиям избавляет человека от «неприятной необходимости мыслить» [11, с. 274], поскольку он передает другим «право опеки над своими понятиями» [11, с. 274]. Данная особенность свойственна бабушке, которая в любой ситуации «говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости <...> весь наружный обряд жизни отправляется у ней *по затверженным правилам*» [5, с. 222]. Ф. Шиллер указывает на стремление человека строго следовать формулам, подготовленным для него государством и

духовенством [11, с. 274], однако И. А. Гончаров дополняет данное утверждение, обращая внимание на то, что жители провинции в большей степени действуют согласно шаблонам, отраженным в фольклорных памятниках (половицы, поговорки, предания).

Необходимо отметить, что в образе бабушки происходит совмещение черт старого и нового укладов, так как готовые формулы поведения дополняются здравым смыслом, житейской мудростью, собственными взглядами: «сквозь обветшавшую <...> мудрость у нее пробивалась живая струя *здрoвoгo пpактичeскoгo смыслa, сoбствeннoгo идeй, взглядoв и пoнятий*» [5, с. 222].

Новый уклад жизни предполагает отрицание авторитетов («взгляд *пoлнoгo и дeрзкoгo oтpицания вceгo* <...> старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков» [5, с. 660]), стремление к свободе как главной ценности во всех сферах жизни («Я тебе именно и несу проповедь этой *свoбoды!*» [5, с. 349]), ориентацию на достижения науки, а не на религиозные постулаты («На свет: *к нoвoй нaукe, к нoвoй жизни...*» [5, с. 520]).

Гончарову оказывается близкой и высказанная в работе «Письма об эстетическом воспитании человека» мысль Шиллера о том, что самой важной потребностью времени является развитие умения чувствовать [11, с. 274]. Не случайно одним из ключевых признаков нового века в «Обрыве» становится доминирование чувств над разумом, восприятие любви как природного влечения. Данная мысль неоднократно высказывается главным представителем нового времени, Марком Волоховым («...из *пpиpоднoгo влeчeния* делают правила <...> *Любoвь* – счастье, данное человеку *пpиpодoй...*» [5, с. 607]).

В «Предисловии к роману “Обрыв”» И. А. Гончаров высказывает мысль о равнозначности старого и нового времени, которые имеют «неисчерпаемую глубину и неизменные основы» [4, с. 159] в человеческой жизни и никогда не потеряют своей значимости [4, с. 159]. Писатель подчеркивает преемственность двух жизненных укладов, указывает на необходимость надстройки новых устоев на старый фундамент, поскольку новый уклад прочно укоренен в старом. Это его убеждение непосредственно вербализовано в следующих высказываниях: «семена всех этих новых идей, *нoвoй «цивильзaции»*, <...> заключены в *стapом учении*» [5, с. 660–661], «праздновал *вeснy с нoвoй зeлeнью*, не провожая бесплодной и неблагоприятной враждой *oтxoдящeгo пopядкa и oтживaющих нaчaл*, веря в их <...> *пpeeмствeнную связь*» [5, с. 359].

Важно отметить, что герои, которым отданы симпатии автора (Вера, бабушка, Райский, Тушин), в полной мере не относятся к старому или новому веку, поскольку вобрали в себя лучшие качества каждого из них, сформировав в себе «живую жизнь» («вырабатывала себе из старой, “мертвой” жизни крепкую, *живую жизнь*» [5, с. 616]). Данный концепт подразумевает то, что на прежнюю незыблемую основу (мораль, вера, чувство долга) надстраивается природная логика; ум, сердце и воля находятся в гармонии. Эта мысль подтверждается И. А. Гончаровым в статье «Лучше поздно, чем никогда», где он пишет о том, что Вера «знала, что *oтжилo в стapой*, и давно тосковала, *искaлa свежeй, oсмыслeннoй жизни*, хотела сознательно *нaйти и пpинять нoвoгy пpавдy, удeржaв и вce пpочнoe, кoрeннoe, лyчшee в стapой жизни. Oнa xoтeлa нe paзpyшeния, a oбнoвлeния*» [4, с. 96].

Соотношение разума и чувств

Главным условием формирования «живой жизни» является баланс разума и чувств, который, согласно Ф. Шиллеру, становится условием возникновения свободы [11, с. 316]. По мнению философа, чувственные побуждения развиваются раньше разумных, поскольку «ощущение предшествует сознанию» [11, с. 317]. Переход от первого ко второму происходит посредством «среднего настроения» [11, с. 318], в котором разум и чувства «одновременно деятельны, но именно поэтому взаимно уничтожают свою определяющую силу и создают путем противоположения отрицание» [11, с. 318]. «Среднее настроение» в работе Ф. Шиллера именуется также свободным настроением, или эстетическим состоянием, которое воспринимается эквивалентом свободы, отобранной у человека и снова возвращенной [11, с. 321].

Концепция гармоничного взаимодействия разума, сердца и воли для формирования целостной личности находит подтверждение в характеристиках героев «Обрыва», живущих «живой» жизнью: «с умом у него дружно шло рядом и билось сердце <...> воля у него была послушным орудием умственной и нравственной силы» [5, с. 733], «не изменяет гармонии ума с сердцем и с волей» [5, с. 734]. Однако представители старого века лишены свободы («совершенно <...> умерщвление свободы духа, свободы ума, свободы сердца!» [5, с. 103]), поскольку разум берет верх над чувствами.

Согласованность чувств и разума, по мнению Шиллера, становится залогом того, что человек находится в гармонии с самим собой [11, с. 148], тогда как доминирование чувственной природы над разумной приводит к пробуждению в героях звериного начала. Ориентация Гончарова на данную шиллеровскую идею наиболее ощутима в образе Марка Волохова, «апостола» нового века, который неоднократно именуется писателем «зверем», тогда как Вера – «добычей» («как зверь, помчался в беседку, унося добычу» [5, с. 618], «непокорным зверем, уходящим от добычи» [5, с. 563]). Важно подчеркнуть, что Райский также осознает данное раздвоение в человеческой природе, поскольку, раскаиваясь в своем поступке, говорит: «не человек: зверь сделал это преступление» [5, с. 637].

Красота и грация

Гармония чувств и разума в работах Ф. Шиллера также неразрывно связана с категорией красоты. В статье «О возвышенном» он указывает на то, что в красоте разум и чувства согласуются друг с другом, что обуславливает притягательность данной категории [11, с. 494]. Красота является выражением свободы, что обусловлено соответствием чувственных стремлений законам разума [11, с. 149]. И. А. Гончаров разделяет данное представление: в романе истинная красота подразумевает соответствие внешней красоты внутренней.

Выразителем авторской точки зрения на прекрасное становится Райский как художник, поклоняющийся красоте. Герой находится в поиске «гармонии красоты наружной с красотой внутренней» [5, с. 540], утверждает, что «в женской высокой, чистой красоте <...> есть непременно ум <...> глупая красота – не красота» [5, с. 356]. Красота души наделяет человека и наружной красотой, тогда как глупый человек теряет внешнюю привлекательность («дура никогда не может быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина часто блесит красотой» [5, с. 357]).

Таким образом, прослеживается воздействие концепции Ф. Шиллера на И. А. Гончарова, согласно которой физическое и морально-эстетическое состояния человека неразрывно связаны [11, с. 319].

Девушки, получающие у Райского наименование «статуи», наделены красотой, однако лишены способности сочувствовать, сопереживать, испытывать любовь и проявлять глубокие чувства, что указывает на их холодность и отчужденность от проблем окружающего мира. Так, статуями именуется две возлюбленные героя: Софья Беловодова («Это – *статуя*, прекрасная, но холодная и *без души*» [5, с. 503]) и Вера («она, как белая *статуя* в зелени, стоит неподвижно» [5, с. 575]). Е. В. Реутова отмечает, что И. А. Гончаров продолжает в романе разработку мотива об оживающей статуе посредством обращения к мифу о Пигмалионе и Галатее, который в творчестве писателя впервые был проявлен в романе «Обломов» в отношениях Ольги Ильинской с Обломовым [8, с. 103]. Условием оживления статуй является пробуждение героинь от девичества, превращение их в женщин, инициация. В романе происходит трансформация Веры («Совершилось *пробуждение* Веры, его *статуи*, от *девического сна*» [5, с. 623]), благодаря которой в чертах героини появляется «*новая, неотразимая красота*» [5, с. 623]. Тенденции к дальнейшему потенциальному пробуждению Софьи проявляются в деталях внешности и убранства комнаты героини [8, с. 104].

Ф. Шиллер придает особое значение категории грации как одному из видов проявления красоты. Так, в теоретической статье «О грации и достоинстве» высказывается суждение о том, что красота является созданием природы, тогда как грация зависит непосредственно от самой личности. Согласно представлениям немецкого мыслителя, «грация есть красота, которая не дана природой, а создается самим субъектом» [11, с. 119], «везде, где есть грация – двигателем является душа» [11, с. 119]. В романе «Обрыв» грация становится постоянной характеристикой Веры: «Ты вся – поэзия, *грация*» [5, с. 504], «фигура ее была полна задумчивой, нежной *грации*» [5, с. 711]. Таким образом, в Вере воплощен идеал женщины, в которой внутренняя красота тождественна внешней, чувства, разум и воля находятся в балансе. В письме Е. П. Майковой И. А. Гончаров пишет: «В 1849 году, когда я сам был на Волге <...> задумана была и Вера, никогда не существовавшая, – это *мой* тогдашний *идеал*» [4, с. 400].

Вере присуща истинная грация, тогда как Полине Крицкой – фальшивая, главными свойствами которой являются аффектация и стремление к возбуждению плотских желаний. Подобная характеристика героини вполне соответствует шиллеровскому суждению о том, что такая грация несовместима с подлинной красотой: «улыбку» она превращает в «гримасу», «игру взглядов» в «закатывание глаз» [11, с. 169].

Р. К. Бажанова, исследуя восприятие грации Ф. Шиллером, отмечает, что проявление данной категории для него возможно не только в движении, но и в статике, в состоянии покоя, когда в чертах лица отражается грация как следствие опыта [2]. Данная особенность у Гончарова наиболее отчетливо проявлена в образе бабушки, которая «постарела ровной, здоровою старостью» [5, с. 154]: красота ее души с возрастом отпечаталась на внешности («ни болезненных пятен, ни глубоких, нависших над глазами и ртом морщин, ни тусклого, скорбного взгляда!» [5, с. 154]), доброта запечатлелась в чертах лица («около губ ее улыбка образовала лучи» [5, с. 154]).

Черты истинного художника

В. Ф. Асмус акцентирует внимание на том, что, согласно теории Ф. Шиллера, объединение духовных и физических сил может произойти только в том случае, когда «человек, действует как художник, как творец художественной формы» [1, с. 54]. В работе «Письма об эстетическом воспитании человека» немецкий философ выделяет искусство как источник «истины и красоты», которые являются «необходимым условием существования человечности» [11, с. 322]. Ф. Шиллер проводит черту между истинным художественным гением и дилетантом / любителем. Характерными чертами художника-творца являются упорный труд, объединение стремлений к созданию целого и внимания к отделке каждой детали, взаимодействие рассудка и вдохновения [11, с. 376]. Дилетант, напротив, испытывает страх перед трудностями, стремится к скорости и легкости создания произведения, главной действующей силой для него является огонь воображения [11, с. 377].

Шиллеровская характеристика дилетанта соотносима с изображением Райского-художника, стремящегося создавать произведения быстро, без долгой и упорной отработки деталей («Воображение его вспыхивало, и он путем сверкнувшей догадки схватывал тень, верхушку истины, дорисовывал остальное и уже не шел долгим опытом и трудом завоевывать прочную победу» [5, с. 50]). Герой не готов к длительной и утомительной работе, которая предполагает многолетнее обучение, напряженный черновой, подготовительный труд. Вердикт Райскому выносит Кирилов, именующийся в романе «истинным», «цельным» художником: «В вас погибает талант <...> У вас недостает упорства, есть страстность, да страсти, терпенья нет!» [5, с. 130].

Противоположностью Райского являются его товарищи по академии, изо дня в день копирующие бюсты, изучающие анатомию человека («молчат и рисуют с бюстов» [5, с. 92]). Именно им со временем, в соответствии с теорией Ф. Шиллера, откроется источник «истинной красоты» [11, с. 377], так как они обладают знаниями и опытом, могут обуздать свое воображение. Однако И. А. Гончаров, переосмысляя концепцию философа, отмечает, что для становления истинного творца необходимы обе составляющие: не только настойчивость и терпеливость для отработки мельчайших деталей, но и талант, фантазия. В статье романиста «Лучше поздно, чем никогда» подтверждается мысль о том, что Райский талантлив, но вместе с тем подготовительная работа для развития способностей трудна, требует всего человека, и по этой причине неодолима для героя, выросшего «еще в период обломовского сна» [4, с. 85].

В то же время в предисловии к роману И. А. Гончаров замечает, что в образе Райского стремился изобразить не «тип художника-дилетанта» [4, с. 160], который уходит от строгой школы искусства, а представить «этюд психологического наблюдения над типом “неудачника”-художника» [4, с. 160], в котором воплотились как праздность, отсутствие необходимости ежедневного труда на благо общества, так и преобладание фантазии над остальными силами личности [4]. В этой характеристике явственно прослеживаются черты обломовщины, которые были отмечены как самим писателем, так и исследователями, проводившими параллели между Райским и Обломовым («Что такое Райский? Да все Обломов, то есть прямой, ближайший его сын, герой эпохи Пробуждения» [4, с. 82]). По мнению

И. А. Гончарова, именно обломовщина является причиной дилетантизма Райского: («остатки еще не вымершей *обломовщины* мешают ему обратить усвоенные понятия в дело» [4, с. 83]), сопоставляется с «гирами на ногах», которые тянут героя назад [4, с. 83].

ВЫВОДЫ

Исследование романа И. А. Гончарова «Обрыв» в контексте рецепции философских идей Ф. Шиллера позволяет подтвердить многочисленные межтекстовые связи между произведениями двух авторов. Значимое воздействие на мировоззрение романиста оказали такие теоретические труды немецкого поэта и философа, как «Письма об эстетическом воспитании человека», «О грации и достоинстве», «О возвышенном», «О необходимых пределах применения художественных форм». Влияние Ф. Шиллера в наибольшей степени отражено в выделенных категориях (старая и новая жизнь, разумно-чувственная природа человека, красота и грация, истинный художник), которые являются составляющими главного концепта романа – «живая жизнь». Главным условием формирования данного концепта является баланс разума и чувств, лежащий в основе философских концепций Ф. Шиллера. В героях, живущих «живой жизнью», объединены лучшие качества старого и нового укладов, разум и чувства находятся в гармонии, что является условием для проявления свободы, красоты и грации в человеке. Романист творчески продолжает идеи философа, рассматривая гармонию разумно-чувственной природы человека как условие существования категорий красоты и свободы. В романе «Обрыв» также отражена дифференциация понятий «красота» и «грация», изложенная в трудах Ф. Шиллера и переосмысленная И. А. Гончаровым. Так, красота является созданием природы и отражена во внешнем облике человека, тогда как грация – проявление внутренней красоты личности, которая только с течением времени отражается на внешности героя.

Список литературы

1. *Асмус В. Ф.* Некоторые вопросы эстетики Шиллера // Вопросы литературы. – 1957. – № 3. – С. 52–70.
2. *Бажанова Р. К.* Грация в зеркале греческого мифа, рецепция античности Ф. Шиллера и философии жизни // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 42–49. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gratsiya-v-zerkale-grecheskogo-mifa-retseptsii-antichnosti-f-shillera-i-filosofii-zhizni>. – (Дата обращения 09.01.2024).
3. *Бельская А. А.* Тургенев и Гончаров: принципы изображения человека: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01. – Москва, 1993. – 22 с.
4. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. : Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – М. : Худож. лит., 1955. – 466 с.
5. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. : Обрыв. – СПб. : Наука, 2004. – 773 с.
6. *Кожин В. В.* Немецкая классическая эстетика и русская литература // Традиция в истории культуры. – М. : Наука, 1978. – С. 191–197.
7. *Плужникова Ю. А.* Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» и «роман воспитания» в русской и немецкой литературе XVIII–XIX веков: эволюция жанра: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Ульяновск, 2012. – 162 с.
8. *Реутова Е. В.* Мотив оживающей статуи в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Пятый этаж. – 2018. – № 4. – С. 102–106.
9. *Рыбасов А. П.* Примечания // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. Обрыв. – М.: Худож. лит., 1954. – С. 431–454.

10. Тирген П. Обломов как человек-обломок (К постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 18–33.
11. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. : Статьи по эстетике. – М. : Худож. лит., 1957. – 792 с.

References

1. Asmus V. F. *Nekotorye voprosy jestetiki Shillera* [Some questions of Schiller's aesthetics]. *Voprosy literatury*, 1957, no. 3, pp. 52–70.
2. Bazhanova R. K. *Gracija v zerkale grecheskogo mifa, recepcija antichnosti F. Shillera i filosofii zhizni* [Grace in the mirror of the greek myth, the reception of antiquity and the philosophy of life]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2014, no. 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/gratsiya-v-zerkale-grecheskogo-mifa-retseptsii-antichnosti-f-shillera-i-filosofii-zhizni> (accessed 09 January 2024).
3. Bel'skaja A. A. *Turgenev i Goncharov: principy izobrazhenija cheloveka: Avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk* [Turgenev and Goncharov: the principles of human representation. Abstract of thesis]. Moscow, 1993. 22 p.
4. Goncharov I. A. *Sobranie sochinenij v 8 t. T. 8. Stat'i, zametki, recenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma* [Collected Works in 8 v. Vol. 8. Articles, notes, reviews, autobiographies, selected letters]. Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1955. 466 p.
5. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij. i pisem in 20 t T. 7. Obryv*. [Complete collection of writings and letters in 20 vol. Vol. 7. Precipice]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 773 p.
6. Kozhinov V. V. *Nemeckaja klassicheskaja jestetika i russkaja literature. Tradicija v istorii kul'tury* [German classical aesthetics and Russian literature. Tradition in the history of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 191–197.
7. Pluzhnikova Ju. A. *Roman I. A. Goncharova «Obyknovennaja istorija» i «roman vospitanija» v russkoj i nemeckoj literature XVIII–XIX vekov: jevoljucija zhanra: dis. ... kand. filol. nauk* [I. A. Goncharov's novel "An Ordinary History" and "education novel" in Russian and German literature of the 18-19 centuries: evolution of the genre. Thesis]. Ul'janovsk, 2012. 162 p.
8. Reutova E. V. Motiv ozhivajushhej statui v romane I. A. Goncharova «Obryv» [The motif of a statue coming to life in I. A. Goncharov's novel "The Precipice"]. *Pjatyj jetazh*, 2018, no. 4, pp. 102–106.
9. Rybasov A. P. *Primechanija* [Notes]. *Goncharov I. A. Sobranie sochinenij v 8 t.* Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1954. Vol. 6: Obryv, 1954, pp. 431–454.
10. Tirgen P. *Oblomov kak chelovek-oblomok (K postanovke problemy «Goncharov i Shiller»)* [Oblomov as a chip man (Towards a statement of the problem of "Goncharov and Schiller")]. *Russkaja literatura*, 1990, no. 3, pp. 18–33.
11. Shiller F. *Sobranie sochinenij v 7 t. T 6. Stat'i po jestetike* [Collected Works in 7 v. Vol. 6. Articles on aesthetics.]. Moscow, Hudozhestvenaja literatura Publ., 1957. 792 p.

COMPREHENSION OF F. SCHILLER'S IDEAS IN THE NOVEL I. A. GONCHAROV'S NOVEL "THE PRECIPICE"

Grishchenko A. S.

This article is devoted to the identification and researching the reception of aesthetic and philosophical concepts of F. Schiller in the novel "The Precipice" as evidence of the worldview influence of the principles of the German poet, art theorist, philosopher on I. A. Goncharov. The material of the study allows us to determine which theoretical works of F. Schiller had the greatest influence on the novelist. The analysis demonstrates the presence of ideological similarity of the work of the two authors, based on ideas about the conjugation of old and new ways of life, about the interaction of feelings and reason in man, on a similar perception of the categories of beauty and grace, the definition of the traits of a true artist. These categories are key to the formation of the concept of "living life" in the novel of I. A. Goncharov, who relies on the philosophical and aesthetic views of his predecessor, but creatively rethinks them. The study concludes that in the novel "The Precipice" the harmony of reason and feelings in human life is the basis of the concept of "living life", the condition for the existence of the categories of beauty, grace and freedom.

Key words: I. A. Goncharov, F. Schiller, reasonable-sensual nature of man, living life, beauty, grace.

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-96-106

КОНЦЕПТ «ВЕЧНОСТЬ» В КИММЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Иванова Н. П.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия*

E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

Статья посвящена проблеме формирования и выделения топического (регионального) сверхтекста, которым является Киммерийский текст. Исследование проводится на материале лирических произведений русских поэтов XX в. Его результатом стал вывод о том, что указанная структура формировалась и формируется под влиянием личности и творчества М. А. Волошина, воспринимавшего территорию юго-восточного Крыма сквозь призму мифа о Киммерии. Последователи идей поэта, как и он сам, отразили в анализируемом сверхтексте процесс и результаты ремифологизации данного региона, включающей в себя, в частности, экспликацию элементов античного и райского вариантов крымского мифа. При этом ядром Киммерийского текста становится концепт «Вечность», последовательно реализованный как в пространственной, так и во временной сферах художественных произведений. Формы экспликации указанной ментальной структуры являются предметом исследования. Они обусловлены, в первую очередь, мировоззренческими установками М. А. Волошина, возникшими под влиянием идей В. С. Соловьева, Ф. Ницше, Р. Штайнера, А. Р. Минцловой, и связаны с осознанием места человека в мироздании и его отношения к окружающему миру.

Ключевые слова: сверхтекст, Киммерийский текст, концепт «Вечность», субтекст, миф.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема формирования, выделения и классификации сверхтекстовых структур является актуальной для современного литературоведения. Ей посвящены, в частности, работы таких исследователей, как Н. А. Купина [10], С. О. Курьянов [12], В. В. Курьянова [13], А. Г. Лошаков [15], Н. Е. Меднис [16], В. Н. Топоров [24], О. В. Шалыгина [28]. Ученые выделяют ассоциативно-смысловые сверхтексты, включающие в себя именные (персонические и персонажные), топические (локальные и региональные) и событийные (казуальные и эпохальные) структуры. Основным критерием выделения локальных сверхтекстов О. В. Шалыгина вслед за В. Н. Топоровым называет сакральность, реализацию в них «глубоких, сверхэмпирических сущностей» [28, с. 202], что дает возможность сделать вывод о существовании в творчестве поэтов XX века Киммерийского текста, формированию которого, как известно, положил начало М. А. Волошин. О сакральности Киммерии в его поэтическом сознании писали, в частности, С. М. Заяц, С. М. Пинаев, Д. С. Скокова: «Для М. А. Волошина Киммерия – центр мироздания, точка соприкосновения всего... Киммерия – это возрождение» [8, с. 12].

Закономерно, что рецепция этого пространства невозможна без опоры на существующие мифы, с одной стороны, и без ремифологизации – с другой. В ходе осмысления этого процесса важным представляется учет мнения Е. М. Мелетинского, который, как и В. Ф. Лосев, считает миф «средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом» [17, с. 24]. Следовательно, мифологизируется некий базовый культурный концепт, что находит отражение в поэтическом творчестве, – таким образом формируется

ассоциативно-смысловой сверхтекст [21]. Базовым для проводимого исследования является определение концепта, сформулированное Ю. С. Степановым: «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [23, с. 40].

Представляется, что ядром Киммерийского текста является концепт «Вечность», мифологизированный в сознании русских поэтов XX века и отраженный в их лирических произведениях, посвященных Коктебелю и М. А. Волошину, в связи с чем целью данной статьи является анализ форм экспликации указанной ментальной структуры.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Толстой неслучайно назвал М. А. Волошина «поэтом ритма вечности» [18]: стремление к осмыслению законов мироздания под влиянием идей В. С. Соловьева, Ф. Ницше, Р. Штайнера, А. Р. Минцловой обусловило появление в сознании поэта основополагающего бытийного концепта, реализующегося как в пространственной, так и во временной сферах. Несмотря на неоднозначное отношение М. А. Волошина к идеям Р. Штайнера, мысль о вторичности материи по отношению к духу определила специфику картин окружающего мира в цикле «Киммерийские сумерки», уже первое стихотворение которого под названием «Польнь», написанное в Петербурге в 1907 г., содержит телеологическое и, как представляется, логоцентрическое указание на осуществление в процессе мироздания некоего высшего замысла. Однако стремление материи (земли) реализовать этот замысел в полной мере оказывается неосуществимым: *«В гранитах скал – надломленные крылья. / Под бременем холмов – изогнутый хребет. / Земли отверженной – застывшие усилья. / Уста Праматери, которым слова нет!»* [4, т. 1, с. 88].

К. А. Баршт указывает, что результатом влияния антропософских идей Р. Штайнера на мировосприятие М. А. Волошина стал своего рода обратный антропоморфизм, когда не природа наделяется человеческими качествами, а напротив, человек, являясь органической частью материального мира, обнаруживает черты природного начала: «Подобно сентименталистам или философам Просвещения, Штайнер ищет в человеке черты, роднящие его с живой природой, пытается оправдать человека онтологически, рассматривает его как символ – часть, совпадающую в одной из своих ипостасей со всем целым Земли – животворного существа, дающего телесную жизнь человеку» [2, с. 157-158]. Следовательно, лирический субъект этого стихотворения осознает, что в нем, как и во всем мироздании, объединены профанное и сакральное, материальное и духовное, бренное и вечное, отсюда и его обращение к Праматери-земле: *«Дитя ночей призывных и пытливых, / Я сам – твои глаза, раскрытые в ночи / К сиянью древних звезд, таких же сиротливых, / Простерших в темноту зовущие лучи. / Я сам – уста твои, безгласные как камень! / Я тоже изнемог в оковах немоты. / Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень, / Незрячий и немой, бескрылый, как и ты»* [4, т. 1, с. 88]. Изначальный порыв к вечности оказывается хоть и обозначенным как человеческое предназначение, но неосуществленным, а высший замысел – неозвученным, не познанным до конца и как бы скованным, что порождает известный образ матери-

невольницы и трижды повторенное указание на испытанную горечь: «*О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни / Склоняюсь я в полночной тишине... / И горький дым костра, и горький дух полыни, / И горечь волн – останутся во мне*» [4, т. 1, с. 88]. В письме к М. Сабашниковой от 22 июля 1905 года поэт пишет: «Полынь – это ведь символ знания. И я всегда страшно любил полынь, её запах, её цвет. Весь Коктебель зарос полынью. Это запах пустыни, горечь познания. Он меня волновал с раннего детства, я, может быть, за него так люблю юг» [4, т. 11, с. 277].

Однако в этом же 1907 году уже в Коктебеле написано стихотворение «Здесь был священный лес. Божественный гонец...», еще раз доказывающее сакральность обозначенного топоса и обозначающее неразрывную связь времен, отчетливо ощущаемую человеком: «*Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?*» [4, т. 1, с. 90]. На это же указывает образ «моря древнего», создавая предпосылки для неизбежного возвращения к утраченному: «*И лики темные отвергнутых богов / Глядят и требуют, зовут... неотвратимо*» [4, т. 1, с. 90]. И как следствие волошинский Киммерийский текст оказывается неразрывно связанным с мотивом странничества – неслучайно в нем последовательно реализована мифологема пустыни, обозначающая место отшельничества и поиска истины. С. М. Заяц справедливо отмечает, что «странничество в духовном смысле слова является возвращением человека к Первобытию, где происходит обожение человеческого лица. Это сближает М. А. Волошина с бердяевскими представления о мире» [9, с. 8]. И в стихотворении «Пустыня» из цикла «Киммерийская весна», написанном в Коктебеле 19 ноября 1919 года, после двух лет страшных потрясений, создан образ странника, идущего сквозь времена и пространства и объединяющего их: «*Как незапамятно и строго / Звучал из глубины веков / Глухой пастуший голос рога / И звон верблюжьих бубенцов, / Когда, овеянный туманом, / Сквозь сон миражей и песков, / Я шел с ленивым караваном / К стене непобедимых льдов*» [4, т. 1, с. 172].

Действительно, происходит нечто сродни обожению, когда человек ощущает себя органичной и неотъемлемой частью Вселенной (по Р. Штайнеру, «все человеческое... – часть физической Вселенной» [29, с. 22]) и перед ним распахиваются врата вечности: «*А по ночам в лучистой дали / Распахивался небосклон, / Миры цвели и отцветали / На звездном дереве времен...*» [4, т. 1, с. 172]. И в этот миг в ситуации вневременности, при созерцании мирового древа (оси мира) возникают те самые принятие мира как Божьего творения и хвала его творцу, которые и являются залогом вечной жизни: «*И хоры горних сил хвалили / Творца миров из глубины / Ветвистых пламеней и лилий / Неопалимой Купины*» [4, т. 1, с. 172]. При всей сложности мировоззренческой картины М. А. Волошина в этот момент возникает христианский символ Неопалимой Купины, что дает возможность сделать вывод о результатах страннического поиска истины.

При этом антропософское соединение человека и окружающего мира приводит к одухотворенности пространства, антропо- и логоцентризму, меняющим мироздание, а также к известному увековечению облика поэта на скале Карадага, о чем сказано в стихотворении «Как в раковине малой – Океана...»: «*Моей мечтой с тех пор напоены / Предгорий героические сны / И Коктебеля каменная грива; / Его полынь хмельна моей тоской, / Мой стих поет в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой!*» [4, т. 1, с. 170].

Именно Коктебель стал местом обретения смыслов, выстраивания картины мира, в которой хаос уступает место космосу, сумерки сменяются весной, и, как утверждает С. М. Заяц, «любая пейзажная зарисовка из цикла "Киммерийская весна" становится значимой частью космологического мифа М. Волошина» [8, с. 1116]. Так, уже первые строки одного из стихотворений, завершающих указанный цикл, а значит, содержащих итоги духовных поисков, описывают модель мира, включающую в себя человека, четыре стороны света и четыре стихии: *«Выйди на кровлю... Склонись на четыре / Стороны света, простири ладонь. / Солнце... вода... облака... огонь... / Все, что есть прекрасного в мире...»* [4, т. 1, с. 174]. Этот мир обладает как неразрывной целостностью (*«К небу из пены простерты длани»*), так и неизменной иллюзорностью: *«Гаснут во времени, тонут в пространстве / Мысли, события, мечты, корабли... / Я ж уношу в свое странствие странствий / Лучшее из наваждений земли»* [4, т. 1, с. 174]. Человек представляется здесь, с одной стороны, вершиной мироздания, склоняющейся перед всеми гранями его совершенства, с другой – вечным странником и единственным хранителем мифологизированного образа этого мира (в данном случае речь может идти о райском варианте Крымского мифа, согласно классификации С. О. Курьянова [10, с. 30]).

Реализация концепта «Вечность» наряду с пространственной, безусловно, предполагает и временную составляющую. В связи с этим А. Ф. Лосев утверждает, что время – это «развёрнутая вечность, а вечность – свёрнутое в одной точке, в одно мгновение время» [14, с. 35]. И С. М. Пинаев в работе «Время и вечность в поэзии Волошина» делает вывод о том, что «единственная ощущаемая форма времени, знак вечности, по Волошину, это мгновение» [18, с. 231].

Это мгновение может быть обозначено в названии стихотворения киммерийского цикла («Полдень»), указано описательно в его первой строке («Заката алого заржавели лучи...») или в финальной фразе («Расцветает утро»). Статичность может быть создана посредством безглагольности (к примеру, совершенно отсутствуют глаголы в стихотворениях «Яры, увалы, ширь полей...», «Акрополи в лучах вечерней славы...») или употреблением глаголов исключительно в настоящем времени, как в стихотворениях «Седым и низким облаком дол повит...», «Звучит в горах, весну встречая...», «Облака клубятся в безднах зеленых...», «Над синевой зубчатых чащ...», «Опять бреду я босоногий...», что создает ощущение «развернутой вечности». Возможен также прямой призыв к погружению в текущий момент: *«Остановись. Молчи»* [4, т. 1, с. 166]. Все это удлиняет мгновение и приближает его к вечности. По справедливому заключению С. М. Пинаева, «лирический герой "погружён" в мифологическое время, в котором отсутствуют начало и конец, к которому неприменимо понятие линейной протяжённости» [18, с. 227–228]. Таково заключительное стихотворение цикла «Киммерийская весна», написанное 20 ноября 1926 г. и содержащее указание на мировосприятие человека, делающего итоговые жизненные выводы и ценящего каждый миг, который в этом случае превращается в вечность: *«Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль... Один из дней, / Когда не жаждет сердце перемены / И не торопит преходящий миг, / Но пьет так жадно златокудрый лик / Янтарных солнц, просвеченных сквозь просинь. / Такие дни под старость дарит осень»* [4, т. 1, с. 176].

А спустя месяц, 25 декабря 1926 г., написано программное стихотворение «Дом поэта», не вошедшее в исследуемые циклы, однако сыгравшее важную роль в формировании Киммерийского текста. В нем нашли выражение мировоззренческие позиции М. А. Волошина, а также основные семантические элементы анализируемого ассоциативно-смыслового (топического, регионального) сверткста, реализующие концепт «Вечность»:

- ключевые символы и мифологемы: «Серебро полыни / На шиферных окалинах пустыни» [4, т. 2, с. 78];
- указание на увековеченный самой природой образ поэта: «Вон там – за профилем прибрежных скал, / Запечатлевшим некое подобье / (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье)» [4, т. 2, с. 78];
- идея неразрывной связи времен, уходящей в вечность: «Доселе грезят берега мои / Смолёные ахейские лады / И мертвых кличет голос Одиссея...» [4, т. 2, с. 79];
- поликультурность как отголосок смены эпох: «Сарматский меч и скифская стрела, / Ольвийский герб, слезница из стекла, / Татарский глёт зеленоватобусый / Соседствуют с венецианской бусой. / А в кладке стен кордонного поста / Среди булыжников оцепенели / Узорная арабская плита / И угол византийской капители. / Каких последов в этой почве нет / Для археолога и нумизмата — / От римских блях и эллинских монет / До пуговицы русского солдата» [4, т. 2, с. 79–80];
- идея единства человека и окружающего мира: «Я принял жизнь и этот дом как дар / Нечаянный – мне вверенный судьбою / Как знак, что я усыновлен землею» [4, т. 2, с. 81];
- идея вторичности материи по отношению к духу: «Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы. / И здесь — их голос, властный, как орган, / Глухую речь и самый тихий шепот / Не заглушит ни зимний ураган, / Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот» [4, т. 2, с. 81];
- мотив странничества, отшельничества, духовных поисков: «И сам избрал пустынный сей затвор / Землею добровольного изгнанья, / Чтоб в годы лжи, паденья и разрух / В уединеньи выплавить свой дух / И выстрадать великое познанье» [4, т. 2, с. 82];
- идея вечности мироздания: «Ветшают дни, проходит человек. / Но небо и земля – извечно те же» [4, т. 2, с. 82];
- необходимость постижения законов мироздания и подчинения им: «Будь прост, как ветер, неистоцим, как море, / И памятью насыщен, как земля» [4, т. 2, с. 82];
- необходимость принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов и восприятие мгновения как «свернутой вечности»: «Поэтому живи текущим днем. / Благослови свой синий окоем... / Люби далекий парус корабля / И песню волн, шумящих на просторе» [4, т. 2, с. 82].

Наконец, финальная строка этого стихотворения содержит постулат о единстве всего сущего, мига и вечности и о человеке как, с одной стороны, части, с другой – вечном продолжателе и хранителе этого единства (парцелированная конструкция увеличивает экспрессивность): «Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» [4, т. 2, с. 82].

Гости Дома поэта продолжили формирование Киммерийского текста, зачастую находясь в русле мировоззрения и творчества М. А. Волошина и в той или иной мере эксплицируя концепт «Вечность». Так, В. А. Рождественский, с 1927 года часто приезжавший в Коктебель, посвятил ему одноименное стихотворение, в котором, в частности, реализовал антропософское представление о человеке как части Вселенной, подчиняющейся ее законам: *«Я камешком лежу в ладонях Коктебеля... / Здесь, в этом воздухе, пылающем и чистом, / Совсем я звонким стал и жарко-золотистым / Горячим камешком, счастливым навсегда, / Соленым, как земля, и горьким, как вода...»* («Коктебель») [19, с. 96]. В этих строках видится также переключки с волошинским *«прост, как ветер, неистоцим, как море»*. Кроме того, поэт упоминает о разговоре с М. А. Волошиным, называя его «сребристым мудрецом в повязке Гезиода» и при этом, с одной стороны, декларируя связь времен, с другой – доказывая вневременность происходящего в «Мастерской» Дома поэта. Интересно, что, описывая это место в «Страницах жизни», В. А. Рождественский использует волошинские символы и мифологемы: *«Оно и стояло несколько в стороне от немногих домиков пустынного берега, гранича только с полынной степью»* (курсив наш. – Н. И.) [20, с. 156]. Упоминает он и увековеченный в камне профиль хозяина: *«А еще левее – обрывающаяся в море черная оголенная Кок-Кая, предгорье Карадага, вулкана, погасшего в незапамятные времена. Если вглядываться в резкий ее контур, можно различить необычайный феномен природы – четкий и поразительно похожий профиль Максимилиана Волошина»* [20, с. 157].

Экспликация концепта «Вечность» в рамках Киммерийского текста видится также в интересном замечании об особенностях коктебельского моря, сделанном писателем и журналистом И. М. Басалаевым, гостившим в Доме поэта в 1929 г.: *«Море в Коктебеле простое и древнее, как Гомер»* [3, с. 130].

Античный вариант крымского мифа [10, с. 30] реализует в Киммерийском тексте и поэтесса другого поколения – Ю. В. Друнина, воспринимающая коктебельские берега как Киммерию и в одноименном стихотворении называющая их «странным краем Одиссея», видимо, имея в виду не странность, а странничество, т. к. далее речь идет о поисках чего-то важного, но скрытого от понимания и, возможно, отделенного временем или вневременного: *«Что я в гротах морских искала? / Чьи там слышала голоса?»* [7, т. 2, с. 186].

Восприятие этого края сквозь призму мифа о Киммерии и концепта «Вечность» отражено и в «Коктебельской оде» Б. А. Чичибабина: *«Видишь? – я, от радости заплавав, / запрокинул голову – и вот / Киммерия, алая от маков, / в бесконечность синюю плывет»* [27, с. 90]. Это место символизирует непреходящую радость бытия, сюда приезжают и прилетают «за чудом». Более того, вечность обретает здесь особый характер: становится «ласковой», помогает человеку возвыситься над бренностью и суетностью бытия, забыть о горестях и почувствовать себя частью Вселенной в ее абсолютно светлой и доброй ипостаси – такой, какой видят ее ангелы и дети. Конечно, власть мгновения как свернутой вечности вновь абсолютна, но и миг здесь определяется либо как «негасимый полдень», либо как «час любви» – высшая точка восторженного принятия окружающего мира, возможного только в пространстве Киммерии: *«Вся плывет в непобедимом свете, / в негасимом полдне, – и на ней, / как не знают ангелы и дети, / я не помню горестей и дней. / Дал Господь*

согнать с души отечность, / в час любви подняться над судьбой / и не спутать ласковую Вечность / со свирепой вольностью степной...» [27, с. 90].

Это момент господства непреходящих ценностей, когда «душа лишь вечным дорожит», человек отказывается от суетных стремлений и ощущает собственное бессмертие: *«И не славен я, и не усерден, / не упорствую, и не мечусь, / и что я воистину бессмертен, / знаю всеми органами чувств»* [27, с. 90]. Тогда следствием приобщения к высшему знанию становится утверждение идеи торжества духовного над материальным и хвала Творцу, любовь к которому особенно остро ощущается здесь: *«Боже мой Любви и Воскрешенья, / Боже Света, Боже Тишины! / Как Тебя люблю я в Коктебеле, / как легко дышать моей любви, – / Боже мой, таимый с колыбели, / на земле покинутый людьми!»* [27, с. 91]. Именно здесь в результате странничества, отшельничества, духовных поисков, ощущения единства мироздания и человеческой причастности к этому единству происходит возвращение к Вечному – возвращение к Богу: *«Но земля кончается у моря, / и на ней, ликуя и любя, / глуби вод и выси неба вторя, / бесконечно верую в Тебя»* [27, с. 91].

Мировоззренческая основа Киммерийского текста так или иначе формировалась под влиянием личности и идей М. А. Волошина, поэтому закономерно, что в рамках исследуемой сверхтекстовой структуры существует субтекст – Волошинский текст, являющийся именным (персоническим) [21], также эксплицирующим концепт «Вечность». Так, В. Я. Брюсов и К. Д. Бальмонт написали стихотворения с одинаковым названием – «Максимилиану Волошину» – и сходными отсылками к античному мифу, эксплицированному в Киммерийском тексте. Первый обращается к адресату, проводя аналогии: *«Наш Агамемнон, наш Амфитрион / И наш Орфей, царь области рубежной»* [3, т. 4, с. 433], второй – создавая новый миф: *«В Элладе ведал ты, за сонмами веков, / Ристалище и лавр блестяще-горделивый»* [1, с. 956]. Оба отводят М. А. Волошину роль демиурга: 1) *«Ты, ты изваял этих гор хребет, / Им оградил себя от горьких лавров, / И в тверди глыб, для казни и побед, / Сквозь лабиринт сокрыл для минотавров. / Ряд входов с моря ты открыл в Аид, / Чтоб доступ к Стиксу прост был»* [3, т. 4, с. 433] (В. Я. Брюсов); 2) *«Люблю тебя за то, что твердою киркой / Ты разрываешь глыб, и камень дорогой / С другим поставишь в ряд - рукою хладнокровной. / Но более всего, в людской пустыне ровной, / Ценю в тебе, что ты душой своей упрям / И рядом с торжищем всегда построишь храм»* [1, с. 956] (К. Д. Бальмонт). Сходное отношение к поэту и у В. А. Рождественского, описавшего процесс создания волошинской Киммерии, поликультурной и полихронной: *«Из русской совести, отстоянной как хмель, / Из знойного песка в полынном кругозоре, / Из скифских пажитей и эллинского моря / Он изваял страну и назвал: Коктебель»* [19, с. 96]. Поэты говорят о масштабности личности и деяний М. А. Волошина, которым суждено остаться в вечности. И это чувствовали те, кто был рядом. Так, М. И. Цветаева в стихотворении «Ici-Haut» написала: *«Макс, до чего мне вечно / Было в твоей груди!»* [26, т. 2, с. 279].

О хозяине Дома поэта говорят в настоящем времени, признавая неизменность его власти над этими краями и указывая на неразрывную и радостную связь с окружающим миром во всех, даже самых незначительных, его проявлениях. Так, Б. А. Чичибабин в упомянутой «Коктебельской оде», написанной в 1984 году, через полвека после ухода М. А. Волошина, констатирует: *«Всем дитя и никому не прадед,*

/ с малой травкой весело сляян, / здесь по-детски властвует и правит /царь блаженных Максимилиан» [27, с. 90]. Таким образом возникает мотив детства, изначальной и неутраченной чистоты, обладатели которой, как известно, получают возможность войти в Царство Божие, а сопрягающийся с ним мотив странничества усиливает смысловую нагрузку образа: «Образ Божий, творческий и добрый, / в серой блузе, с рыжей бородой, / каждый день он с посохом и торбой / карадагской шествует грядой...» [27, с. 90].

Кроме того, вновь утверждается ключевая для Киммерийского текста идея вечного единства человека и окружающего мира, об истинности которой писал гостивший у М. А. Волошина в 1926 году литературовед, писатель, богослов С. Н. Дурылин в (по его замечанию) проекте «Предвратной надписи к Дому поэта»: *«Здесь сказка в сказку вплетена, / Здесь в песне – песня верно спета, – / И навсегда обручена / С душой земли душа поэта» [22].*

ВЫВОДЫ

Таким образом, Киммерийский текст в творчестве русских поэтов XX в. сформировался как результат представлений о том, что существуют вневременные кросскультурные константы («мифологизированные константные представления» [10, с. 30]), которые могут быть осмыслены на том или ином историческом этапе в зависимости от определенных мировоззренческих установок. Однако проведенное исследование показало, что специфика топоса, определившего характер данного сверткста, породила обращение поэтов к вневременным ценностям, поэтому ядром анализируемой структуры представляется концепт «Вечность». Формами его реализации в пространственной сфере являются ключевые для топоса Коктебеля образ полыни, символизирующий «горечь познания», тесно связанная с ним мифологема пустыни, эксплицирующая мотив отшельничества и странничества как поиска истины, идея неразрывной связи времен, прошлого и настоящего, смены эпох, ведущей к поликультурности, а также идеи вторичности материи по отношению к духу, неразрывного единства человека и окружающего мира, вечности мироздания, необходимости постижения его законов и подчинения им. Во временной сфере реализации анализируемого концепта эксплицирована идея необходимости принимать и ценить жизнь в каждый из ее моментов, что приводит к восприятию мгновения как «свернутой вечности».

Указанные формы экспликации концепта «Вечность» характерны, в первую очередь, для Киммерийского текста М. А. Волошина. Но они также нашли свое воплощение в творчестве других поэтов XX в., воспринимавших хозяина Дома поэта как киммерийского демиурга, осознававших его роль в гармонизации человеческого бытия и отношений человека с окружающим миром и с благодарностью признававших его влияние на собственное мировоззрение. В связи с этим в стихотворениях и самого М. А. Волошина, и его последователей содержатся указания на увековеченный самой природой образ поэта.

В процессе мифологического осмысления ядерного понятия анализируемой сверткстевой структуры реализованы античный и райский варианты крымского мифа.

Список литературы

1. *Бальмонт К. Д.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1399 с.
2. *Баршт К. А.* Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века. – СПб.: Наука, 2000. – С. 154–190.
3. *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1973–1975.
4. *Волошин М. А.* Собрание сочинений. – М.: Эллис Лак 2000, 2003–2015.
5. Воспоминания о Волошине. – М.: Советский писатель, 1990. – 787 с.
6. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 3. – С. 542.
7. *Дручина Ю. В.* Избранные произведения: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1981.
8. *Заяц С. М.* «Киммерийская весна» Максимилиана Волошина как этап мифотворчества и жизнотворчества поэта // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – № 4. – С. 1113–1118.
9. *Заяц С. М.* Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий. – М., 2009. – 21 с.
10. *Купина Н. А.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–222.
11. *Купченко В. П.* Остров Коктебель. – М.: Правда, 1981. – 48 с.
12. *Курьянов С. О.* «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
13. *Курьянова В. В.* Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого. – Симферополь, 2013 – 241 с.
14. *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 208 с.
15. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 344 с.
16. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 170 с.
17. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе: учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». – М.: РГГУ, 2001. – 169 с.
18. *Пинаев С. М.* Время и вечность в поэзии Волошина // Вечность как сюжет: Статьи и материалы. – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. – С. 227–235.
19. *Рождественский В. А.* Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1985. – 604 с.
20. *Рождественский В. А.* Страницы жизни. – М.: Советский писатель, 1962. – 380 с.
21. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / под ред. С. О. Курьянов. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 224 с.
22. *Скоропанова И. С.* Философский пейзаж в «Киммерийских» циклах Максимилиана Волошина // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2009. – № 2. – С. 51–55.
23. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
24. *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство-СПБ, 2003. – 617 с.
25. *Торопова В.* «Общением с тобою я дорожу...» // Литературный журнал «Москва». – 2013. – № 7. – Режим доступа: https://moskvam.ru/publications/publication_933.html. – (Дата обращения: 10.07.2024).
26. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 т. – М.: М.: Эллис Лак, 1994.
27. *Чичибабин Б. А.* Собрание стихотворений. – М.: Фолио, 2009. – 162 с.
28. *Шалыгина О. В.* Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки») // Вестник славянских культур. – М., 2017. – Т. 46. – С. 201–206.
29. *Штайнер Р.* Очерк тайноведения. – М.: Неоглори, 2009. – 400 с.

References

1. Balmont K. D. *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [A complete collection of poetry and prose in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2018. 1399 p.
2. Barsht K. A. *Antroposofija A. Platonova. Shtajnerovskij sloj v romane «Kotlovan»* [The anthroposophy of A. Platonov. The Steiner layer in the novel "The Pit"]. *Nachalo veka*, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 154–190.

3. Brjusov V. Ja. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Collected works in 7 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1973-1975.
4. Voloshin M. A. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Jellis Lak Publ., 2000, pp. 2003–2015.
5. *Vospominanija o Voloshine* [Memories of Voloshin]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 787 p.
6. Dal' V. I. *Slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka* [Dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1955, vol. 3, 542 p.
7. Drunina Ju. V. *Izbrannye proizvedenija v 2 t.* [Selected works in 2 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981.
8. Zajac S. M. «*Kimmerijskaja vesna*» Maksimiliana Voloshina kak jetap mifotvorchestva i zhiznetvorchestva pojeta [Maximilian Voloshin's "Cimmerian Spring" as a stage of myth-making and life-creation of the poet]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2013, no 4, pp. 1113–1118.
9. Zajac S. M. *Mifologicheskie i biblejskie obrazy v poezii Maksimiliana Voloshina v kontekste ego duhovnyh iskanij* [Mythological and Biblical images in Maximilian Voloshin's Poetry in the context of his Spiritual Quest]. Moscow, 2009. 21 p.
10. Kupina N. A. *Sverhtekst i ego raznovidnosti* [The supertext and its varieties]. *Chelovek – tekst – kul'tura*. Ekaterinburg, 1994, pp. 215–222.
11. Kupchenko V. P. *Ostrov Koktebel'* [Koktebel Island]. Moscow, Pravda Publ., 1981. 48 p.
12. Kur'janov S. O. «*Tajnyj ključ russkoj literatury*»: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoj literature X–XIX vekov [Russian Literature's Secret Key: the Formation and Formation of the Crimean Text in Russian Literature of the X–XIX Centuries]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 308 p.
13. Kur'janova V. V. *Krymskij tekst v tvorčestve L. N. Tolstogo* [The Crimean text in the works of L. N. Tolstoj]. Simferopol, 2013. 241 p.
14. Losev A. F. *Antichnaja filosofija istorii* [The Ancient Philosophy of History]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 208 p.
15. Loshakov A. G. *Sverhtekst kak slovesno-konceptual'nyj fenomen* [Overtext as a verbal and conceptual phenomenon]. Arhangelsk, Pomorskij un-t Publ., 2007. 344 p.
16. Mednis N. E. *Sverhteksty v russkoj literature* [The supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennij pedagogičeskij universitet Publ., 2003. 170 p.
17. Meletinskij E. M. *Ot mifa k literature: uchebnoe posobie po kursu «Teorija mifa i istoričeskaja pojetika povestvovatel'nyh žanrov»* [From myth to literature: a textbook for the course "Theory of Myth and historical poetics of narrative genres"]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 169 p.
18. Pinaev S. M. *Vremja i večnost' v poezii Voloshina* [Time and Eternity in Voloshin's Poetry]. *Večnost' kak sjužet: Star'i i materialy*, Tver, Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2015, pp. 227–235.
19. Rozhdestvenskij V. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1985. 604 p.
20. Rozhdestvenskij V. A. *Stranicy žizni* [Pages of life]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1962. 380 p.
21. *Sverhtekst: genezis, struktura, semantika* [Supertext: genesis, structure, semantics]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 224 p.
22. Skoropanova I. S. *Filosofskij pejzazh v «Kimmerijskih» ciklah Maksimiliana Voloshina* [The Philosophical Landscape in Maximilian Voloshin's "Cimmerian" Cycles]. *Vesnik BDU*, 2009, no. 2, pp. 51–55.
23. Stepanov Ju. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 824 p.
24. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury* [The St. Petersburg text of Russian literature]. Saint-Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2003. 617 p.
25. Toropova V. «*Obshheniem s toboju ja dorozhu...*» ["I value communication with you..."]. *Literaturnyj žurnal «Moskva»*, 2013, no. 7. Available from: https://moskvam.ru/publications/publication_933.html. (accessed 10 July 2024).
26. Cvetaeva M. I. *Sobranie sochinenij: V 7 t.* [Collected works: In 7 vol.]. Moscow, Jellis Lak Publ., 1994.
27. Chichibabin B. A. *Sobranie stihotvorenij* [Collection of poems]. Moscow, Folio Publ., 2009. 162 p.
28. Shalygina O. V. *Landshaftnye konnotacii soljarnogo mifa v strukture krymskogo teksta (M. Voloshin «Kimmerijskie sumerki»)* [Landscape connotations of the solar myth in the structure of the Crimean text (M. Voloshin "Cimmerian Twilight")]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, Moscow, 2017, vol. 46, pp. 201–206.
29. Shtajner R. *Očerok tajnovedenija* [An essay on Occult Science]. Moscow, Neoglori Publ., 2009. 400 p.

**THE CONCEPT OF "ETERNITY" IN THE CIMMERIAN TEXT
OF RUSSIAN POETS OF THE TWENTIETH CENTURY**

Ivanova N. P.

The article is devoted to the problem of formation and allocation of a topical (regional) supertext, which is the Cimmerian text. The research is based on the material of the lyrical works of Russian poets of the twentieth century. Its result was the conclusion that this structure was formed and is being formed under the influence of the personality and creativity of M. A. Voloshin, who perceived the territory of southeastern Crimea through the prism of the myth of Cimmeria. The followers of the poet's ideas, like himself, reflected in the analyzed supertext the process and results of the remythologization of this region, which includes, in particular, the explication of elements of the ancient and paradisiacal versions of the Crimean myth. At the same time, the core of the Cimmerian text becomes the concept of "Eternity", consistently implemented in both the spatial and temporal spheres of artistic works. The forms of explication of this mental structure are the subject of research. They are conditioned, first of all, by the ideological attitudes of M. A. Voloshin, which arose under the influence of the ideas of V. S. Solovyov, F. Nietzsche, R. Steiner, A. R. Mintslova, and are associated with the awareness of man's place in the universe and his relationship to the world around him. In the course of the study, it was found that the analyzed structure includes a subtext – the nominal (personic) Voloshin text, which is formed due to the comprehension of the poet's personality.

Keywords: supertext, Cimmerian text, the concept of "Eternity", subtext, myth.

УДК 821.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-107-123

КОМЕДИИ А. Ф. ПИСЕМСКОГО В ДИАЛОГЕ С НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИЕЙ XVIII ВЕКА

Казарян Н. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: kazaryan.nadya@yandex.ru*

Статья посвящена доказательству ориентации комедий А. Ф. Писемского на диалог с русской комедийной традицией, восходящей к XVIII в. В комедиях писателя органично сочетаются как преемственность по отношению к традиции, так и ее своеобразное преломление. Драматург наследует такие свойственные ранней русской комедии черты, как органичное бытование трагедийных элементов в составе комедии, словесный мотив смерти, зооморфизм образов, присущий трагедийному канону, эсхатологический ореол мотива наказания за грехи в ранних комедиях; отсутствие сюжетобразующей функции любовной интриги, ее подчинение сатирической и общественной идее; наличие говорного действия («Раздел»); миражность комедийной интриги; создание зеркального мирообраза («Ипохондрик»). Вместе с тем, традиционные свойства отечественной комедии получают оригинальную авторскую интерпретацию: мотив смерти может реализоваться не вербально, а акционально («Хищники»); в поздних комедиях амплуа полицейского вершителя развязки утрачивает эсхатологический ореол, а идея справедливости представителей правосудия подвергается сомнению; утрачивается сочувствие к персонажам в формально выраженных трагических эпизодах поздних комедий; зеркальный мирообраз обретает своеобразное воплощение в инерции двоения, отсутствуют каламбуры как репрезентанты двоящегося слова, двоения конфликта; система персонажей усложняется, дополняясь амбивалентными героями. Таким образом, комедии Писемского, обладая несомненным своеобразием, продолжают магистральные пути развития национальной жанровой традиции.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, комедия, русская комедийная традиция, трагедийные элементы, говорное действие, зеркальный мирообраз, миражная интрига.

ВВЕДЕНИЕ

Наименее изученной частью творчества А. Ф. Писемского является его драматургия (в частности, комедиография). Между тем, в последнее время проявляется интерес к изучению комедий писателя в контексте русской комедийной традиции [52; 53; 26; 25; 1], что подтверждает актуальность наблюдения О. В. Тимашовой о необходимости введения творчества Писемского «в круг изучения преемственных связей драматургии XVIII–XIX вв.» [53, с. 56].

В ряде литературоведческих работ высказываются суждения о связи творчества Писемского с комедией А. П. Сумарокова «Ядовитый» [37, с. 42], творчеством Д. И. Фонвизина [13, с. 25], комедией Я. Б. Княжнина «Хвастун» [1], «Ябедой» В. В. Капниста [22, с. 103; 35, с. 170]. Несмотря на то, что Писемский противопоставляет Д. И. Фонвизина и А. С. Грибоедова Н. В. Гоголю на том основании, что сатирическое направление первых, в отличие от традиции Гоголя, «кончилось со смертью их» [46, с. 526], а также не видит достоверного отражения трагизма в произведениях Княжнина и Сумарокова [44, с. 191], все же способность традиции ««просвечивать» <...> наследие прошлого» [48, с. 438] отражается в романе автора «Взбаламученное море», в котором упоминаются фонвизинский «Бригадир» [43, с. 284], «Ябеда» Капниста [42, с. 259].

Жанровая традиция актуализирует теорию диалога М. М. Бахтина, в соответствии с которой два элемента, «ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)...» [5, с. 303–304]. Диалогические отношения, возникающие между произведениями, базируются на «доверии к чужому слову <...> наслаивании смысла на смысл, голоса на голос...» [5, с. 300].

Целью статьи является доказательство ориентации комедий Писемского на диалог с русской комедийной традицией XVIII в. В задачи исследования входит рассмотрение комедий Писемского в аспекте таких составляющих, как конфликт, комедийная интрига, система персонажей, способ развертывания действия и его специфика, особенности комедийного мироздания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В XIX в. комедийная традиция прошлого столетия сохраняла «живое художественное значение» [8, с. 11]. Продуктивными в истории русской комедии оказались традиции комедий Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина и В. В. Капниста [36, с. 150]. Литературоведы неоднократно отмечали такое специфическое свойство русской комедии, как присутствие в ней трагедийных элементов, что свидетельствует о ее «двойственной природе» [11, с. 21]. Родоначальник русской литературной комедии, А. П. Сумароков, в одно и то же время создавал как трагедии, так и комедии, вследствие чего оба жанра в рамках единой творческой системы оказались в «амбивалентно-пародической связи» [27, с. 22]: в «Приданом обманом» впервые в истории русской комедии «льются слезы» [27, с. 82] отрицательного персонажа. В комедиях Фонвизина «смешное правдиво сочетается с грустным» [4, с. 150]. Комедия Капниста «Ябеда» похожа «во многих местах скорее на трагедию, чем на комедию» [54, с. 118].

В произведениях Писемского, по наблюдениям исследователей, на читателя одинаково воздействуют «оба главных элемента поэзии – и трагический, и комический» [3, с. 425]. В частности, его драматургии свойствен органичный синтез комических и трагических элементов [33, с. 12], что является важнейшим свойством русской комедийной традиции. В то же время существуют и противоположные суждения: так, П. Г. Пустовойт утверждает, что Писемский – «скорее мастер комического, чем трагического» [49, с. 45]. Между тем, А. И. Журавлева указывает на то, что комедийность Писемского – «средство, но отнюдь не мироотношение» [18, с. 596], а для самого автора «характерно трагическое восприятие жизни» [там же]. Писемский в письме К. С. Веселовскому (1865) излагает свое восприятие трагического: русский народ «носит в своей душе, и в своем организме, и в своей истории семена настоящего трагизма» [44, с. 191], который проявляется в «органических и активных страстях человеческих» [там же], и в этом состоит специфика понимания трагизма писателем, поскольку трагедия фокусировалась, как правило, не на частной жизни, а на жизни «общегосударственной, общенациональной» [19, с. 101].

Если в трагедиях смерть осуществляется в действии, то в комедиях она – лишь «словесный мотив» [27, с. 84]: о гибели твердят персонажи комедий Сумарокова, Фонвизина, Капниста. У Писемского слово «смерть» и его синонимы наиболее частотны в ранних комедиях. В «Ипохондрике» смерть постоянно упоминается при обсуждении персонажами любви, болезней, тяжбы. Приведем лишь некоторые примеры. Надежда Ивановна Канорич от несчастной любви к Дурнопечину может «руки на себя наложить» [45, с. 41], Михайло Иванович видит, как от любви «сестра умирает» [45, с. 74]. Слуга Никита вспоминает о своей горячке и мнении докторов, что от нее он «беспрерывно умрет» [45, с. 43]. Дурнопечин, убежденный в смертельной болезни, кричит: «Умираю!.. Умираю!» [45, с. 53]. Прохор Прохорыч вспоминает «покойного батюшку» [45, с. 67] ипохондрика, а также их общую «покойную бабу» [45, с. 68]. В «Разделе», кроме словесного мотива, смерть играет важную роль в композиции комедии: произошедшая до начала действия смерть Михайлы Евграфыча Манохина является завязкой действия [52, с. 147]. Смерть упоминается в разговорах об усопшем (Эмилия Петровна жила «ближе всех к покойному» [45, с. 106], горничная Матвеевна вспоминает, как «ходила за покойным баринном» [45, с. 110]), о разделе имущества (*Сергей Васильич*. Вы обо мне <...> совсем забыли; но я не умер еще» [45, с. 135]), о любви («*Сергей Васильич*. Я застрелюсь» [45, с. 123]). В «Хищниках» мотив смерти косвенно упомянут уже в списке действующих лиц: Басаева и Сонины – «вдовы» [46, с. 285]; вдовой, как выяснится позднее, станет и жена Вуланда. В комедии смерть находит воплощение, вопреки традиции, не только в слове: умирает чиновник Вуланд. Его слова об Андашевском «Мне легче умереть, чем видеть, как этот плут и подлипала возвышается!..» [46, с. 300] обретают зловещий характер, действительно воплощаясь в сюжетном событии. На насильственную смерть от рук сторонников Андашевского указывает реакция его супруги на смерть: «немного сконфуженная этими словами» [46, с. 329]. В пьесе содержится намек на то, что смерть чиновника становится причиной появления вакантного чиновничьего места.

Анализируя ранние русские комедии, О. Б. Лебедева обращает внимание на присущий их отрицательным образам зооморфизм, который восходит к трагедиям Сумарокова: в них частотны образы таких зверей, как «львы, тигры, змеи» [27, с. 129]. В комедиях Фонвизина «зооморфность человеческих образов» [27, с. 128] обретает универсальный характер (вспомним акцентуацию животного начала в образах Простаковой, Скотинина, Митрофана). Е. Л. Зайцева выделяет продуктивность «зооморфных сравнений и метафор» [20, с. 11] в романах Писемского. Зооморфизм продуктивен и в комедии «Хищники», в которой, в соответствии с трагедийным каноном, герои сопоставляются с хищными зверями. В эпитафии к комедии хищнические устремления чиновников выражены пословицей: «Лошадь волки съели, да санями подавились!» [46, с. 285]. С волком соотнесен Андашевский, который ведет «подкопы» с целью занять место старой «лошади» – графа Зырова. Ремарки также указывают на хищничество чиновников: директор Вуланд садится «*каким-то тигром расщипавшим*» [46, с. 292]; Андашевский – «*взбешенный*» [46, с. 309]; граф Зыров представлен «*с едва сдерживаемым бешенством*» [46, с. 325], а также «*в ужасе и бешенстве*» [46, с. 353] выслушивает о готовности дочери требовать с него часть

наследства матери. Граф Зыров обличает чиновников и свою дочь в хищничестве: «Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!...<...> ты (дочь Зырова. – Н. К.) всегда была волчицей честолюбивой» [46, с. 357].

Следующей продуктивной чертой в русских комедиях XVIII в. является эсхатологический мотив Страшного суда, наказания за грехи, восходящий к жанру трагедии [27, с. 252]. Данный мотив актуализируется и в ранних комедиях Писемского, приобретая зачастую характер упоминания греха, греховности «к слову». Приведем лишь некоторые примеры. У Никиты «...грешным делом <...> болит голова по утрам» [45, с. 42] («Ипохондрик»); любитель женщин, Михайло Иваныч, называет себя «грешным человеком» [45, с. 59] («Ипохондрик»); горничная Матвеевна рассказывает: «Грешным делом самоварчик поставишь» [45, с. 109] («Раздел»). Родственник Дурнопечина, Прохор Прохорыч, заводя дело на брата, лицемерно заявляет, что им по-родственному «заводить дела грешно!» [45, с. 68]. В финале «Безбожника» М. М. Хераскова впервые в русском комедийном мире раздается гром [27, с. 252], который войдет в традицию, реализуя мотив Страшного суда. В ранних комедиях Писемского встречаются семантически синонимичные грому явления – пожар и выстрел. В «Ипохондrike» пожар, бушующий не в финале пьесы, а в конце третьего действия, напоминает развязку, однако ею не является и не оказывает существенного влияния на ход действия пьесы [18, с. 583]. Можно предположить, что факультативность сюжетобразующей функции пожара выбрана автором не случайно: бедствие является причиной ретардации действия с целью осмысления греховности порочных персонажей. Именно во время пожара слуга упрекает окружающих в грехе («Согрешили, грешные?») [45, с. 77]), что сообщает событию эсхатологический акцент. В финале «Раздела» Иван Прокофьич, видя, что «неудовольствия <родственников> идут *crescendo*» [44, с. 53], разбивает оспариваемое имущество палкой и грозит убить родню [45, с. 156]. В конце комедии раздается «*ружейный выстрел*» [45, с. 157], что дало основание О. В. Тимашовой заметить, как «столкновение человеческих эгоизмов неизбежно ведет к трагедии» [52, с. 147], поскольку, по мнению исследователя, за пределами сцены кто-то гибнет. Справедливости ради следует отметить, что о гибели персонажей от выстрела в пьесе ничего не сообщается. Действия разъяренного Ивана Прокофьича служат поводом для Анны Ефремовны вспомнить о вере («Боже! Несите Неопалимую купину» [45, с. 157]), что, как в «Ипохондrike», придает событию эсхатологическое измерение.

В поздних комедиях Писемского мотив Страшного суда в финалах связан с представителями правосудия. Для русской комедии характерна трактовка их образов в эсхатологическом аспекте, при этом отрицательные персонажи подвергаются не только суду административному, но и высшему, Божьему [27, с. 325]. В «Хищниках» с представителем правосудия сходен по функции в сюжете внесценический персонаж князь Михайло Семеныч. Цензор Н. А. Ратынский усматривает в князе *deus ex machina* [35, с. 169], однако функционально уподобленный справедливой силе, морально князь далек от нее, поскольку по-родственному покровительствует по службе своему племяннику и жестокому в обращении с подчиненными генерал-майору Варнухе. На первый взгляд, представителем правосудия может

восприниматься еще один внесценический персонаж, Карга-Короваев: по мнению Н. А. Ратынского, он сумеет «подвергнуть заслуженной каре <...> плутов и интриганов» [35, с. 170]. Убеждение цензора в обязательном наказании порочных персонажей иллюзорно, поскольку в пьесе нет ни одного положительного лица, а постоянный переход одного чиновника на место другого акцентирует внимание на беспросветной порочности системы и бессмысленном чередовании подлых чиновников, очередным из которых является Карга-Короваев. В финале «Финансового гения» появляются, в соответствии с традицией, представители правосудия в лице «судебного следователя», «частного пристава» и «двух квартальных надзирателей» [47, с. 353], которые арестовывают плутов – Говоркова, Прокудина, француза Шемуа. Несмотря на присутствие представителей правосудия в поздних комедиях, порочные персонажи подвергаются лишь административному наказанию, а не духовному, вследствие чего эсхатологический ореол наказания снимается.

В комедиях Фонвизина порочные персонажи порой вызывают сочувствие. Несмотря на то, что бригадирша в «Бригадире» глупа, невежественна, скупа, все же «минутами ее становится жалко» [30, с. 138]. В «Недоросле» заключительная сцена предательства оставленной всеми Простаковой сыном вызывает сочувствие к ней, как к трагическому персонажу [14, с. 350]. Е. В. Павлова, анализируя эпические произведения Писемского, определяет такую особенность их персонажей, как неспособность достичь трагедийных высот, «подняться над уровнем обыденности» [38, с. 10]. Эта особенность релевантна и комедиям автора, в которых персонажи не вызывают сочувствия даже в отмеченные трагизмом моменты своей жизни. В ранних комедиях, в отличие от поздних, вообще проблематично выявление таких эпизодов. В «Ипохондрикe» не только эпизоды, но и «трагический потенциал» [21, с. 119] отсутствует вследствие фиктивных страданий ипохондрика. В комедии «Раздел», обличающей «страсти человеческие» [44, с. 544], также нет эпизодов, исполненных трагизма. В комедиях Писемского 1870-х гг. наблюдается «нарочитая трагедийность» [28, с. 491]. Несмотря на то, что по сюжету в «Хищниках», вопреки комедийной традиции, на самом деле погибает персонаж, однако, как это ни парадоксально, сочувствия его смерть не вызывает. Связано это с тем, что он олицетворяет порочный мир чиновников, смысл жизни которых заключается в получении «доходного места». Не найдем сострадания и к Сосипатову из «Финансового гения», который «с плачем в голосе» [47, с. 351] ищет заступничества у публики: «...я плачу, жерновами плачу <...> Гг. публика, я вашего уже суда и защиты требую!» [там же]. Несмотря на то, что эта сцена рассчитана на «форсирование» трагизма и обращение Сосипатова к публике формально осложняется эмоциональной трагичностью, но все же сочувствия к аферисту это не вызывает.

Обратим внимание на специфику любовной интриги в русской комедии. Уже в комедиях Сумарокова любовный сюжет, в отличие от западноевропейской драматургии, представляет рудимент, который «не оказывает влияния на ход действия» [14, с. 155]. Любовь добродетельных Софьи и Добролюбова в фонвизинском «Бригадире» не несет сюжетной нагрузки [50, с. 231]. В «Недоросле» противостояние Скотинина и Митрофана за Софью «не организует действия» [50, с. 254], как и история соединения Софьи и Милона [30, с. 250]. Любовная тема в

«Ябеде» Капниста «не имеет самостоятельного значения» [23, с. 157]. И в русской комедии XIX века формально присутствующая любовная интрига «уходит на периферию сценического действия» [2, с. 79]. Применительно к Писемскому-романисту Л. М. Лотман обнаруживает его следование за Гоголем в том, что в произведениях Писемского любовный конфликт уступает место «честолюбию и страсти к наживе» [29, с. 128]. В комедиях писателя любовный сюжет также не оказывает влияния на развитие действия. В «Ипохондрике» безответная любовь Канорич к Дурнопечину, как и женитьба на ней Ванички, действия не организуют. В «Разделе» проблематично выявление любовного сюжета: волокитство Сергея Васильича за Катенькой предстает рудиментом любовной темы. В «Хищниках» любовная интрига составляет органичную часть «подкопов». В «Финансовом гении» любовь барона Кергофа к Сосипатовой также не является сюжетообразующей и отодвинута на задний план.

Неспособность любовной интриги в русских комедиях выполнять сюжетообразующую функцию связана с тем, что она подчиняется полемической, сатирической или общественной задачам. Например, в комедиях Сумарокова любовная интрига подавляется сатирической, а также полемической целью [27, с. 85]. В «Бригадире» любовные перипетии сами превращаются в сатирическое обличение [50, с. 231]. В «Недоросле» борьба Скотинина и Митрофана за Софью также служит их сатирическому осмеянию – Скотинин желает заполучить деньги Софьи, Митрофан при помощи женитьбы надеется избежать учения [30, с. 249]. Сатира Писемского, по наблюдению Л. В. Маньковой, является его «сильным оружием» [33, с. 12]. Действительно, сатирическим обличением оборачивается любовная интрига комедии Писемского «Ипохондик». Надежда Ивановна Канорич признается ипохондрику в любви [45, с. 94], однако это чувство подвергается сомнению другими персонажами: брат Канорич вспоминает ее любовь к «курчавому капитану», «исправническому учителю» [45, с. 55]; тетка Дурнопечина убеждена в том, что Канорич «человек в двадцать была влюблена» [45, с. 90]. Сатирически осмеивается в своей любви и Дурнопечин, который уверяет брата Канорич в том, что надежда на свадьбу остается, после чего признается себе: «в брак вступаю черт знает с кем» [45, с. 76]. Автор обличает и «любовь» Ванички: к женитьбе его побуждает не чувство, а материальное состояние невесты («сто душ-с» [45, с. 47], «именье есть большое» [46, с. 70]). В «Разделе» сатирическое обличение касается волокитства Сергея Васильича Захарова за Катенькой, который в погоне за имуществом не замечает разницы между вещами и объектом любви («...я бы желал от вас <Бурыленко> наследовать одно сокровище! <...> Mademoiselle Катишь» [45, с. 125]). В «Хищниках» женитьба Андашевского на дочери влиятельного графа Зырова обусловлена не любовью, а стремлением первого занять должность второго, происходит «спекуляция личным чувством» [19, с. 136]. В отличие от остальных комедий Писемского, любовный сюжет «Финансового гения» сатирически не дискредитирует персонажей. Барон Кергоф, будучи женат, ухаживает за супругой товарища по делам Сосипатова Марьей Александровной. Она сохраняет верность супругу и возмущается безнравственностью барона: «...какой вы в душе дурной и развращенный человек» [47, с. 305]. Между тем барону хватает мужества признать достоинство Сосипатовой, заключающееся в «чистой, безупречной жизни» [47, с. 328].

Отсутствие любовного сюжета в качестве завязки действия в «Недоросле» получает продолжение в гоголевской комедии, которую завязывает не любовная интрига, а «электричество чина» (в «Недоросле» – «электричество денег» [6, с. 237]). В основе фонвизинской комедии – «конфликт эпохи» [30, с. 250]. В «Ябед» В. В. Капниста любовная тема отходит на задний план вследствие сосредоточенности автора на общественном зле – «ябед». Писемский в комедиях обличает «не только отрицательные черты отдельных людей, но и все общественные отношения» [33, с. 12]. На это обратил внимание еще Д. И. Писарев, анализируя повесть «Тюфяк»: «...осуждая их <персонажей повести>, вы собственно осуждаете их общество» [41, с. 172]. В ранних комедиях автора речь идет о «пустоте и бесчеловечности дворянского существования» [16, с. 30]. В «Ипохондрике» внимание автора сосредоточено на обличении не только мнительности главного героя, но и корыстолюбивых устремлений его родственников. В «Разделе» «осмеяна <...> мелочная жадность» [44, с. 52]. В поздних комедиях обличаются вообще «все общественные отношения» [33, с. 12]: «Хищники» сатирически направлены против чиновничьих интриг ради получения мест, «Финансовый гений» – против дельцов-финансистов, «обуянных бесом афер» [28, с. 491].

Гоголевский принцип исключения из комедии положительных персонажей восходит, в том числе, к художественным поискам Я. Б. Княжнина-комедиографа [10, с. LI]: в комедии «Чудаки» он «не вводит обязательного для русской комедии образа положительного героя» [50, с. 312]. Однако и Княжнин не был новатором в этой сфере, так как еще в комедиях Сумарокова добродетельные персонажи занимают «более чем скромное место» [27, с. 76]: комедией без персонифицированного положительного начала является «Пустая ссора» А. П. Сумарокова, а в его «Приданом обманом» положительные персонажи являются внесценическими [27, с. 77]. У Фонвизина в «Бригадире» носители добродетели представляют собой исключение: среди «сборища моральных уродов» [30, с. 112] положительными являются лишь Добролюбов и Софья. В таких значительных комедиях 1780-х годов, как «Недоросль» и «Хвастун», представлено равное соотношение положительных и отрицательных действующих лиц: по четыре в «Недоросле» и по три в «Хвастуне». В комедиях 1790-х годов наблюдается разрушение принципа строгого соответствия отрицательных персонажей положительным. В «Чудаках» положительных персонажей вообще нет, в «Ябед» Праволову противостоит Прямыков, порочным членам гражданской палаты – один Добров. В начале XIX века в «Горе от ума» уже один позитивный герой будет противостоять косному обществу, а «Ревизор» и вовсе будет лишен положительных персонажей [36, с. 137].

В комедиях Писемского наблюдается усложнение комедийных характеров, проявляющееся в наличии персонажей, которых невозможно однозначно отнести к положительным или отрицательным. В «Ипохондрике» «нет ни одного порядочного лица» [15, с. 76]: несмотря на благородство Дурнопечина, его «болезнь» делает из него игрушку в руках «людей низких и грубых» [там же]. Ипохондрик образован, в отличие от окружающих его персонажей, но это не препятствует ему браниться со слугой или смеяться над глупым рассказом родственницы [21, с. 119]. То есть

Дурнопечин не может считаться положительным героем вследствие подчиненности порочной среде так же, как и не может быть отрицательным, возвышаясь над порочным окружением. В «Разделе» все родственники, а также люди покойного Манохина, в погоне за наследством уподобляются хищникам [17, с. 22]. Подобно Дурнопечину, амбивалентными героями в «Разделе» являются Кирило Семеныч и Катенька. Несмотря на то, что Кирило Семеныч, как и остальные родственники, сосредоточен исключительно на разделе имущества, для него характерно осознание греховности, своей и чужой: «Согрешил я, грешный: ни в чем мне, видно, счастья нет» [45, с. 136], «Согрешили мы, несчастные!» [45, с. 141]. Это качество отличает его от остальных персонажей. Смиренная Катенька, воспитанница корыстолюбивой Бурьленко, всецело подчиняется ее воле, что не дает основания видеть в ней добродетельную героиню, но в то же время она отвергает ухаживания пустого Сергея Васильича, который скоро получит часть наследства. В «Хищниках» все персонажи, за исключением графа Зырова, вызывают только «презрение» [35, с. 170]. По свидетельствам цензоров, которые приводят А. П. Могиланский и Л. В. Манькова, Зыров изображен «довольно симпатично» [35, с. 169], предстает «единственной светлой личностью» [32, с. 174]. После таких характеристик цензоры все же делают оговорку: Зыров является слабохарактерным, поскольку назначает взяточника на должность товарища главного начальника ведомства [35, с. 169] и уничтожает документы, обличающие его протезе [32, с. 174]. В «Финансовом гении» представлены «весьма малоумные люди, которым все удается по щучьему велению» [9, с. 173], однако и среди них есть исключение – амбивалентным героем является барон Эдуард Карлович Кергоф. С одной стороны, он содействует Сосипатову в финансовых авантюрах, с другой – осознает, что Сосипатов не гений, а «хвастунишка» [47, с. 302], богатеющий на труде Кергофа. Дискредитирует Кергофа и попытка ухаживать за супругой Сосипатова, однако барону хватает благородства спасти состояние Сосипатовой после сумасшествия ее мужа.

Говорное действие оказывается продуктивным для «всей <...> высокой комедии вплоть до Гоголя» [27, с. 360]. Комедия Фонвизина «Бригадир» впервые в истории русской комедии была основана на говорном действии. В «Бригадире» отсутствует действие: сама комедия состоит из разговоров [14, с. 342], которые и движут ее сюжет. Возникновение того, «что можно назвать действием» [7, с. 234], происходит лишь в финале, когда любовные признания перестают быть тайной и бригадир с женой и сыном уезжают из имения советника.

Комедия Писемского «Раздел» также основана на говорном действии: собравшиеся ради раздела имущества родственники ведут разговоры с целью заполучить выгодную часть наследства; бесконечно спорят друг с другом из-за раздельного акта, но разговоры к действию так и не приводят – никакого раздела имущества не происходит. Подобно «Бригадиру», в комедии Писемского только в финале появляется некоторое подобие действия: разъяренный Иван Прокофьич буквально совершает «раздел», только не разделяет вещи между родственниками, а расчлняет сами вещи – начинает палкой «*колотить по столу, на котором были расставлены <...> вещи*» [45, с. 156], а также грозит родне расправой.

Говорение, являющееся действием, отражается буквально в словесном плане: одним из наиболее частотных слов в тексте «Бригадира» является лексема «говорить» [27, с. 137] и семантически близкие ей. В «Разделе» это слово и его синонимы столь же частотны: «*Анна Ефремовна*. Присядем лучше и поговорим о деле... <...> первое мое слово будет <...> действовать в нашем деле единодушно» [45, с. 124, 130]; «*Эмилия Петровна*. Расскажите, что вот Анна Ефремовна писала к дяде <...> Вы лучше объясните <...> Потом скажите...» [45, с. 127]; «*Кирило Семеныч*. <...> а я слова против вас <Ивана Прокофьича> не сказал. Больше все говорили Эмилия Петровна да Сергей Васильич» [45, с. 151].

В «Бригадире» слово «слышать» по частотности не уступает слову «говорить» [27, с. 141], однако говорящие на одном языке персонажи не могут договориться друг с другом, с чем связан мотив глухоты, столь продуктивный в истории русской комедии [27, с. 140–141]. В «Разделе» персонажи слушают меньше, чем говорят, но тоже не понимают друг друга: «...и что бы другие ни говорили, я слушать даже не буду...» [45, с. 131]; «...мы не только что обедать, мы имени слышать друг друга не можем» [45, с. 148]. Таким образом, объединенные разделом имущества родственники разделены духовно, отчего оказываются нравственно глухими.

О. Б. Лебедева обнаруживает продуктивность для русской комедийной модели зеркального мирообраза. Комедии Сумарокова «заражены инерцией двоения» [27, с. 75]: повторяться могут образы, атрибуты, персонажи, мотивы. В «Недоросле» Кутейкин и Цыфиркин, представляющие собой Бобчинского и Добчинского XVIII в., всегда (кроме финала) предстают «в неразрывном единстве-двойстве» [27, с. 225]. Примыкает к ним учитель Вральман, чья фамилия антонимично соотносится с Правдиным, Еремеевна представляет собой двойника матери Митрофана, – «стихия всеобщего подобия захватывает в свою орбиту всех персонажей» [27, с. 226]. Двоение проявляется и в комедиях Писемского. Так, в «Ипохондрике» оно продуктивно реализуется в сквозном мотиве зеркала (ему посвящена наша статья [24]).

В комедиях Писемского часто встречаются персонажи или образы, которые объединены на определенном основании по двое или более. Таких персонажей А. И. Журавлева именует «галереей». Так, в «Ипохондрике» представлена «галерея провинциальных помещиков» [18, с. 583]. Добавим, что в первой комедии Писемского можно увидеть также «галерею» недугов: ипохондрия, «похмелье» [45, с. 42], «горячка» [45, с. 43], «параличи» [45, с. 46], «геморрой» [45, с. 50], «водяная» [там же], «крымская лихорадка» [45, с. 72], «истерика и геморрой» [45, с. 89], «холера» [45, с. 99]. В «Разделе» представлена не галерея, а «коллекция приближенных лакеев» [44, с. 52]. В комедии можно выделить еще одну «коллекцию» – это идущие в раздел недвижимое имущество и «*вещи из движимости*» [45, с. 122]. В ранних комедиях представлены галерея (или коллекция) корыстолюбивых родственников, которые дали основание О. Ф. Миллеру видеть в «Разделе» продолжение «Ипохондрика» [34, с. 75].

Инерция двоения активно заявляет о себе в комедиях Писемского. По двое в «Ипохондрике» представлены братья Дурнопечины – Николай Михайлыч и Прохор Прохорыч; двое Каноричей – Надежда Ивановна и ее брат, Михайло Иваныч; двое слуг – Никита и Сергей. В «Разделе» представлено пять родственников, из которых два – Манохины (Иван Прокофьич и Кирило Семеныч). Анна Ефремовна Бурьленко

была в девичестве также Манохиной, поэтому Манохиных оказывается трое. Двоение проявляется и в характере их родства – троих объединяет двоюродная связь. Более того, в комедии присутствует двое племянников Манохиных (Сергей Васильич Захаров и Эмилия Петровна Синицына), которых с ними объединяет двоюродное родство также. По двое в комедии представлены воспитанники – Катенька и Павел Михайлыч Богданов. В «Хищниках» двоение также сохраняется: два камергера (Дмитрий Дмитрич Мямлин и Георгий Ираклиевич Янтарный), две вдовы (Ольга Петровна Басаева и Марья Сергеевна Сони́на). В комедии на одно чиновничье место претендуют сразу несколько персонажей: на место товарища главного начальника ведомства претендовали Андашевский, Вуланд, князь Янтарный («просился на это место» [46, с. 313]); на место графа Зырова претендуют Андашевский и Карга-Короваев («Один только Карга-Короваев и мог бы еще занять его место» [46, с. 340]). В «Финансовом гении» присутствуют два персонажа, которые в списке действующих лиц характеризуются «неизвестной» (как выяснится, плутовской) деятельностью: «Говорков, господин, неизвестно какие имеющий занятия» [47, с. 288], «*Monsi-ur Шемуа*, француз, тоже неизвестно зачем приехавший в Россию» [там же]; двое «финансовых гениев» – Василий Петрович Сосипатов и Эдуард Карлович Кергоф; четыре представителя правосудия – судебный следователь, частный пристав, двое квартальных надзирателя [47, с. 353].

«Бригадир» – первая русская комедия, в которой «симметризм текста выступает как универсальный закон его поэтики» [27, с. 132], что ярко отражается в каламбурном слове, зеркальном по своей природе. В комедиях Писемского каламбуров почти нет – с натяжкой можно назвать каламбуром два значения в слове «дело» («Ипохондрик»): Прохор Прохорыч имеет к Дурнопечину «дело <...> безотлагательное дело» [45, с. 67]), ипохондрик уточняет: «Какое вы дело имеете до меня?», на что Прохор Прохорыч отвечает: «Исковое, братец!..» [там же]. Каламбур, да и вообще установка на сочиненный комизм Писемскому не характерны, поскольку автор способен улавливать тот комизм, «который не сочиняется, а существует в окружающей нас действительности» [40, с. 178].

Таким образом, зеркальная структура мирозобраза, богато представленная в русской комедийной традиции, не находит полного отражения в комедиях Писемского: при всеобщем подобии и двоении персонажей, атрибутивный и конструктивный аспекты мотива зеркала представлены лишь в «Ипохондрике». Проблематично выявление принципа зеркальности на таком уровне поэтики, как конфликт, также в комедиях автора отсутствует дwoящееся слово.

Ю. В. Манном для характеристики творчества Гоголя было введено понятие «миражная интрига». Исследователь приводит ее определение [31, с. 161], ссылаясь на запись Гоголя: «Старое правило: уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанно<го> предмета на огромное расстояние. Как игра в накидку и вооб<ще> азартная игра. Внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом» [12, с. 19]. В «Ревизоре» «проблематична идея ревизии», в «Женитьбе» – сама женитьба, в «Игроках» – карточная игра [31, с. 236]. «Драматические отрывки» не содержат развернутой миражной интриги, гипотетически она могла бы развернуться в «Утре делового человека» [23, с. 462].

Гоголевская «миражная интрига» восходит к XVIII в. – к комедиям Я. Б. Княжнина [10, с. LI], в которых действие «слоится, мерцает и внешнее его развитие оказывается мнимым» [10, с. XXIX]. Несмотря на то, что конфликт в комедиях Княжнина развязывался благополучно, сама проблема конфликта не обретала окончательного разрешения. Например, в «Хвастуне» Верхолет «арестован, но только потому, что он не настоящий вельможа» [там же]; в «Чудаках» женитьба не способна искоренить «самодурства Лентягиных» [там же]. Следует отметить, что «миражная интрига» встречается еще раньше – в комедии Сумарокова «Пустая ссора». Реплика служанки, открывающая комедию: «Быть у нас в доме севодни ссоре; отец дочери выбрал жениха, а мать другого. Да полно, она о замужестве и не думает» [51, с. 335], зеркально отразится в финале в устах невесты: «Монсье батюшка, и вы, мамер, я нейду ни за Дюлижа, ни за этого уroda, да и ни за кого; это очень подло» [51, с. 345]. Любовной интриги в комедии так и не возникло, действие в финале ничем не отличается от него же в начале, отсюда следует его «миражность» [27, с. 80].

В творчестве Писемского миражную интригу обнаруживает Е. В. Павлова, которая находит ее воплощение в повести «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына» в «пустом, бесцельном движении персонажей, в подмене внутреннего, подлинного внешним, искусственно созданным, бессмысленным» [39, с. 136]. Рассмотрим, как представлен этот тип интриги в комедиях Писемского.

Наиболее продуктивна она в комедии «Ипохондрик». В ней вообще проблематично определение интриги как таковой, поскольку возможные сюжетные мотивы (тяжба, женитьба, охота за имуществом) зарождаются и угасают вследствие участия в их разворачивании пассивного главного героя [18, с. 583], наделенного амбивалентным («миражным») характером: возможно, он совестливая личность, или действительно больной [17, с. 19], или выдумал ипохондрию вследствие неспособности обрести собственного места в социуме [21, с. 119], или «лишний человек» [21, с. 118]. Можно считать, что миражная интрига связывает в сюжете «Ипохондрика» три линии: болезнь главного героя, любовные перипетии и тяжбу. «Миражность» любовной линии задается двумя взаимоисключающими автохарактеристиками Дурнопечина: «какой я жених?..» [45, с. 41] и «думал еще жить, думал жениться» [45, с. 53]. Также неизвестно настоящее отношение ипохондрика к Канорич: то он признается в неспособности быть женихом из-за болезни, а затем и затеваемой тяжбы, то брату Канорич подает надежду на свадьбу [45, с. 74]. Невероятным открытием является для ипохондрика женитьба Ванички на Канорич, уверяющей Дурнопечина в любви («Но этого быть не может-с!» [45, с. 99]). Любовная интрига на время пресекается линией тяжбы, затеваемой братом ипохондрика, однако и она сохраняет «миражность»: героя спасает от тяжбы его тетка. Но она не может избавить его от ипохондрии [52, с. 146], вследствие чего слова Дурнопечина, открывающие комедию («Удивительное дело, как идет жизнь моя!.. Страх какой-то... тоска... скука...» [45, с. 41]), не утрачивают актуальности и в финале.

В «Разделе», в отличие от «Ипохондрика», миражная интрига не разветвляется на несколько линий, поскольку действие пьесы организует единая завязка (Писемский называет ее «анекдотом» [44, с. 53]) – раздел имущества, ради которого

собралась вся родня. В финале происходит как отдаление желаемого всеми раздела имущества, так и «внезапное открытие»: миролюбивый Иван Прокофьевич, которому надоели ссорящиеся из-за раздела родственники, «схватывает вдруг палку и начинает ею колотить по столу, на котором были расставлены <...> вещи» [45, с. 156]. В комедии миражная интрига осложняется вследствие того, что при нереализованном разделе в материальном плане происходит «раздел» духовный: родственники не только не получают имущества, но и разъединяются в нравственном отношении.

В «Хищниках» миражная интрига связана со стремлением ведущего «подкопы» Андашевского занять место главного начальника ведомства. Убежденного в успехе своего дела Андашевского постигает в финале неожиданное открытие: на место графа назначается не он, а Карга-Короваев. Таким образом, все «подкопы» против графа Зырова, предпринимаемые Андашевским, оказываются напрасными.

Наименьшая продуктивность миражной интриги наблюдается в комедии «Финансовый гений», поскольку аферисты наказаны и финал действия не тождествен его началу. В развязке комедии находит воплощение лишь одна черта миражной интриги – неожиданное открытие, связанное с представлением о гениальности. Финансовым гением считает себя Сосипатов, на самом же деле успехами в коммерческих делах он обязан трудолюбивому и предприимчивому барону Кергофу. Обличая мнимую «гениальность» Сосипатова, барон в финале уподобляется ему, объявляя гением себя: «...убедитесь только, что финансовый гений не муж ваш <Сосипатов>, а скорей я!» [47, с. 356]. Возможность обнаружения миражной интриги зависит от интерпретации образа Кергофа: если барон действительно считает себя гением, то он ничуть не лучше афериста Сосипатова, – в таком случае его положительные качества уходят на второй план. Если же заключительная реплика транслирует ироничное отношение барона к «гениальности», то неожиданного открытия не происходит и выявление миражной интриги проблематично.

ВЫВОДЫ

Таким образом, комедии А. Ф. Писемского вступают в активный диалог с национальной жанровой традицией XVIII в., проявляющийся как в преемственности, так и в своеобразном творческом переосмыслении ее магистральных особенностей. В соответствии с традицией, в комедиографию Писемского органично входят трагедийные элементы. Любовная интрига в комедиях Писемского не завязывает действия, что стало традиционным свойством пьес этого жанра уже в XVIII в. В «Разделе» востребованным оказывается традиционный для комедий предшествующего столетия говорной принцип организации действия. Важной чертой пьес Писемского становится миражность комедийного действия. Зеркальный миробраз наиболее продуктивен в «Ипохондрике». Проблематично выявление зеркального слова (отсутствие каламбуров), зеркальности на иных уровнях поэтики. В комедиях Писемского появляются амбивалентные герои, что составляет специфическую черту комедийного мира Писемского.

Перспективы исследования связаны с изучением комедий А. Ф. Писемского в контексте современной автору национальной комедиографии.

Список литературы

1. *Александрова И. В., Казарян Н. С.* Поздние комедии А. Ф. Писемского в диалоге с русской комедийной традицией XVIII века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2024. – Т. 17, вып. 5. – С. 1451–1457.
2. *Александрова И. В.* Пути развития русской комедии первой трети XIX века. – Симферополь: Доля, 2013. – 420 с.
3. *Алмазов Б. Н.* А. Ф. Писемский и его 25-тилетняя литературная деятельность // *Сочинения Б. Н. Алмазова.* Т. 3. – М.: Университетская типография, 1892. – С. 401–425.
4. *Бараг Л. Г.* О реалистических тенденциях комедии «Бригадир» // *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры.* – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 150–156.
5. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
6. *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. – Л.: Наука, 1977. – 394 с.
7. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. – М.: Учпедгиз, 1945. – 419 с.
8. *Борисов Ю. Н.* «Горе от ума» и русская стихотворная комедия. (У истоков жанра). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 105 с.
9. *Венгеров С. А.* Алексей Феофилактович Писемский. Критико-биографический очерк. – СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1884. – 212 с.
10. *Веселова А. Ю., Гуськов Н. А.* Комедии Я. Б. Княжнина // *Я. Б. Княжнин. Комедии и комические оперы.* – СПб.: Гиперион, 2003. – С. III–LII.
11. *Вишневская И. Л.* Гоголь и его комедии. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
12. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 9. – 665 с.
13. *Горький М.* История русской литературы. – М.: ГИХЛ, 1939. – 340 с.
14. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. – М.: Учпедгиз, 1939. – 524 с.
15. *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825 – 1881. – Петроград: Прометей, 1917. – 346 с.
16. *Еремин М. П.* Выдающийся реалист // *Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т.* – Т. 1. – М.: Правда, 1959. – С. 3–52.
17. *Еремин М. П.* Писемский-драматург // *Писемский А. Ф. Пьесы.* – М.: Искусство, 1958. – С. 5–35.
18. *Журавлева А. И.* Комментарии // *Писемский А. Ф. Собр. соч. в 5 т.* – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 582–605.
19. *Журавлева А. И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 198 с.
20. *Зайцева Е. Л.* Поэтика психологизма в романах А. Ф. Писемского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2008. – 18 с.
21. *Зубков К. Ю.* «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. – М.: Биосфера, 2012. – 212 с.
22. *Иванов И. И.* А. Ф. Писемский. Критико-биографический очерк. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1898. – 226 с.
23. *История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века.* – Л.: Наука, 1982. – 532 с.
24. *Казарян Н. С.* Мотив зеркала в комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» // VII Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире»: Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. (Симферополь, 8–12 июня 2023 г.). – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2023. – С. 50–55.
25. *Казарян Н. С.* Ранние комедии А. Ф. Писемского в контексте комедийной традиции Н. В. Гоголя // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки.* – 2023. – Том 9 (75). – № 3. – С. 14–29.
26. *Казарян Н. С.* Черты дурака и балагура в образе персонажа комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2022. – Т. 15. – Вып. 12. – С. 3727–3731.
27. *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 472 с.
28. *Лотман Л. М.* Драматургия 60-70-х годов // *История русской литературы: в 4 т.* – Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – С. 446–494.
29. *Лотман Л. М.* Писемский-романист // *История русского романа: в 2 т.* Т. 2. – Л.: Наука, 1964. – С. 121–148.
30. *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин: Творческий путь. – М., Л.: Гослитиздат, 1961. – 443 с.
31. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – М.: Coda, 1996. – 474 с.

КОМЕДИИ А. Ф. ПИСЕМСКОГО В ДИАЛОГЕ С НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИЕЙ...

32. Манькова Л. В. Борьба русской общественности с царской цензурой за драматургию А. Ф. Писемского // Русская литература. – 1986. – № 2. – С. 168–175.
33. Манькова Л. В. А. Ф. Писемский-драматург: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1986. – 26 с.
34. Миллер О. Ф. Русские писатели после Гоголя. Чтения, речи и статьи Ореста Миллера: в 2 ч. Ч. 2. – СПб., 1890. – 516 с.
35. Могиланский А. П. Цензурная история пьесы Писемского «Хищники» // Русская литература. – 1965. – № 2. – С. 167–172.
36. Москвичева Г. В. Русский классицизм. – М.: Просвещение, 1986. – 191 с.
37. Мысляков В. А. Белинский в творческом самоопределении А. Ф. Писемского // Русская литература. – 1994. – № 4. – С. 33–56.
38. Павлова Е. В. Беллетристика А. Ф. Писемского 1840-1850-х гг. и проблема художественного метода: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Череповец, 2007. – 22 с.
39. Павлова Е. В. «Миражная интрига» в повести А. Ф. Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (Брак по страсти)» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2007. – Т.13. – № 3. – С. 135–139.
40. Панаев И. И. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Ноябрь 1851 (Отрывок). // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 178.
41. Писарев Д. И. Стоячая вода // Д. И. Писарев. Собр. соч. в 4 т. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 160–191.
42. Писемский А. Ф. Взбаламученное море. Ч. I–III // Полное собрание сочинений: В 24 т. – СПб., М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1895. – Т. 9. – 321 с.
43. Писемский А. Ф. Взбаламученное море. Ч. IV–VI // Полное собрание сочинений: В 24 т. – СПб., М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1895. – Т. 10. – 288 с.
44. Писемский А. Ф. Письма. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – 925 с.
45. Писемский А. Ф. Пьесы. – М.: Искусство, 1958. – 447 с.
46. Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Правда, 1959. – Т. 9. – 642 с.
47. Писемский А. Ф. Финансовый гений // Полное собрание сочинений: в 24 т. – СПб., М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1896. – Т. 22. – С. 288–356.
48. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М.: Советский писатель, 1986. – 480 с.
49. Пустовойт П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 269 с.
50. Русские драматурги XVIII–XIX вв.: монографические очерки в 3 т. – Л.; М.: Искусство, 1959. – Т. 1. – 490 с.
51. Сумароков А. П. Драматические сочинения. – Л.: Искусство, 1990. – 479 с.
52. Тимашова О. В. Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. – 2014. – № 4 (32). – С. 140–149.
53. Тимашова О. В. П. А. Катенин и А. Ф. Писемский. Преемственные связи и полемика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2018. – Вып. 1. – С. 56–59.
54. Шевырев С. П. Теория смешного с применением к русской комедии // Москвитянин. – 1851. – Ч. I. – № 1. – С. 106–120.

References

1. Aleksandrova I. V., Kazaryan N. S. *Pozdnie komedii A. F. Pisemskogo v dialoge s russkoi komediinoj traditsiei XVIII veka* [A. F. Pisemsky's late comedies in the dialogue with the Russian comedy tradition of the 18th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, Vol. 17, issue 5, pp. 1451–1457.
2. Aleksandrova I. V. *Puti razvitiya russkoi komedii pervoi treti XIX veka* [The ways of development Russian's comedy in the first third of the 19th century]. Simferopol, Dolya Publ., 2013. 420 p.
3. Almazov B. N. *A. F. Pisemskii i ego 25-tiletjnaya literaturnaya dejatel'nost'* [A. F. Pisemsky and his 25-year literary activity]. *Sochineniya B. N. Almazova*. Vol. 3, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1892, pp. 401–425.

4. Barag L. G. *O realisticheskikh tendentsiyakh komedii «Brigadir»* [About the realistic tendencies of the comedy «Brigadier»]. *Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kultury*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 150–156.
5. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
6. Berkov P. N. *Istoriya russkoi komedii XVIII v.* [The history of Russian comedy of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 394 p.
7. Blagoi D. D. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka* [The history of Russian literature of the 18th century]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945. 419 p.
8. Borisov Yu. N. «Gore ot uma» i russkaya stikhotvornaya komediya. (*U istokov zhanra*) [«Woe from Wit» and Russian poetic comedy. (At the origins of the genre)]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1978. 105 p.
9. Vengerov S. A. *Aleksei Feofilaktovich Pisemskii. Kritiko-biograficheskii ocherk* [Alexey Feofilaktovich Pisemsky. Critical and biographical essay]. Saint Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Volf Publ., 1884. 212 p.
10. Veselova A. Yu., Guskov N. A. *Komedii Ya. B. Knyazhnina* [Comedies by Ya. B. Knyazhnin]. *Ya. B. Knyazhnin. Komedii i komicheskie opery*. Saint Petersburg, Giperion Publ., 2003, pp. III–LII.
11. Vishnevskaya I. L. *Gogol' i ego komedii* [Gogol and his comedies]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 256 p.
12. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t., T. 9* [Complete works in 14 volumes, vol. 9]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1952. 665 p.
13. Gor'kii M. *Istoriya russkoi literatury* [The history of Russian literature]. Moscow, GIKHL Publ., 1939. 340 p.
14. Gukovskii G. A. *Russkaya literatura XVIII veka* [The Russian literature of the 18th century]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1939. 524 p.
15. Drizen N. V. *Dramaticheskaya tsenzura dvukh epokh. 1825–1881*. [Dramatic censorship of two eras. 1825–1881]. Petrograd, Prometej Publ., 1917. 346 p.
16. Yeremin M. P. *Vydajushchiysya realist* [An outstanding realist]. *Pisemskii A. F. Sobranie sochinenii: v 9 t.* Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1959, pp. 3–52.
17. Yeremin M. P. *Pisemskii-dramaturg* [Pisemsky as a playwright]. *Pisemskii A. F. P'esy*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1958, pp. 5–35.
18. Zhuravleva A. I. *Kommentarii* [Comments]. *Pisemskii A. F. Sobranie sochinenii: v 5 t.* Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 582–605.
19. Zhuravleva A. I. *Russkaya drama i literaturnyi process XIX veka* [Russian drama and the literary process of the 19th century]. Moscow, MSU Publ., 1988. 198 p.
20. Zaitseva E. L. *Pojetika psikhologizma v romanakh A. F. Pisemskogo: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The poetics of psychologism in the novels of A. F. Pisemsky. Abstract of thesis]. Moscow, 2008. 18 p.
21. Zubkov K. Yu. «*Molodaya redakciya*» zhurnala «*Moskvityanin*»: *Jestetika. Poetika. Polemika* [The «Young editorial board» of the «Moskvityanin» magazine: Aesthetics. Poetics. Controversy]. Moscow, Biosfera Publ., 2012. 212 p.
22. Ivanov I. I. *A. F. Pisemskii. Kritiko-biograficheskii ocherk* [A. F. Pisemsky. Critical and biographical essay]. Saint Petersburg, Mir Bozhij Publ., 1898. 226 p.
23. *Istoriya russkoi dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [The history of Russian drama. 17th–the first half of the 19th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 532 p.
24. Kazaryan N. S. *Motiv zerkala v komedii A. F. Pisemskogo «Ipokhondrik»* [The motif of the mirror in A. F. Pisemsky's comedy «Hypochondriac»]. *VII Mezhdunarodnyii simpozium «Russkii yazyk v polikul'turnom mire»*. Simferopol, Izdatel'skii dom CFU Publ., 2023, pp. 50–55.
25. Kazaryan N. S. *Rannie komedii A. F. Pisemskogo v kontekste komedijnoj tradicii N. V. Gogolja* [The early comedies of A. F. Pisemsky in the context of the N. V. Gogol's comedy tradition]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, Vol. 9 (75), no. 3, pp. 14–29.
26. Kazaryan N. S. *Cherty duraka i balagura v obraze personazha komedii A. F. Pisemskogo «Ipokhondrik»* [Features of a fool and a buffoon in the image of a character in the comedy by A. F. Pisemsky]

- «Hypochondriac». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, Vol. 15, issue 12, pp. 3727–3731.
27. Lebedeva O. B. *Pojetika russkoi vysokoi komedii XVIII–pervoi treti XIX vekov* [Poetics of Russian high comedy of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow, Jazyki slavyanskoi kultury Publ., 2014. 472 p.
 28. Lotman L. M. *Dramaturgiya 60-70-kh godov* [Drama of the 60s and 70s]. *Istoriya russkoi literatury. Rastsvet realizma*. Vol. 3, Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 446–494.
 29. Lotman L. M. *Pisemskii-romanist* [Pisemsky-novelist]. *Istoriya russkogo romana v dvukh tomakh*. Vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 121–148.
 30. Makogonenko G. P. Denis Fonvizin: Tvorcheskii put' [Denis Fonvizin: The creative path]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1961. 443 p.
 31. Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations to the theme]. Moscow, Coda Publ., 1996. 474 p.
 32. Man'kova L. V. *Bor'ba russkoi obshchestvennosti s tsarskoi tsenzuroi za dramaturgiyu A. F. Pisemskogo* [The struggle of the Russian public against the tsarist censorship for the drama of A. F. Pisemsky]. *Russkaya literatura*, 1986, no. 2, pp. 168–175.
 33. Man'kova L. V. *A. F. Pisemskii-dramaturg: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky-playwright. Abstract of thesis]. Moscow, 1986. 26 p.
 34. Miller O. F. *Russkie pisateli posle Gogolya. Chteniya, rechi i stat'i Oresta Millera: v 2 ch. Ch. 2.* [Russian writers after Gogol. Readings, speeches and articles by Orest Miller: in 2 parts. Part 2]. Saint Petersburg, 1890, 516 p.
 35. Mogilyanskii A. P. *Tsenzurnaya istoriya p'esy Pisemskogo «Hishchniki»* [The censorship history of Pisemsky's play «Predators»]. *Russkaya literatura*, 1965, no. 2, pp. 167–172.
 36. Moskvicheva G. V. *Russkii klassitsizm* [Russian Classicism]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 191 p.
 37. Myslyakov V. A. *Belinskii v tvorcheskom samoopredelenii A. F. Pisemskogo* [Belinsky in the creative self-determination of A. F. Pisemsky]. *Russkaya literatura*, 1994, no. 4, pp. 33–56.
 38. Pavlova E. V. *Belletristika A. F. Pisemskogo 1840-1850-h gg. i problema khudozhestvennogo metoda: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky's fiction of the 1840s-1850s and the problem of the artistic method. Abstract of thesis]. Cherepovec, 2007. 22 p.
 39. Pavlova E. V. *«Mirazhnaya intriga» v povesti A. F. Pisemskogo «Sergej Petrovich Hozarov i Mari Stupitsyna (Brak po strasti)»* [«Mirage intrigue» in the novel by A. F. Pisemsky «Sergei Petrovich Khozarov and Marie Stupitsyna (Marriage by passion)»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 2007, vol. 13, no. 3, pp. 135–139.
 40. Panaev I. I. *Zametki Novogo Poeta o russkoi zhurnalistike. Noyabr' 1851 (Otryvok)*. [Notes of a New Poet on Russian journalism. November 1851 (Excerpt)]. *«Sovremennik» protiv «Moskvityanina»*. *Literaturno-kriticheskaya polemika pervoi poloviny 1850-kh godov*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, p. 178.
 41. Pisarev D. I. *Stoyachaya voda. D. I. Pisarev. Sobranie sochinenii: v 4 t., T. 1* [Standing water. Collected works in 4 volumes, vol. 1]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955, pp. 160–191.
 42. Pisemskii A. F. *Vzbalamuchennoe more. Ch. 1-3. Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t., T. 9* [The Cursed Sea. P. 1-3. Complete works in 24 volumes, vol. 9]. Saint Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Volf Publ., 1895. 321 p.
 43. Pisemskii A. F. *Vzbalamuchennoe more. Ch. 4-6. Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t., T. 10* [The Cursed Sea. P. 4-6. Complete works in 24 volumes, vol. 10]. Saint Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Volf Publ., 1895. 288 p.
 44. Pisemskii A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1936. 925 p.
 45. Pisemskii A. F. *P'esy* [Plays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1958. 447 p.
 46. Pisemskii A. F. *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 9* [Collected works in 9 volumes. Vol. 9]. Moscow, Pravda Publ., 1959. 642 p.
 47. Pisemskii A. F. *Finansovyi genii. Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t., T. 22* [Financial genius. Complete works in 24 volumes, vol. 22]. Saint Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Volf Publ., 1896. pp. 288–356.

48. Polyakov M. Ya. *Voprosy poetiki i hudozhestvennoi semantiki* [Questions of poetics and artistic semantics]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 480 p.
49. Pustovoit P. G. *A. F. Pisemskii v istorii russkogo romana* [A. F. Pisemsky in the history of the Russian novel]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 1969. 269 p.
50. *Russkie dramaturgi XVIII-XIX vv.: monograficheskie ocherki v 3 t., T. 1* [Russian playwrights of the 18th–19th centuries: monographic essays in 3 vol. Vol. 1]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 490 p.
51. Sumarokov A. P. *Dramaticheskie sochineniya* [Dramatic writings]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1990. 479 p.
52. Timashova O. V. *Komediya «Razdel» (1853) v dramaturgicheskoi sisteme rannego A. F. Pisemskogo i v kontekste zhurnala «Sovremennik»* [The comedy «Section» (1853) in the dramaturgical system of the early A. F. Pisemsky and in the context of the journal «Sovremennik»]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Filologiya*, 2014, no. 4 (32), pp. 140–149.
53. Timashova O. V. *P. A. Katenin i A. F. Pisemskii. Preemstvennye svyazi i polemika* [P. A. Katenin and A. F. Pisemsky. Succession ties and controversy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2018, issue 1, pp. 56–59.
54. Shevryev S. P. *Teoriya smeshnogo s primeneniem k russkoi komedii* [The theory of the ridiculous applied to Russian comedy]. *Moskvityanin*, 1851, part 1, no. 1, pp. 106–120.

A. F. PISEMSKY'S COMEDIES IN DIALOGUE WITH THE NATIONAL GENRE TRADITION OF THE 18th CENTURY

Kazaryan N. S.

The article is devoted to proving the orientation of A. F. Pisemsky's comedies towards dialogue with the Russian comedy tradition dating back to the 18th century. The writer's comedies organically combine both continuity in relation to tradition and its peculiar refraction. The playwright inherits such features characteristic of early Russian comedy as the organic existence of tragic elements in the comedy, the verbal motif of death, the zoomorphism of images inherent in the tragic canon, the eschatological halo of the motive of punishment for sins in early comedies; the absence of a plot-forming function of a love affair, its subordination to a satirical and social idea; the presence of a spoken action («Section»); the mirage of a comedic intrigue; the creation of a mirror world image («Hypochondriac»). At the same time, the traditional properties of Russian comedy receive an original author's interpretation: the motive of death can be realized not verbally, but actionally («Predators»); in later comedies, the role of the police decider of the denouement loses its eschatological halo, and the idea of justice of representatives justice is questioned; empathy for the characters is lost in the formally expressed tragic episodes of late comedies; the mirror image acquires a peculiar embodiment in the inertia of double vision, there are no puns as representatives of a double word, a double conflict; the character system becomes more complicated, complemented by ambivalent characters. Thus, Pisemsky's comedies, possessing undoubted originality, continue the main paths of development of the national genre tradition.

Keywords: A. F. Pisemsky, comedy, Russian comedy tradition, tragic elements, spoken action, mirror world image, mirage intrigue.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81-112.4:811.161.1'37

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-124-137

МОТИВАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕРИВАТОВ КОРНЯ-ОСНОВЫ ХИТ- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Валеева Л. В.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Россия
E-mail: lv_valeeva@mail.ru*

В статье системно представлены и описаны векторы семантического развития и переосмысления дериватов корня-основы ХИТ- в истории русского языка. Моделирование мотивационных связей дериватов включает несколько этапов. На первом этапе с помощью этимологического анализа выделена архисема праформы (пракорня) ХИТ-/ХЫТ- «сделать своим, присвоить». Далее выявлены способы развития семантики дериватов в диахроническом аспекте. К основным способам относятся расширение семантической структуры за счет введения дополнительных сем («забирать стремительно / внезапно / без ведома владельца»), а также замена и утрата сем, что приводит к серьезной перестройке внутренней формы слова. Выделены четыре вектора становления и развития семантических моделей с сильными, ослабленными или утраченными мотивационными связями. Первый вектор демонстрирует сильную мотивационную связь с праформой (глаголы *похитить*, *хищение* и под.). Второй вектор транслирует ослабление и утрату мотивационной связи, формирование самостоятельных семантических центров *хитрый*, *хищный*. Третий вектор реализуют оценочные модификации и характеризуется ослаблением связи. Четвертый вектор учитывает этнолингвистическую специфику функционирования производной лексики пракорня ХИТ- и фиксирует разрыв внутренней формы деривата и пракорня. Исследование проведено на лексикографическом материале, представляющем языковые единицы по разным временным, культурным, общественно-политическим и территориальным признакам.

Ключевые слова: семантическая модель, русский язык, диахрония, мотивация, дериват, этимология, семантическая структура, хитрый, хищный.

ВВЕДЕНИЕ

История слов отражает историю человечества, а также является важнейшим свидетельством формирования языкового сознания конкретной национально-этнической общности. Диахронический аспект изучения языка представляет особую значимость для лингвистики, так как, во-первых, фиксирует языковую основу, являющуюся платформой для трансформационных и модификационных процессов на всех уровнях языка, во-вторых, позволяет выявить стимулы и векторы развития всех языковых форм.

Исследование динамики развития корня-основы, или пракорня, (термины в данном исследовании являются эквивалентами термина ‘праславянский корень’) позволяет определить не только его этнолингвистические параметры, приобретенные в конкретном языке в конкретный период, но и универсальные и уникальные характеристики верифицированных мотивационных отношений. Характер производного слова отражает многофункциональную систему деривационных явлений в языке, которая, по сути, является накопительной. Выбор, стимулирование

и направленность развития родовой семы (архисемы) слова свидетельствуют о ее значимости для носителей языка. В этой связи особый интерес вызывает эксплицитное и имплицитное проявление мотивационных связей производного слова с учётом его этимологических особенностей.

Одним из утвердившихся положений в отечественной лингвистике является тезис о том, что фактически каждое слово является мотивированным. При этом диапазон научных изысканий языковой мотивации охватывает практически все области языкознания. Традиционно в центре внимания отечественных лингвистов лексическая и словообразовательная мотивированность (исследования Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. С. Кучко, З. И. Минеевой, М. В. Никитина, Н. А. Николиной, Н. Е. Петровой, Л. В. Рацибурской и др.), вызывает интерес исследователей явление множественной мотивации [1], проблематика мотивации в ономастике [2; 7], мотивационная реконструкция лексики [4; 5; 16] и мн. др.

В отечественной лингвистике активно и последовательно анализируются и систематизируются мотивационные отношения между производными элементами, образованными непосредственно или опосредованно от одной общеславянской формы. И. А. Горбушина в кандидатской диссертации систематизирует лексику русского языка, восходящую к праславянскому корню *ter-, по признаку сохранения / утраты мотивационных связей слов [9]. Н. С. Григорьева описывает особенности словообразовательного и семантического развития русской лексики с общеславянским корнем *ver- [10]. В научных публикациях исследователи обращаются к семантической эволюции лексем, восходящих к единому корню *mъr [13], к семантической эволюции дериватов праславянского корня *slu- [21], к изучению мотивационной модели «колдовать – хитрить» [19] и т. д. Е. О. Борисова [5], Т. В. Леонтьева [16] в диссертационных исследованиях выделяют семантические мотиваторы, организующие семантические и тематические поля русской лексики.

Этимология раскрывает внутреннюю форму слова. Внутренняя форма слова – «это осознаваемая говорящим мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта» [15, с. 258]. В. В. Колесов отмечает, что «первосмысл первообраза, *внутренняя форма* неизменна и постоянна, обеспечивая постоянство понимания во времени и единство в пространстве существования данного языка» [14, с. 392]. Процесс утраты словами с течением времени мотивационных связей называется деэтимологизацией, т.е. утратой «первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда» [18, с. 286].

На современном этапе развития языка сосуществуют слова с сильными мотивационными связями, которые зачастую являются недавно созданными, слова с ослабленными мотивационными связями и, наконец, слова, совершенно утратившие мотивационные связи. В последнем случае их, то есть мотивационные связи, можно восстановить только с помощью глубокого этимологического анализа.

Цель исследования – выявить и описать модели дериватов пракорня ХИТ- в истории русского языка по признаку сохранившихся, ослабленных или утраченных мотивационных связей с корнем-основой.

Источником исследования послужили этимологические, старославянские, церковно-славянские, древнерусские, толковые словари (В. И. Даля, Е. С. Отина, Н. М. Шанского, А. К. Шапошникова, Н. Ю. Шведовой, Ф. Шимкевича, М. Фасмера и др.), словари русских говоров.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из основных этапов мотивационного моделирования дериватов корня-основы ХИТ- является рассмотрение и представление их внутренней формы, «первообраза» с помощью этимологического анализа.

Анализ этимологических словарей [3; 32; 33; 34; 35; 37; 38; 39] показал, что внутренняя форма дериватов, восходящих к корню ХИТ-, связана с основой глагола многократно-продолжительного вида *хытати*, *хытити* и с глагольными формами *хватати*, **х(в)отёти* с общим значением «сделать своим, присвоить что-либо» (*хватать*, *хотеть*, *похищать* и под.), которые, в свою очередь, происходят от исходного общего корня хи/ыт- (*hi/ut-). Особого внимания заслуживает графическая запись данного индоевропейского корня-основы в лексикографических источниках. В научной среде историков славянских языков не выработана единая внешняя форма праславянского корня: встречаются варианты **chyt-*, **chvat-* [28; 33; 36], **хyt-*, **хvat-* [3; 32; 38].

Не все исследователи фиксируют и комментируют фонетические изменения в корне-основе, происшедшие в дописьменный период. В словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой [34], в этимологическом словаре славянских языков под редакцией О. Н. Трубочева [38] указывается на йотовое расширение корня-основы, в результате чего в славянских языках закрепляется производное прилагательное *хищный*, укр. *хижий*, русское диалектное *хизь* ‘страстное желание’, «весьма близкое и семантически к *хижий*» [38, с. 164]. В старославянском языке употребляется слово отвлечённой семантики *хыща* ‘хищность’ суффиксального образования (суф. -j-; *tj > шт > щ) [34; 35, с.477]. В этимологических словарях А. К. Шапошникова [39], П. Я. Черных [33], Г. А. Крылова [37], М. Фасмера [32] и некоторых других чередования звуков и связанные с ними изменения в языковом знаке не объясняются. Авторы лишь интерпретируют преобразования внутренней формы праосновы как результат внешних изменений. «Церк. *хищеніе*, грабеж; *восхитити*, нечаянно схватить» [36, с. 109].

Анализ материала этимологических, старославянских и церковно-славянских словарей показал, что глагольные лексемы *хыщати*, *похитить* и под., атрибутивные лексемы *хитрый*, *хищный*, рус. диал. *хичный*, образованные с помощью суффиксов -p-, -h-, имеют общую архисему «забирать стремительно». В дальнейшем структура дериватов подвергается семантическому расширению до «забирать что-либо, кого-либо без ведома владельца». В словаре старославянского языка *хыщение* толкуется как «грабёж, разбой», а одно из значений имени существительного *хыщыникъ* определяется как «грабитель, разбойник» [31, с.769]. Данная семантическая модель

закрепляется в производных формах корня-основы и подвергается дальнейшей трансформации вследствие включения в смысловую структуру дериватов оценочной семантики.

В работе Фёдора Шимкевича «Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками» приводится следующая характеристика корня *хит-*: «корень, имеющий два вида: ХИТить, *хытити, гл. тайно или насильственно присвоить чужие вещи» [36, с. 109]. Автор отмечает, что от данного корня образованы такие слова, как *хватать*, *хищение*, *хитрый*. Исследователь утверждает, что на период создания указанного словаря (1842 г.) в русском языке сохранялись мотивационные связи с праосновой ХИТ-. Также автор указывает, что слово *хитрый* в своем значении выражает такие качества, которые «только предполагают скорость или изворотливость в действиях души». Как видим, указание на «изворотливость» демонстрирует усиление оценочной семантики в дериватах пракорня.

В более поздний период отмечается закрепление в семантической структуре атрибутивных дериватов сем ‘находчивость’, ‘ловкость’, а также их трансформация в ‘умный’, ‘сообразительный’ с проявлением контекстуально обусловленной оценочности.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) слову *хитрость* даются следующие лексические значения: 1) «церк. Искусство, художество, мастерство, ремесло. 2) Предусмотрительность, тонкость соображений, умение пользоваться обстоятельствами для своих целей. 3) Лукавство, коварство, злоумышленность. 4) Замечательное произведение искусства» [29, с. 403]. В словаре древнего славянского языка (1899 г.) и в словаре церковно-славянского языка представлены полярно оценочные толкования слова *хитрец*. В одном значении – «художник, искусник», в другом значении – «проныра, лукавец» [23, с. 905; 29, с. 400]. В структуру словарей включены объяснения сложных слов, образованных от деривата *хитрый*: *хитрокозненный* ‘исполненный коварства, хитрых козней’, *хитролукавствие* ‘лукавая хитрость’, *хитрословесие* ‘красноречие’, *хитростнословие* ‘хитросплетенные речи’, *хитротворный* ‘искусно составленный’ [23, с. 905–906].

В «Словаре русского языка X–XIII веков» Е. С. Отина слово *хитрец* встречается в значении ‘знаток, сведущий человек’ Слово *хитрость* трактуется как ‘обман’ Слово *хищник* дается определение ‘грабитель’. В словаре трактуются сложные слова *хитродвижность* ‘архитектура’, *хитроречный* ‘красноречивый’ с актуализированной мелиоративной оценочностью [17, с. 378].

В Толковом словаре В. И. Даля дериват *хитрый* имеет два значения: ‘искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый’, а также ‘злостный, лукавый, коварный’. Слову *хитрить* автор определяет значение ‘лукавить, обманывать, вводить других умышленно в ошибки’, а слову *хитрец* – ‘лукавый человек, пролаз, проныра, скрытный и двуличный’ [12, с. 533].

Семантические зоны функционирования дериватов в русском языке XI–XIX вв. можно условно разделить следующим образом: сакральные, духовные тексты – в значении ‘начитанность, грамотность, мудрость’; характеристика лица по роду

занятий – ‘искусство, мастерство’; качества характера – ‘лукавство, коварство’, ‘предусмотрительность, тонкость соображений, умение пользоваться обстоятельствами для своих целей’.

В истории русского языка до XIX в. закрепились четыре основных вектора развития корпуса дериватов корня-основы ХИТ-.

Первый вектор представляет мотивационную модель с сильной связью, сохраняющую архисему ‘сделать своим’ и реализующую семантические варианты архисемы: *хватать* ‘браться за что-нибудь’, ‘ловить’, ‘внезапно брать’, *хитить*, *похитить*, *восхитить*, *ухитить*, *хыща*, *хыщение* (*хищение*) ‘забирать стремительно’. Слова *восхищать* / *восхитить* в Толковом словаре В. И. Даля в первом значении трактуется как «похищать, выхватывать, уводить силою, увлекать в высоту»; *восхититель* – «похититель, хищник» [11, с. 315].

Второй вектор представляет модель, свидетельствующую об ослаблении и частичной утрате дериватами мотивационной связи с архисемой. Введение критерия ‘частичный’ связано с утратой мотивационной связи с праосновой в прямом значении и с проявлением слабых мотивационных связей с пракорнем в словоформах с переносным значением. Вторую модель организуют атрибуты *хитрый* и *хищный*, которые в результате деэтимологизации формируют самостоятельные семантические центры.

Семантическую модель ХИТР- экспонируют языковые единицы с основным значением ‘искусство, художество, мастерство, ремесло’. В церковнославянском языке русского извода имя существительное *хытрець* (*хитрец*) функционирует как многозначное слово: 1. ‘знарок, искусный мастер’; 2. ‘творец, создатель’; 3. ‘философ, мудрец’; слово *хитрокъ* употребляется в значении ‘художник, искусник’ [23; 28; 31].

Еще одно направление организуют дериваты корня ХИТР- с актуальной трансформированной семой ‘забрать стремительно’ в ‘забрать стремительно затайливо, предусмотрительно, умно’. Е. С. Отин в Словаре русского языка X–XVIII веков адъектив *хитрый* регистрирует в значении ‘ловкий’ [17, с. 378]. В словаре церковнославянского и русского языков абстрактный субстантив *хитрость* в первом значении является экпликатором ключевого понятия ‘искусство, мастерство’, во втором и третьем значениях является семантическим определителем качества действия ‘предусмотрительность, тонкость соображений, умение пользоваться обстоятельствами для своих целей’; ‘лукавство, коварство, злоумышленность’. Четвертое значение коррелирует с первым значением и выражает ‘замечательное произведение искусство’ [29].

Длительное время в истории русского языка слово *хитрость* и его производные употреблялись в значении ‘искусство’ и близких ему смысловых эквивалентах, в то время как в современном русском языке данное значение находится на периферии языкового употребления либо отсутствует. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского группу дериватов с корнем ХЫТР-, возникшем в результате опрощения основы, образуют существительное со значением лица *хытрица* – ‘знающая, постигающая’, ‘мудрая’; субстантивы с отвлеченным значением *хытрство* – ‘искусная работа’; *хытрость* / *хитрость* – ‘искусство’,

‘произведение искусства’, ‘ум, разум’, ‘умение’, ‘знание’, ‘наука’, ‘рассуждение’, ‘толкование, объяснение’, ‘догадка’, ‘хитрость’, ‘ухищрение’, ‘лукавство, обман’, ‘философия’, ‘достоинство, качество’ [30, с.1428–1430].]. В современном русском языке Н. Ю. Шведова формирует семантическую основу современного понятия *хитрость*, выделяя сему ‘умение скрывать истинные намерения путем обмана’ [20, с. 268]. Сравнивая сложную словоформу *хитросплетение*, видим, что в церковнославянском языке *хитросплетение* обозначает ‘хитрая выдумка’ [29, с. 400]. В современном словарном фонде толковых словарей языковая единица *хитросплетение* представлена многозначным словом. Его структуру составляют значения ‘искусное, сложное переплетение чего-либо’, ‘сложное, вычурное построение, развитие, изложение мыслей, сюжета’, ‘коварный и хитрый замысел, хитрая уловка’ [24, с. 599].

В ходе изучения лексикографических источников исторической направленности была установлена активность дериватов с корнем ХИТР-, характеризующихся слабыми мотивационными связями: *хитрец* ‘хитрый человек’, *хитринка* ‘о небольшой доле хитрости, лукавства’, *хитростный* ‘хитрый, лукавый’, *хитро* ‘лукаво, коварно’, *хитрствовать* ‘употреблять особое искусство при делании чего-либо, ухитряться’, *хитреть* ‘становиться хитрым’, *нехитро* ‘нетрудно, несложно; просто, незамысловато’ и т. д. В процессе развития русского языка отмечается сокращение количества активных словоформ данной семантической группы и дальнейшее ослабление мотивационных связей дериватов с корнем ХИТР- с праосновой.

Семантическая модель ХИЩ- строится на актуализации компонента ‘присвоить’ исходной структуры корня ХИТ-. Сильную мотивационную связь с праосновой сохраняет субстантив *хищение* ‘отнятие, усвоение себе чего-нибудь чужого, воровство, татьба’ в условиях контекстуальной привлеченности сем ‘отнятие’, ‘усвоение’, что объясняется деривационными отношениями с глаголом *хищати* ‘приобретать, снискивать’ [23, с. 906]. В современном русском языке имя существительное *хищение* реализует значение «преступное присвоение чужого, преимущественно общественного имущества, воровство» [24, с. 600] и свидетельствует об ослаблении мотивационной связи с исходным значением праосновы.

Слово *хищный* имеет два основных значения: одно из которых характеризует зверя, птицу «плотоядный, похищающий добычу свою, на пищу, силою, поедающий других животных», другое относится к человеку – «грабитель, несправедливый, стяжатель, склонный к присвоению себе чужого» [12, с. 533]; «питающийся животными; перен. жадный, полный стремления овладеть кем-, чем-л; выражающий такое стремление; сущ. хищность» [39, с. 491]. Субстантив *хищник (-ница)* в словарях XIX в. соответствует по словарному представлению вышеописанным семантическим антропологическим характеристикам: ‘похититель, тать, вор, грабитель, взяточник и несправедливый стяжатель’ [12, с. 533]. А. К. Шапошников утверждает, что если слово *хищник (хыщъникъ)* в русском языке XI–XVII вв. известно в значении ‘хищный зверь, лихоимец, богач, разбойник’, то форма *хищный* в этот период неизвестна [39, с.491].

В современном русском языке сохраняется антропологическое и зоологическое измерение семантики корня ХИЩ-: «поедающий других животных (о животных), плотоядный» и «такой, который стремится к наживе, жестоко эксплуатируя кого-л., расхищая что-л.» [24, с. 601]. В первом значении установлено проявление деэтимологизации, так как связь между архисемой «забирать стремительно» и семой «поедать живых существ» отсутствует. Во втором значении мотивационные связи сохраняются на уровне предикатива «забирать», семантически коррелирующего с лексемами ‘чужое’, ‘нажива’, и дополняются отрицательным коннотативным компонентом.

Третий вектор транслирует интенсификацию оценочной семантики в структуре праосновы. Субъектно отмеченная семантика описательного типа ‘забрать, освоить, сделать своим’ развивается в двух основных направлениях оценочного значения – ‘хороший / плохой’. Формирование и рост оценочности ослабляет мотивационные связи дериватов с исходным значением корня ХИТ- и разрушает единый семантико-мотивационный комплекс данной праосновы.

Мелиоративное направление формируется в результате усиления интеллектуальной составляющей описанного действия: ‘хватаящий’ > ‘быстро схватывающий’ > ‘сообразительный’ > ‘умный, искусный’. Лексема *хитрый* и ее дериваты формируют в течение долгого времени устойчивую мотивационную модель с обязательным семантическим компонентом позитивной оценки. Употребление имени прилагательного *хитрый* в одном ряду с типичными позитивными оценочными смыслами актуализирует мелиоративную семантику рассматриваемой группы слов, ср.: «*мужа тиха, кротка, смерена, хитра, премудра, разумна, промышлена же и расъсудна, изыщена в божественных писаниях, учителна и книгам сказателя*» (Рогожский летописец, ПСРЛ, 15, с. 105) [6, с. 219]. В. В. Виноградов, изучая «отправные» и современные внутренние формы слова *хитрый*, указывает на сохранившиеся в современном русском языке значения ‘изобретательный, искусный’. Прежде всего это паремиологический фонд русского языка: *голь на выдумки хитра*. Известный ученый прослеживает историю оценочной семантики *хитрый* и делает вывод: «книжные, старославянские значения искусства, знания, предусмотрительности – постепенно стусеивались и гасли» [6, с. 725]. По мнению В. В. Виноградова, новая система значений дериватов прилагательного *хитрый*, включающая качественные оттенки коварства, лукавства, злого умысла, окончательно сформировалась не ранее XVI–XVII вв. Как считает ученый, именно развитие технических знаний и художественных навыков вызвало переоценку старинных представлений о знании и мастерстве [6].

Пейоративное направление формирования оценочной семантики дериватов праосновы ХИТ- отражает история развития слов с корнем ХИЩ-. Отмечается последовательная системная трансформация значений, характеризующих человека на основе семы ‘захват’ в семантической структуре пракорня. В языке закрепляются группы оценочных сем ‘грабеж, разбой’, ‘свирепость, кровожадность’, ‘коварство’, ‘алчность, корыстолюбие, стяжательство’ и под. в структуре дериватов *хищение, хищный, хищность, хищник, хищница, хищнический, хищничать, хищничество* и др.

Особого внимания заслуживает история образования и закрепления эмотивной семантики глагола *восхитить*. В. И. Даль, структурируя словарную статью в Толковом словаре русского языка, фиксирует оценочную контрастность значений данного слова [11, с. 315]. Выделение двух позиций регистрирует две мотивационные модели. В значении ‘выхватывать, уносить, уводить силою; увлекать в высоту’ сохраняются сильные мотивационные связи с праосновой. В значении ‘приводить в восторженное состояние, радовать’ наблюдается полная их утрата. М. Р. Гараджа, рассматривая семантическую историю слова *восхитить* в восточнославянских языках, заключает, что слово подверглось деэтимологизации, в современном русском языке сформировалось базовое значение ‘восхищение’, близкое по смыслу к ‘очарование’, в современном украинском и белорусском языках слово стало архаизмом [8].

Четвертый вектор развития семантики дериватов пракорня ХИТ- логично назвать этнолингвистическим, так как, в отличие от литературного языка, народные говоры отражают мотивационные отношения языковых форм с праосновами с учетом ареальных особенностей. Е. Л. Березович пишет, что этнический стереотип, то есть устойчивый комплекс наивных представлений о каком-либо народе, нации, отражающий особенности «ксенопсихологии», может создавать своеобразный полимотивационный эффект [4, с. 208–209].

В результате изучения словарей русских говоров был сделан вывод, что мотивационные отношения конкретной производной языковой формы с праосновой в разных диалектах не совпадают. Например, дериват *хитрушка* в словаре говоров Вологды выступает в роли сказуемого в значении ‘хорошо, легко, просто’ [22]. В данном случае наблюдаем слабые мотивационные связи с эмотивно-оценочным атрибутивом *хитрый* позитивной квалификации периода средневековой России. В словаре русских говоров Новосибирской области *хитрушка* представлена как существительное женского рода со значением ‘вид ловушки из двух бревен и насторожки на крупного зверя’ [25]. В говорах Новосибирской области фиксируется мотивационная модель окончательной утраты связи деривата с праосновой.

Рассмотрим примеры диалектного употребления слова *хитка*, которое встречается в русских народных говорах разных временных периодов. Так, в словаре говоров Прикамья слову *хитка* дается значение ‘порча’ [26, с. 305]. Подобное семантическое восприятие выявлено в пермских и вятских говорах – ‘болезнь, насланная колдовством’. В вятских, костромских, нижегородских говорах обозначает ‘хитрость, уловка’, в вологодских говорах выражает ‘загадку, тотем’, на Алтае воспринимается как ‘сложные фигуры в танце’; оренбуржцы используют слово в форме множественного числа *хитки* ‘слюни, текущие у младенцев’. Распространено в говорах обозначение словом *хитка* мифического существа – русалки. [27, с. 141]. Интересным является тот факт, что в литературном языке в слове *хитрость* мы выделяем корень *хитр-* и говорим, что оно с течением времени подверглось опрощению и процессу деэтимологизации. Диалектные данные позволяют выявить этимологические особенности производящей основы, так как реконструируют пракорень ХИТ-.

ВЫВОДЫ

Мотивационное моделирование организует в систему слова с единой точкой отсчета – праславянским корнем. Оно позволяет выявить эффективные и малопродуктивные приемы звукового и семантического оформления и развития дериватов, а также воспроизвести и прогнозировать формирование производных языковых форм. Мотивационные отношения корня-основы и дериватов, изменения внутренней формы деривата тесно связаны с этнокультурными особенностями носителей языка и характеристикой культурного временного слоя, во время которого формировалась и употреблялась производная языковая единица.

Корень-основа ХИТ- в истории русского языка является первоисточком значительной группы производных языковых элементов, является функционально активным и ресурсно-перспективным корневым конструктом.

Восстановление «первообраза» внутренней формы корня-основы с помощью этимологического анализа является основным и первым шагом для мотивационного моделирования. Анализ этимологических словарей и словарей старославянского и церковно-славянского языка показал, что внутренняя форма дериватов корня-основы ХИТ- восходит к общему значению глагола многократно-продолжительного вида *хитати / хытати (хитити / хытити)* и его возможных этимологических коррелятов *хватати, хотети* «сделать своим, присвоить что-либо». История дальнейшего развития архисемы связана с ее расширением: «забирать стремительно», «забирать внезапно», «забирать что-либо, кого-либо без ведома владельца» и изменением звукового облика праосновы вследствие йотового расширения (суф. -j-; *tj > шт > щ).

В русском языке XI–XIX вв. выявлено семантическое зонирование дериватов корня-основы ХИТ- по особенностям и условиям их функционирования. Преобладание в семантической структуре дериватов сем ‘начитанность, грамотность, мудрость’ характерно для языка сакральных текстов; семные компоненты ‘искусство, мастерство’, как правило, активизируются для характеристики лица по роду занятий; семы ‘лукавство, коварство’, ‘предусмотрительность, тонкость соображений, умение пользоваться обстоятельствами для своих целей’ используются для создания качественной характеристики субъекта.

Анализ лексикографических источников позволил выделить четыре основных вектора формирования и развития мотивационных моделей дериватов пракорня ХИТ-.

Первая модель характеризуется сильной мотивационной связью дериватов с архисемой корня-основы и реализуется в лексемах *хитить, похитить, восхитить, ухитить, хыща, хыщение (хищение)*, продуктивных в разные периоды истории русского языка.

Вторая модель свидетельствует об ослаблении и утрате мотивационной связи с архисемой. Данный тип модели характеризуется иерархической структурой. В истории русского языка выделились две семантические доминанты *хитрый* и *хищный*. Семантическая модель ХИТР- является разветвленной, сложной, исторически подвижной и частично утратившей мотивационную связь с праформой ХИТ- Семантическая модель ХИЩ- реализует антропологическое и зоологическое измерение семантики корня. Дериваты с семантическими антропологическими

характеристиками *хищати*, *хищение*, *хищник* ‘лихоимец, богач, разбойник’ и под. сохраняют ослабленные мотивационные связи с архисемой. Дериваты условно зоологической семантической подгруппы *хищный*, *хищник* и под. утратили мотивационную связь с внутренней формой корня-основы.

Третья модель учитывает воздействие на семантическую структуру дериватов мелиоративных, пейоративных, эмотивных компонентов оценочности и последующие необратимые изменения, влекущие ослабление и утрату мотивационных связей с праосновой. В разные периоды истории русского языка сосуществуют дериваты с полярной оценочной семантикой. К ним относятся дериваты корня ХИТР- или производная форма *восхитить*. Когнитивная основа формирования семантической структуры атрибутивов, значимых для языковой картины мира русского человека и относящихся к единому семантическому источнику, отражает неприятие жестокости и обмана в действии передачи чего-либо от одного субъекта другому.

Четвертая модель, названная этнолингвистической, оперирует словоформами, распространенными в говорах и диалектах: *хитрушка*, *хитка* и под. В большинстве случаев мотивация формирования семантики производных форм от корня ХИТ- не соотносится с семантикой корня-основы и зависима от особенностей ареального речевого употребления.

Перспективным представляется этнолингвистический аспект мотивационного моделирования дериватов корня-основы ХИТ в русских говорах в динамическом аспекте.

Список литературы

1. *Араева Л. А.* Эволюция теории полимотивации в русистике // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 3. – С. 13–19. – Режим доступа: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22373> – (Дата обращения: 12.11.2024)
2. *Бабенко Н. Г., Стещенко М. А.* Поэтические новообразования, мотивированные онимами: функционально-семантический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2014. – Вып. 8. – С. 32–37. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskie-novoobrazovaniya-motivirovannye-onimami-funktsionalno-semanticheskiiy-analiz> – (Дата обращения: 12.11.2024)
3. *Багриновский Г. Ю.* Краткий этимологический словарь. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 342 с.
4. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науки, 2014. – 488 с.
5. *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: Дис. ...канд. филол. н.: 10.02.01. – Екатеринбург, 2016. – 306 с.
6. *Виноградов В. В.* История слов. – М., 1999. – 1138 с.
7. *Врублевская О. В.* Языковая мода в русской ономастике: Дис. ...докт. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2017. – 413 с.
8. *Гараджа М. Р.* Семантическая история слова «восхитить» в восточнославянских языках // Художній текст у полікультурному комунікативному просторі: традиції та сучасність: Зб. наукових праць (матеріали і тези конференції). – Сімферополь: Видавничий дім КФУ, 2022. – С. 24–26.
9. *Горбушина И. А.* Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *ter- в русском языке на славянском фоне: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2016. – 21 с.

10. Григорьева Н. С. Словообразовательное и семантическое развитие корня *vĕt- в истории русского языка (на фоне болгарского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2013. – 19 с.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 1. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 752 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 672 с.
13. Захарова Ю. Г., Мельниченко Е. В. Этимологическое гнездо с корнем *mхг в русском языке // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologicheskoe-gnezdo-s-kornem-mxg-v-russkom-yazyke/viewer> – (Дата обращения: 12.11.2024)
14. Колесов В. В. Концептуальный анализ текста: *государство и общество* // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. – 2017. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 389–406
15. Кошенкова Н. Е. Этимология и семантика лексем с корнем -мудр- в русском языке // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. – 2013. – Том 26 (65). – № 4. Ч. 2. – С. 257–263.
16. Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2015. – 427 с.
17. Отин Е. С. Словарь русского языка X–XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
18. Пятаева Н. В. Проблемы современной лингвистики в квалификации и классификации лексических гнезд // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2013. – С. 284–290. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-lingvistiki-v-kvalifikatsii-i-klassifikatsii-leksicheskikh-gnyozd/viewer> – (Дата обращения: 14.11.2024)
19. Русинова И. И. Мотивационная модель «Колдовать ← хитрить, колдун ← хитрый человек» в русских говорах // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2013. – № 2 (22). – С. 25–30. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-model-koldovat-hitrit-koldun-hitryu-chelovek-v-russkih-govorah/viewer> – (Дата обращения: 14.11.2024)
20. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Азбуковник, 1998. – 630 с.
21. Садыкова И. В. Дериваты праславянского корня *slu- (к вопросу о семантической эволюции) // *Русин*. – 2018. – № 52. – С. 126–140. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivaty-praslavyanskogo-kornya-slu-k-voprosu-o-semanticheskoy-evolyutsii/viewer> – (Дата обращения: 14.11.2024)
22. Словарь вологодских говоров. Вып. 11. – Вологда: ГОУ ВПО «ВГПУ», изд-во «Русь», 2005. – 220 с.
23. Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бередикину и И. С. Кочетову. – С.-Петербург: типография А. С. Суворина, 1899. – 946 с.
24. Словарь русского языка: В 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.
25. Словарь русских говоров Новосибирской области / сост.: Н. Т. Бухарева, Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская и др.]; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 605 с.
26. Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подкоков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. – Вып. III (РА–ЯТЬ); Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2012. – 502 с.
27. Словарь русских народных говоров / сост. Ю. Ф. Денисенко, Е. В. Колоско; гл. ред. С. А. Мызников. – Вып. 50. Хас–Хоглок. – М.: Наука, 2017. – 334 с.
28. Словарь старославянского языка. Репр. изд.: В 4 т. – Т. 4. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 1054 с.
29. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отделениемъ Императорской Академии Наукъ: В 4 т. – Т. 4. – Санктпетербургъ: въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1912. – 1684 с.
30. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ: В 3 т. – Т. 3. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1847. – 488 с.
31. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.

32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
33. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.
34. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка – М.: Дрофа, 2000. – 399 с.
35. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
36. Шимкевич Ф. Корнесловь русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками: В 2 ч. – Ч.2. – СПб.: Типография. Императорской Академии Наукъ, 1842. – 167 с.
37. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
38. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 8. – М.: Наука, 1981. – 252 с.
39. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

References

1. Araeva L. A. *Evolyutsiya teorii polimotivatsii v rusistike* [The evolution of the theory of polymotivation in Russian studies] *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2005, no 3, pp. 13–19. Available from: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22373> (accessed 12 November 2024).
2. Babenko N. G., Steshenko M. A. *Poeticheskie novoobrazovaniya, motivirovannye onimami: funktsional'no-semanticheskii analiz* [Poetic neologisms motivated by onyms: functional-semantic analysis]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya. pedagogika, psikhologiya*, 2014, Issue. 8, pp. 32–37 Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskie-novoobrazovaniya-motivirovannye-onimami-funktsionalno-semanticheskii-analiz> (accessed 12 November 2024).
3. Bagrinovskii G. Yu. *Kratkii etimologicheskii slovar'* [Brief Etymological Dictionary]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 342 p.
4. Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniya i Nauki Publ., 2014. 48 p.
5. Borisova E. O. *Russkaya leksika so znacheniem bystry i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte: Dis. ...kand. filol. nauk* [Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic-motivational aspect. Thesis]. Ekaterinburg, 2016. 306 p.
6. Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, 1999. 1138 p.
7. Vrublevskaya O. V. *Yazykovaya moda v russkoi onomastike: Dis. ...dokt. filol. nauk* [Language fashion in Russian onomastics. Thesis]. Volgograd, 2017. 21 p.
8. Garadzha M. R. *Semanticheskaya istoriya slova «voskhitit'» v vostochnoslavianskikh yazykakh* [Semantic history of the word "to admire" in East Slavic languages]. *Khudozhestvennyi tekst v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve: traditsii i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov (materialy konferentsii)*. Simferopol', Vidavnichii dim KFU Publ., 2022. pp. 24–26.
9. Gorbushina I. A. *Slovoobrazovatel'noe i etimologicheskoe gnezdo slov ot praslavyanskogo kornya *ter- v russkom yazyke na slavyanskom fone: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Word-formation and etymological nest of words from the Proto-Slavic root *ter- in the Russian language on a Slavic background]. Moscow, 2016. 21 p.
10. Grigor'eva N. S. *Slovoobrazovatel'noe i semanticheskoe razvitie kornya *vēr- v istorii russkogo yazyka (na fone bolgarskogo yazyka): Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Word-formation and semantic development of the root *vēr- in the history of the Russian language. Abstract of thesis]. Samara, 2013. 19 p.
11. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 vol.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. 752 p.
12. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 vol.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. 672 p.

13. Zakharova Yu. G., Mel'nichenko E. V. *Etimologicheskoe gnezdo s kornem *mxr v russkom yazyke* [Etymological nest with the root *mxr in Russian]. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologicheskoe-gnezdo-s-kornem-mxr-v-russkom-yazyke/viewer> (accessed 12 November 2024)
14. Kolesov V. V. *Kontseptual'nyi analiz teksta: gosudarstvo i obshchestvo* [Conceptual analysis of the text: state and society]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, 2017, Vol. 14, Issue 3, pp. 389–406
15. Koshenkova N. E. *Etimologiya i semantika leksem s kornem -mudr- v russkom yazyke* [Etymology and semantics of lexemes with the root -мудр- in the Russian language]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2013, Vol. 26 (65), no 4, Ch. 2, pp. 257–263.
16. Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoi semantiki v russkoi yazykovoi traditsii: Dis. ...dokt. filol. nauk* [Models and spheres of representation of social-regulatory semantics in the Russian linguistic tradition. Thesis]. Ekaterinburg, 2015. 427 p.
17. Otin E. S. *Slovar' russkogo yazyka X–XVIII vekov* [Dictionary of the Russian language of the X–XVIII centuries]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 2014. 436 p.
18. Pyataeva N. V. *Problemy sovremennoi lingvistiki v kvalifikatsii i klassifikatsii leksicheskikh gnezd* [Problems of modern linguistics in the qualification and classification of lexical nests]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2013, pp. 284–290. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-lingvistiki-v-kvalifikatsii-i-klassifikatsii-leksicheskikh-gnezd/viewer> (accessed 14 November 2024)
19. Rusinova I. I. *Motivatsionnaya model' «Koldovat' ← khitrit', koldun ← khitryi chelovek» v russkikh govorakh* [The motivational model "To conjure ← to be cunning, a sorcerer ← a cunning person" in Russian dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2013, no 2 (22), pp. 25–30. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-model-koldovat-hitrit-koldun-hitryi-chelovek-v-russkikh-govorah/viewer> (accessed 14 November 2024)
20. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znachenii: V 6 vol.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 3. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 630 p
21. Sadykova I. V. *Derivaty praslavyanskogo kornya *slu- (k voprosu o semanticheskoi evolyutsii)* [Derivatives of the Proto-Slavic root *slu- (on the issue of semantic evolution)]. *Rusin*, 2018, no 52, pp. 126–140. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivaty-praslavyanskogo-kornya-slu-k-voprosu-o-semanticheskoy-evolyutsii/viewer> (accessed 14 November 2024)
22. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vyp. 11, Vologda, GOU VPO VGPU, Rus' Publ., 2005. 220 p.
23. *Slovar' drevnyago slavyanskago yazyka, sostavlennyy po Ostromirovu Evangeliiyu, F. Mikloshichu, A. Kh. Vostokovu, Ya. I. Berednikovu i I. S. Kochetovu* [Dictionary of the Old Slavic language, comp. according to the Ostromir Gospel by F. Mikloshich, A. Kh. Vostokov, Ya. I. Berednikov and I. S. Kochetov]. Saint Petersburg, tip. A. S. Suvorina Publ., 1899. 946 p.
24. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 vol.* [Dictionary of the Russian language]. Ed by. A. P. Evgen'eva. Vol. 4. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1988. 800 p.
25. *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoi oblasti* [Dictionary of Russian dialects of the Novosibirsk region], sost. N. T. Bukhareva, L. G. Panin, L. V. Petropavlovskaya i dr.]. Ed by A. I. Fedorova. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1979. 605 p.
26. *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region]. Ed by I. A. Podyukov, E. N. Svalova, S. V. Khorobrykh, A. V. Chernykh. Vyp. III (RA–YaT"). Perm', 2012. 502 p.
27. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Comp. Yu. F. Denisenko, E. V. Kolos'ko. Ed by S. A. Myznikov. Vyp. 50. Khas–Khoglok. Moscow, Nauka Publ., 2017. 334 p.
28. *Slovar' staroslavianskogo yazyka. Repr. izd.: v 4 vol.* [Dictionary of the Old Church Slavonic language. Rep. ed.]. Vol. 4. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ., 2006. 1054 p.
29. *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk: v 4 vol.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4. Sanktpeterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1912. 1684 p.

30. Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 vol.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 3, Sanktpeterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1847. 488 p
31. *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic Dictionary (based on manuscripts from the 10th–11th centuries)]. Ed by R. M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999. 842 p.
32. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
33. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 vol.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999. 560 p.
34. Shanskii N.M., Bobrova T.A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [School Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 399 p.
35. Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Brief Etymological Dictionary of the Russian Language]. Ed by S. G. Barkhudarova. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.
36. Shimkevich F. *Korneslov russkogo yazyka, sravnennago so vsemi glavneishimi slavyanskimi narechiyami i s dvadtsat'yu chetyr'mya inostrannymi yazykami: v 2 ch.* [A root dictionary of the Russian language, compared with all the main Slavic dialects and with twenty-four foreign languages]. Ch.2. Sanktpeterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1842. 167 p.
37. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Comp. G. A. Krylov. Saint Petersburg, Poligrafuslugi Publ., 2005. 432 p.
38. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Ed. by. O. N. Trubachev. Vyp. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 252 p.
39. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Comp. A. K. Shaposhnikov. Vol. 2. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 576 p.

MOTIVATIONAL MODELING OF DERIVATIVES OF THE ROOT-BASIS -HIT IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Valeeva L. V.

The article systematically presents and describes the vectors of semantic development and rethinking of derivatives of the root-base HIT- in the history of the Russian language. Modeling the motivational connections of derivatives includes several stages. At the first stage, using etymological analysis, the archiseme of the proto-form (proto-root) ХИТ-/ХЫТ «make one's own, appropriate» was identified. Then, the methods of development of the semantics of derivatives in the diachronic aspect were identified. The main methods include the expansion of the semantic structure by introducing additional semes (“to take away quickly / suddenly / without the owner’s knowledge”), as well as the replacement and loss of semes, which leads to a serious restructuring of the internal form of the word. Four vectors of formation and development of semantic models with strong, weakened or lost motivational connections are identified. The first vector demonstrates a strong motivational connection with the proto-form (verbs *kidnap, theft*, etc.). The second vector transmits the weakening and loss of the motivational connection, the formation of independent semantic centers *cunning, predatory*. The third vector implements evaluative modifications and is characterized by a weakening of the connection. The fourth vector takes into account the ethnolinguistic specificity of the functioning of the derivative vocabulary of the proto-root HIT- and records the gap between the internal form of the derivative and the proto-root. The study was conducted on lexicographic material representing language units according to different temporal, cultural, socio-political and territorial features.

Keywords: semantic model, Russian language, diachrony, motivation, derivative, etymology, semantic structure, cunning, predatory.

УДК 81'42

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-138-149

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Россия
E-mail: lilian2000@mail.ru; lena-yakovleva81@mail.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей коммуникативного поведения представителей русско- и англоязычных лингвокультур в социально-политических ток-шоу в ситуации диалога-конфликта. Для установления особенностей коммуникативного поведения англо- и русскоязычных участников социально-политических ток-шоу в диалоге-конфликте и создания его параметрической модели была принята за основу работа И. А. Стернина «Модели описания коммуникативного поведения», предлагающую модели системного описания коммуникативного поведения народа, группы или личности посредством контрастивных исследований. При помощи контрастивной методики проведено сравнение параметров и факторов коммуникативного поведения представителей англо- и русскоязычных лингвокультурных общностей и выявлены их общие и дифференциальные черты. Установлено, что специфику речевой организации построения политического дискурса и коммуникативное поведение индивидуума в диалоге-конфликте составляют национально-культурные особенности языкового сообщества, такие как социокультурная организация общества и доминирующие культурные ценности.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, диалог-конфликт, социально-политическое ток-шоу, параметрическая модель поведения.

ВВЕДЕНИЕ

Любая культура опирается на систему ценностей, которые являются жизненными ориентирами ее представителей. Большинство социальных ценностей являются общечеловеческими, но степень их значимости варьируется в зависимости от типа культуры. Рассматривая менталитет участников политического дискурса как систему ценностей и установок, особое внимание следует уделить ее языковому аспекту. Известно, что менталитет определяется социальными условиями и характеризуется языковыми особенностями нации, в то время как язык оказывает значительное влияние на социальный менталитет и ментальность личности. Языковая установка имеет психический и социально-культурный характер. В коммуникации язык выступает не только средством общения, но и способом выражения образа мышления народа и несет в себе культурно-этические ценности, нормы поведения, принятые в определенном языковом сообществе. В центре нашего внимания находятся обусловленные социокультурными особенностями факторы и параметры, характеризующие общие и дифференциальные черты коммуникативного поведения англо- и русскоязычных участников социально-политических ток-шоу в диалоге-конфликте.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется повышенным интересом к медиадискурсу в целом и к телевизионным ток-шоу в частности как объекту различных научных направлений – политологии, культурологии, журналистики, теории коммуникации, политической лингвистики, психолингвистики и др. Стоит также

отметить, что политические ток-шоу в большинстве случаев освещают наиболее злободневные, порой остро «модные» темы, обсуждение которых требует особого эмоционального накала, что отражается в коммуникативном поведении участников и проявляет их лингвокультурные особенности.

Целью работы является разработка параметрической модели коммуникативного поведения участников русско- и англоязычных социально-политических ток-шоу на основе выявления общих и дифференциальных признаков менталитета, влияющих на их коммуникативное поведение в диалоге-конflikте.

С целью регистрации конфликтного речевого поведения участников социально-политических ток-шоу нами было проведено исследование иллюстративного материала, включающего в себя фрагменты социально-политических ток-шоу, содержащие диалоги-конflikты. Для исследования были выбраны социально-политические ток-шоу, выходящие в эфир России, США и стран Европы с 2018 по 2024 год: *Время покажет* (Россия), *Прямой эфир* (Россия), *Место встречи* (Россия), *60 минут* (Россия), *Вечер с Владимиром Соловьёвым* (Россия), *Соловьёв Live* (Россия), *Кто против?* (Россия); *The McLaughlin Group* (USA), *Face the Nation* (USA), *Conflict Zone* (Germany), *Debate Night* (Scotland), *The Daily Show* (USA), *60 Minutes* (Australia), *The Debate* (USA), *France 24 English* (France). Выбранные для анализа социально-политические ток-шоу объединяет общая социально-политическая тематика, схожие жанровые характеристики, популярность среди аудитории, высокие рейтинговые показатели просмотров.

Для проведения исследования использовался иллюстративный материал, включающий 600 конфликтных дискурсивных актов (300 русско- и 300 англоязычных) разной степени выраженности и направленности, выделенный из вышеперечисленных ток-шоу.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследованию коммуникативного поведения посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых, как, например: В. И. Карасик, Н. А. Лемяскина, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин, М. А. Стрельникова, Н. И. Формановская, К. М. Шилихина, P. L. Berger, W. Gudykunst, E. T. Hall, G. H. Mead, J. W. Neulier и др. [6; 8; 9; 13; 15; 17; 18; 19; 21; 23; 26; 32]. Особый интерес для исследователей представляет изучение национальной специфики коммуникативного поведения, как культурно-обусловленного коммуникативно-психологического феномена. Как пишет Тер-Минасова С. Г., «Язык – это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию» [16, с. 164]. На сегодня существуют различные классификации типов культуры личности в связи с национальным характером: по ценностным характеристикам; по толкованию категории времени (монохромные и полихромные); по плотности информационных сетей в процессе коммуникации (высококонтекстные и низкоконтекстные) [цит. по: 24, с. 576]; по ментальным программам (дистанция власти, коллективизм / индивидуализм, маскулинность / феминность; по стратегия мышления (ориентированность на прошлое или будущее) [19, с. 323]; по соотношению человек – природа [25, с. 1572] и т. д.

При анализе коммуникативного поведения представителей различных культур необходимо уделить особое внимание такому аспекту, как национальный образ мира. Г. Д. Гачев пишет: «Русский ум начинает с некоторого отрицания, отвержения... Оттолкнувшись в критике и так разогревшись на мысль, начинает уже шуровать наш ум в поиске положительного решения-ответа... Мир удивляется: как это у нас критика и полемика такая жестокая и страстная между собой: западники и славянофилы, народники и марксисты, демократы и партюкраты... А я это так понимаю – как необходимый разогрев: в промозглом космосе мати сырой земли, чтобы не свалиться на обломовский диван, на успенье в медвежью берлогу иль в запой, все средства хороши – в том числе и разогрев злости...» [4, с. 432]. В свою очередь З. В. Сикевич указывает на полемичность русской мысли, которая проявляет себя в противопоставлении, а не сравнении в духе классической логики, а также на характерный для русского сознания нравственный радикализм [12, с. 147–164]. И. А. Стернин отмечает «коллективность» общения, стремление включить в общение всех присутствующих и включаться в уже идущее общение [13, с. 185]. Р. Райтмар назвала русскую культуру *Einmischungskultur*, т. е. «культурой вмешательства» [11, с. 272]. В работе К. Касьяновой утверждается, что одной из составляющих русского национального характера «судейский комплекс», который она определяет, как апелляцию «к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным; это – элиминирование при вынесении оценки собственных чувств, расчетов и ссылок на пользу» [5, с. 118–131]. Из сказанного можно сделать вывод, что русскому коммуникативному поведению в большей степени присуща конфронтационность, чем гармония и компромисс.

Что касается коммуникативного поведения англоязычных участников диалога-конflikте, то А. Вежбицка настаивает на том, что англо-саксонская культура «обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как «эмоциональное», с подозрением и смущением... Англичанам не свойственно «отдаваться» чувствам...» [2, с. 99–112]. Исследователь отмечает, что «в англоязычной культуре упор делается на ценности компромисса, гармонии в споре, на равновесии между свободой выражения несогласия и поиска согласия» [2, с. 99–112]. Некоторые американские ученые говорят о наметившейся тенденции к стремлению разрушить американские стереотипы о коммуникации, касающиеся чувств, эмоций и мнений. Авторы указывают на то, что устоявшаяся точка зрения, согласно которой «чувства и переживания часто воспринимаются как нечто опасное, вредное, как то, чего надо стыдиться» [20, с. 644], является неверной и ведет к неэффективному межличностному общению.

Степень эмоциональности в процессе коммуникативного взаимодействия зависит от типа культуры и культурных ценностей лингвокультурных общностей и существенно отличается у представителей англо- и русскоязычной культур. Эту мысль подтверждает В. Карасик: «Выставлять напоказ проявление интимных чувств могут только люди, привыкшие жить в тесном коллективе» [7, с. 477]. У русскоязычных коммуникантов, которые являются представителями контактного типа культуры, принято открытое проявление чувств и эмоций, что сказывается на их коммуникативном поведении, как вербальном, так и невербальном. В отличие от русскоязычных участников ток-шоу, англоязычные коммуниканты стараются

проявлять эмоциональную сдержанность и контроль в диалоге-конflikте, практически не применяя доминирующие речевые стратегии и не допуская проявлений речевой агрессии в ходе диалога.

При анализе коммуникантов следует также учитывать и тот факт, что поведенческие стереотипы коммуникантов базируются на горизонтальной или вертикальной дистанции и зависят от статуса и социальных ролей коммуникантов. Они являются одним из основополагающих факторов в выборе коммуникативных стратегий поведения участников социально-политических ток-шоу. Как показывает анализ фактического материала, между участниками и ведущими русскоязычных социально-политических ток-шоу возникает асимметрия взаимоотношений, которая выражается в иерархичности позиций гостей программы. В то же время речевое поведение англоязычных акторов демонстрирует высокую степень неформальности по сравнению с русскоязычными коллегами, обусловленную фактором дистанции власти. По мнению А. Вежбицкой, личная автономия является одной из важнейших черт современного англоязычного общества и является «не описательным, а идеологическим термином» [3, с. 160–177]. Она выражается в соблюдении межличностной дистанции и в избегании оказания давления на собеседника в процессе коммуникативного взаимодействия; в сохранении личного пространства и толерантности к поведению собеседника.

Представители русскоязычной культуры стремятся директивно регулировать и корректировать коммуникативное поведение окружающих при помощи экспрессивных речевых актов, в то время как англоязычные коммуниканты стараются этого избегать, чтобы не допустить нарушение суверенитета личности. В связи с этим стратегии и тактики, корректирующие поведение собеседника, практически отсутствуют в англоязычном диалоге-конflikте. Преобладающей чертой вербального коммуникативного поведения представителей англоязычных культур является коммуникативная импозитивность, что характеризуется редким применением стратегии коммуникативного насилия, включающей тактики психологического давления, критики, навязчивых советов, оскорбления, угрозы, аккузативных дискурсивных актов, целью которых является дискредитация оппонента.

В процессе исследования конфликтного невербального поведения участников социально-политических ток-шоу, как компонента коммуникативного поведения личности при помощи методов наблюдения и визуального анализа нами была проведена регистрация и анализ их жестомимических характеристик.

В основу нашей работы положено исследование И. А. Стерниним модели описания коммуникативного поведения [14, с. 52]. По мнению автора, построение параметрической модели описания коммуникативного поведения должна включать такие этапы:

1. Очерк основных черт национального менталитета и национальной концептосферы, определяющих коммуникативное поведение народа.
2. Параметрическое описание коммуникативного поведения участников диалогов-конflikтов последовательно характеризуется факторам и параметрам.
3. Описание особенностей коммуникативного поведения англо- и русскоязычных, участников социально-политических ток-шоу.

Применительно к нашему исследованию теоретический аппарат описания коммуникативного поведения участника социально-политического ток-шоу включает такие факторы: *коммуникативное поведение* – это вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности в диалоге-конflikте, обусловленное нормами и традициями определенного социума, *лингвокультурная общность* – группа людей, объединенная общими историческими, культурными и языковыми традициями; *коммуникативное действие* – единица описания коммуникативного поведения, отдельное типовое высказывание, невербальный сигнал, комбинация вербального и невербального сигналов и т.д. в рамках того или иного коммуникативного параметра, *параметр коммуникативного поведения* – совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение индивидов, представителей сопоставляемых лингвокультур [10, с. 328], *коммуникативный фактор* – совокупность сходных коммуникативных параметров, наиболее обобщенная единица описания коммуникативного поведения.

За единицу исследования коммуникативного поведения мы приняли *высказывание* как минимальную коммуникативную единицу дискурса. Для изучения невербального поведения нами были собраны видеоматериалы, включающие 600 фрагментов социально-политических ток-шоу, содержащие русско- и англоязычные диалоги-конflikты, в которых были выявлены, зафиксированы и проанализированы наиболее ярко выраженные кинемы рук и лица, сопровождающие высказывания участников телепрограмм.

При помощи сравнительно-сопоставительного метода были выявлены основные экстралингвистические и лингвистические факторы, влияющие на функционирование диалога-конflikта в дискурсивном пространстве, а также были установлены общие и дифференциальные признаки диалога-конflikта в обоих языках. Мы согласны с мнением И. А. Стернина о том, что «описание коммуникативного поведения в жестких терминах, как правило, оказывается невозможным – большинство параметров обычно не поддается жесткому ранжированию» [14, с. 52]. Сопоставительный характер описания также побуждает использовать особые единицы метаязыка, определяющих степень выраженности или частотности того или иного параметра. Параметры описания вербального поведения варьируются в зависимости от степени *частотности*: *высокая, повышенная, заметная, невысокая, низкая, отсутствует*. Параметры описания невербального поведения варьируются по степени частотности: *высокая, заметная, низкая*.

В результате анализа иллюстративного материала нами были получены следующие данные:

Для определения числовых показателей было подсчитано количество высказываний, реализующих некооперативные тактики в диалогах-конflikтах. Было установлено, что в русскоязычных диалогах-конflikтах лидирующими тактиками являются: тактика прерывания дискуссии – 47 (15%) тактика убеждения – 20 (6,6%) тактика внушения – 31 (10,3%), тактика провокационного вопроса – 25 (8,3%), тактика приведения примера – 22 (7,3%), Тактика подачи информации через средства образности и выразительности – 21 (7%), тактика оценивания – 16 (5,3%), тактика обвинения – 16 (5,3%), тактика смены темы – 12 (4%), тактика повторения – 12 (4%).

В англоязычных диалогах-конфликтах лидирующими тактиками являются: тактика убеждения – 77 (25,6%), тактика прерывания дискуссии – 50 (16%), тактика несогласия – 22 (7,3%), тактика смены темы – 20 (6,6%), тактика провокационного вопроса – 16 (5,3%), тактика приведения примера 30 (10%), тактика внушения – 20 (6,6%), тактика риторического вопроса – 14 (4,6%), тактика ссылки на авторитет – 14 (4,6%), тактика повторения – 13 (4,3%).

Для описания вербального коммуникативного поведения была разработана шкала, позволяющая сравнить факторы и параметры, характеризующие общие и дифференциальные черты коммуникативного поведения представителей англо- и русскоязычных лингвокультур.

Таблица 1. Шкала оценки частотности факторов и параметров, реализующих диалог-конфликт

Частотность использования вербальных факторов и параметров	Числовое значение
высокая	31 и выше
повышенная	21–30
заметная	11–20
низкая	1–10
отсутствует	0

В ходе исследования мы выявили самые частотные некооперативные стратегии, применяемые в диалогах-конфликтах.

Таблица 2. Частотность применения некооперативных стратегий в диалого-конфликте

Наименование стратегий	Русский	Английский
Стратегия контроля над инициативой	87 (29%)	112 (37,3%)
Стратегия дискредитации	75 (25%)	14 (4,6)
Манипулятивная стратегия	136 (45,3)	158 (52,6%)
Стратегия аргументации	28 (9,3%)	61 (20,3%)
Стратегия коммуникативного насилия	39 (13%)	не выявлено

Речевые стратегии, реализуемые участниками социально-политических ток-шоу, в русскоязычном варианте оформляются посредством более категоричных и прямых высказываний, в то время как американскому англоязычному устному политическому дискурсу свойственны смягченные конструкции и различные формы вежливости. Русскоязычные ток-шоу характеризуются высокой эмоциональностью, экспрессивностью, спонтанностью высказываний, англоязычный устный политический дискурс, напротив, является прагматичным, сдержанным, выражаемые политическими акторами доводы чаще подкрепляются аргументацией.

С целью определения частотности применения паралингвистических единиц в диалого-конфликте нами было определено числовое соотношение использования интенсивных жестомимических и интонационных средств русско- и англоязычными коммуникантами. При таком подходе собранный нами материал представляется в цифрах, представленных в табл. 2.

Таблица 3. Частотность применения паралингвистических единиц в диалоге-конфликте

Паралингвистические единицы	Русский	Английский
	Числовое значение	
Жесты	536	317
Мимика	270	420
Интонационные средства	357	517

Таблица 4. Шкала оценки частотности невербальных факторов и параметров, реализующих диалог-конфликт

Частотность использования вербальных факторов и параметров	Числовое значение
высокая	400 и выше
заметная	300-400
низкая	200-300

Горизонтальная и вертикальная дистанции являются основополагающими факторами формирования поведенческих стереотипов коммуникантов. Англоязычная культура является дистантной, а русскоязычная – контактной. Эта разница обуславливает различие в коммуникативном поведении представителей этих культур. Значимым фактором является индивидуализм / коллективизм. Русскоязычным культурам присуща коллективистская идеология, они характеризуются низким уровнем дистанции, в отличие от англоязычных. Англоязычные культуры признаны исследователями наиболее индивидуалистическими, что также сказывается на коммуникативном поведении представителей данных лингвокультур.

Сравнив и проанализировав параметры и факторы коммуникативного поведения, исходя из полученных результатов исследования, мы разработали *Параметрическую модель коммуникативного поведения участников русско- и англоязычных социально-политических ток-шоу в диалоге-конфликте.*

Таблица 5. Параметрическая модель коммуникативного поведения участников русско- и англоязычных социально-политических ток-шоу в диалоге-конфликте

	Коммуникативное поведение	Язык		
		Русский	Английский	
Параметры	Фактор	Степень выраженности		
	РЕГУЛЯТИВНОСТЬ			
	стремление к модификации поведения собеседника	высокая	низкая	
	навязывание собственного мнения	заметная	низкая	
	прерывание дискуссии	высокая	высокая	
	смена темы	заметная	заметная	
	ВОЗМОЖНОСТЬ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА			
	замечание	заметная	отсутствует	

обвинение	средняя	низкая
осуждение	заметная	низкая
ирония	заметная	низкая
ВОЗМОЖНОСТЬ МАНИПУЛИРОВАНИЯ		
внушение	высокая	заметная
убеждение	заметная	высокая
провокационный вопрос	повышенная	заметная
АРГУМЕНТИРОВАННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ		
приведение примера	повышенная	повышенная
ссылка на авторитет	низкая	заметная
пояснение	низкая	заметная
ВОЗМОЖНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО НАСИЛИЯ		
оскорбление	низкая	отсутствует
жесткая критика	заметная	отсутствует
угроза	заметная	отсутствует
АКТИВНОСТЬ ЖЕСТИКУЛЯЦИИ		
интенсивность жестикуляции	высокая	заметный
размах жестикуляции	высокий	заметный
ВЫРАЖЕННОСТЬ МИМИКИ		
интенсивность	заметный	высокий
ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА		
интенсивность	заметный	высокий

Данная таблица указывает, что общие признаки коммуникативного поведения проявляются частично в регулятивности, а именно: в высокой степени прерывании диалога-конфликта, в то время как остальные параметры демонстрируют различное коммуникативное поведение участников. Отметим, что русскоязычные акторы демонстрируют повышенную степень выраженности регулятивности, возможности манипулирования и активности жестикуляции; англоязычные – интонационных средств и аргументированности высказывания. При этом возможность коммуникативного насилия, которая в малой степени присутствует в русскоязычных ток-шоу, у англоязычных участников полностью отсутствует.

ВЫВОДЫ

Представленная нами параметрическая модель коммуникативного поведения русско- и англоязычных акторов социально-политических ток-шоу позволяет сделать следующие выводы:

Фактор *Регулятивность*, выраженный в параметрах: стремление к модификации поведения собеседника, навязывание собственного мнения, прерывание дискуссии, смена темы, имеет значительную разницу в показателях степени выраженности, что говорит о большей степени директивности русскоязычных коммуникантов в диалоге-конфликте.

Фактор *Возможность дискредитации оппонента* имеет более высокую степень выраженности в русскоязычных диалогах-конфликтах, что обусловлено допустимостью применения стратегии коммуникативного давления в контактном типе культур.

Фактор *Возможность манипулирования* не имеет существенной разницы в выраженности показателей параметров, что говорит о высокой степени манипулятивности диалогов-конфликтов в обоих вариантах диалогов конфликтов.

Фактор *Аргументированность высказывания* имеет повышенные показатели степени выраженности в англоязычном диалоге-конфликте, что обосновано культурными, историческими и социальными особенностями лингвокультурной общности, такими как: традиции парламентской демократии, ценность личного мнения, ценность индивидуальных точек зрения и взглядов, акцентированность СМИ на анализе информации и аргументации, структурированность английского языка.

Фактор *Возможность коммуникативного насилия*, выраженный параметрами оскорбления, жесткая критика и угроза имеет заметную степень выраженности в русскоязычных диалогах-конфликтах. В англоязычном варианте данный фактор не выявлен, что говорит о высокой степени импозитивности англоязычных коммуникантов.

Фактор *Активность жестикуляции* имеет повышенные показатели у русскоязычных участников ток-шоу. Следует отметить, что сдержанность англоязычных участников ток-шоу в жестикуляции компенсируется разнообразием тембровых оттенков и мимических средств, передающих эмоции, настроение и внутреннее состояние коммуниканта.

Результаты исследования наиболее релевантных факторов и параметров коммуникативного поведения указывают на повышенную степень конфликтности, коммуникативной эмоциональности, допустимости коммуникативного давления в русскоязычных вариантах социально-политических ток-шоу, в то время как англоязычные диалоги – конфликты имеют высокую степень импозитивности и чаще подкреплены аргументацией.

На специфику речевой организации построения политического дискурса и коммуникативное поведение индивидуума в диалоге-конфликте влияют национально-культурные особенности языкового сообщества, такие как социокультурная организация общества и доминирующие культурные ценности. Такие параметры культур, как *дистанция власти, индивидуализм / коллективизм*, являются одними из основных факторов, определяющих социальные взаимоотношения между собеседниками. Данные параметры обуславливают коммуникативное поведение личности, ее доминирующие коммуникативные стратегии, особенности национальных стилей коммуникации в диалоге-конфликте, структурные и коммуникативно-прагматические особенности отдельных высказываний.

Список литературы

1. *Басовская Е. Н.* Стилистика и литературное редактирование: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – 211 с.
2. *Вежбицкая А.* Речевые жанры // *Жанры речи.* – 1997. – №1. – С. 99–112.
3. *Вежбицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // *Жанры речи.* – 1999. – № 2. – С. 160–177.
4. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
5. *Касьянова К. О.* О русском национальном характере // *Социальные и гуманитарные науки.* – 1995. – № 3. – С. 118–131.
6. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 1991. – 388 с.
7. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 477 с.

8. *Лемяскина Н. А.* Развитие языковой личности и коммуникативного сознания: Автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2004. 40 с.
9. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 2003. – 224 с.
10. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта, 2007. – 328 с.
11. *Райтмар Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – Калуга: ГУП «Облиздат», 2003. – 272 с.
12. *Сикевич З. В.* Национальное самосознание русских // Социологический очерк. – 1996. – № 3. – С. 147–164.
13. *Стернин И. А.* Очерк американского коммуникативного поведения. – Воронеж: Истоки, 2003. – 185 с.
14. *Стернин И. А.* Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж: Гарант, 2000. – 52 с.
15. *Стрельникова М. А.* Коммуникативное поведение интервьюера и интервьюируемого в русской и американской коммуникативных культурах: Автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2005. – 20 с.
16. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 164 с.
17. *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 161 с.
18. *Шилихина К. М.* Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативной культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Воронеж, 1999. 20 с.
19. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge, Doubleday & Company. – New York, 1996. – 323 p.
20. *Gamble T. Kw., Gamble M.* Communication works. – New York, 1990. – 644 p.
21. *Gudykunst W.* Cross-cultural and intercultural communication. – California, 2003. – 302 p.
22. *Gudykunst W., Mody B. M.* Handbook of International and Intercultural Communication. – 2nd edition. – Thousand Oaks: SAGE Publications Inc., 2001. – 606 p.
23. *Hall E. T.* Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. – Boston: Intercultural Press INC, 1990. – 232 p.
24. *Hofstede G.* Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural cooperation and its importance for survival. – New York: HarperCollins 1991. – 576 p.
25. *Khaliq F., Parimoo D., Hasan F. Q.* Impact of High context. Low context Culture on Corporate Communication in MNCs // International Journal of Engineering Technology Science and Research. – 2018. – Vol. 5. Issue 3. – 1572 p.
26. *Mead G. H.* The Social Self. Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. – 1913. – Vol. 10. – pp. 374–380.
27. *Mead G. H.* The Philosophy of the Present. – Chicago: Open Court, 1932. – 251 p.
28. *Mead G. H.* Mind, Self and Society. – Chicago: University of Chicago Press Publ., 1934. – 401 p.
29. *Mead G. H.* The Philosophy of the Present. – Chicago, Open Court Publ., 1972. – 437 p.
30. *Mead G. H.* Philosophy of the Act. – Chicago: University of Chicago Press Publ., 1938. – 696 p.
31. *Meyer E.* The Culture Map. Decoding how people think, lead, and get things done across cultures. – New York: Hachette Book Group, 2016. – 236 p.
32. *Neuliep J.W.* Intercultural Communication: A Contextual Approach. – Thousand Oaks: SAGE, 2012. – 435 p.

References

1. *Basovskaja E. N.* *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Stylistics and literary editing: a textbook for universities]. Moscow, Jurajt Publ., 2024. 211 p.
2. *Vezhbickaja A.* *Rechevye zhanry* [Speech genres]. *Zhanry rechi*, 1997, no. 1, pp. 99–112.
3. *Vezhbickaja A.* *Kul'turno-obuslovlennnye scenarii: novyj podhod k izucheniju mezhkul'turnoj kommunikacii* [Culturally conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. *Zhanry rechi*, 1999, no. 2, pp.160–177.
4. *Gachev G. D.* *Nacional'nye obrazy mira: Kurs lekcij* [National images of the world: A course of lectures]. Moscow, Akademija Publ., 1998. 432 p.
5. *Kas'janova K. O.* *O russkom nacional'nom haraktere* [About the Russian national character]. *Social'nye i gumanitarnye nauki*. 1995, no. 3, pp. 118–131.
6. *Karasik V. I.* *Jazyk social'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Gnozis Publ., 1991. 388 p.

7. Karasik V. I. *Jazykovej krug: lihnost', koncepty, diskurs* [Language circle: dashing, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 477 p.
8. Lemjaskina N. A. *Razvitie jazykovej lihnosti i kommunikativnogo soznaniya: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Development of linguistic personality and communicative consciousness. Abstract of thesis]. Voronezh, 2004. 40 p.
9. Prohorov Ju. E. *Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow, 2003. 224 p.
10. Prohorov Ju. E., Sternin I. A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow, Flinta Publ., 2007. 328 p.
11. Rajtmar R. *Pragmatika izvinenija: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka i russkoj kul'tury* [Russian Russian Apology Pragmatics: A comparative study based on the material of the Russian language and Russian culture]. Kaluga, GUP Oblizdat Publ., 2003. 272 p.
12. Sikevich Z. V. *Nacional'noe samosoznanie russkikh. Sociologicheskij ocherk* [National identity of Russians. A sociological essay]. 1996, no. 3, pp. 147–164.
13. Sternin I. A. *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedenija* [An Essay on American Communicative Behavior]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 185 p.
14. Sternin I. A. *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedenija* [Models for describing communicative behavior]. Voronezh, Garant Publ., 2000. 52 p.
15. Strel'nikova M. A. *Kommunikativnoe povedenie interv'juera i interv'juiruemogo v russkoj i amerikanskoj kommunikativnyh kul'turah: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [The communicative behavior of the interviewer and the interviewee in Russian and American communicative cultures. Abstract of thesis]. Voronezh, 2005. 20 p.
16. Ter-Minasova S. G. *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 164 p.
17. Formanovskaja N. I. *Rechevoj jetiket i kul'tura obshhenija* [Speech etiquette and communication culture]. Moskva, Vysshaja shkola Publ., 1989. 161 p.
18. Shilihina K. M. *Verbal'nye sposoby modifikacii povedeniya i emocional'no-psihologicheskogo sostoyaniya sobesednika v rossijskoj i amerikanskoj kommunikativnoj kul'turah: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Verbal ways of modifying the behavior and emotional and psychological state of the interlocutor in Russian and American communicative cultures. Abstract of thesis]. Voronezh, 1999. 20 p.
19. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Doubleday & Company. New York, 1996. 323 p.
20. Gamble T. Kw., Gamble M. *Communication works*. New York, 1990. 644 p.
21. Gudykunst W. *Cross-cultural and intercultural communication*. California, 2003. 302 p.
22. Gudykunst W., Mody B. M. *Handbook of International and Intercultural Communication*. 2nd edition. Thousand Oaks, SAGE Publications Inc., 2001. 606 p.
23. Hall E. T. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*. Boston, Intercultural Press INC, 1990. 232 p.
24. Hofstede G. *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural cooperation and its importance for survival*. New York, HarperCollins 1991. 576 p.
25. Khaliq F., Parimoo D., Hasan F. Q. *Impact of High context. Low context Culture on Corporate Communication in MNCs. International Journal of Engineering Technology Science and Research*, 2018, Vol. 5, Issue 3, 1572 p.
26. Mead G. H. *The Social Self. Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 1913, Vol. 10, pp. 374–380.
27. Mead G. H. *The Philosophy of the Present*, Chicago, Open Court, 1932. 251 p.
28. Mead G. H. *Mind, Self and Society*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1934. 401 p.
29. Mead G. H. *The Philosophy of the Present*. Chicago, Open Court Publ., 1972. 437 p.
30. Mead G. H. *Philosophy of the Act*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1938. 696 p.
31. Meyer E. *The Culture Map. Decoding how people think, lead, and get things done across cultures*. New York, Hachette Book Group, 2016. 236 p.
32. Neuliep J.W. *Intercultural Communication: A Contextual Approach*. Thousand Oaks, SAGE, 2012. 435 p.

**PARAMETRIC DESCRIPTION OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF
RUSSIAN- AND ENGLISH-SPEAKING PARTICIPANTS OF SOCIO-POLITICAL TALK
SHOWS IN CONFLICT DIALOGUE**

Dolgopolova L. A., Yakovleva E. P.

The focus of our attention is the communicative behavior of participants in socio-political talk shows in a conflict dialogues, as representatives of Russian- and English-speaking linguistic and cultural communities. Despite the large number of works devoted directly to the systemic description of communicative behavior, there are no working models at the moment, that would describe this phenomenon comprehensively. In modern research, scientists give preference to the anthropocentric paradigm, which defines a communicative personality as a generalized image of an individual possessing a set of linguistic and behavioral characteristics, as well as values, knowledge, attitudes and behavioral reactions determined by historical and sociocultural factors. In order to he characteristics and create a parametric model of the communicative behavior of English- and Russian-speaking participants in socio-political talk shows in dialogue-conflict, we took as a basis the work of I. A. Sternin "Models for describing communicative behavior", offering models for a systematic description of the communicative behavior of people, groups and personality through contrastive research. From illustrative material, including scripts of socio-political talk shows, on an empirical basis, we identified communicative features, which were systematized and generalized into parameters, and the parameters into factors. Using a contrastive methodology, we compared the parameters and factors of communicative behavior of representatives of English- and Russian-speaking linguistic and cultural communities and identified their common and differential features, which resulted in the development of a parametric model for describing communicative behavior.

Keywords: communicative behavior, linguistic and cultural community, factors and parameters of communicative behavior, dialogue-conflict, socio-political talk show.

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'42:316.772.2:316.613.4(811.512.1)

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-150-159

ПЛАЧ КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Асанова З. А.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Россия
E-mail: zera_asan@mail.ru*

Статья посвящена анализу лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоций при помощи плача. Подборка примеров осуществляется из крымскотатарских художественных произведений, что демонстрирует активное функционирование данных лексических единиц языке. Исследование позволяет изучить специфику передачи писателями ощущаемых персонажами эмоций, чувств. В результате исследования выявлены основные лексические единицы, с помощью которых описывается эмоциональная реакция персонажа в крымскотатарском языке. Всего было выделено 25 неоднословных лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоций через плач, в том числе с опорным компонентом *агъламакъ* 'плакать', *козьяшлар* 'слезы'. Статья представляет первое исследование, в котором проведён анализ лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоций при помощи плача с подборкой примеров из крымскотатарских художественных произведений. **Ключевые слова:** крымскотатарский язык, лексические единицы, невербальное общение, плач, художественные произведения.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая репрезентация невербальных средств коммуникации остается одним из наиболее востребованных предметов исследований в языкознании. Плач как элемент невербального проявления эмоций в языкознании является малоизученным. Невербальная коммуникация визуализирует эмоции и чувства человека, это своего рода реакция тела, лица на происходящие в его жизни события.

Цель исследования – провести анализ неоднословных лексических единиц с опорными компонентами *агъламакъ* 'плакать', *козьяшлар* 'слезы', выражающими плач, которые, в свою очередь, транслируют невербальное проявление эмоций на примере крымскотатарских художественных произведений.

Материалом исследования стало свыше 300 языковых единиц, отобранных методом сплошной выборки из художественных произведений на крымскотатарском языке [2; 3; 5; 10; 12; 14].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В теории к фундаментальным эмоциям, возникшим в ходе эволюции человека, причисляют радость, печаль, страх, интерес, удивление, гнев, отвращение, презрение, стыд, вина. Каждая из эмоций связана с определенными психическими переживаниями и, соответственно, проявляется через характерную для данной эмоции мимику. Эмоции оказывают влияние на мотивационную сферу человека и

способствуют его биологической и социальной адаптации [9]. Эмоции могут возникать как в результате реальных, так и в результате воображаемых событий. Количественный и качественный состав базовых / фундаментальных эмоций в психологии отличен. Например, К. Изард предлагает наиболее полный список, включающий 10 эмоций, перечисленных нами ранее, тогда как П. Экман относит к базовым только 7, такие как гнев, отвращение, презрение, страх, радость, печаль, удивление [9; 13].

Эмоции можно разделить на первичные эмоции, которые возникают в ответ на непосредственные раздражители, а также на вторичные эмоции, формирующиеся в результате оценки обстоятельств. К числу вторичных эмоций относятся стыд, гнев, зависть и сострадание. Эти чувства связаны с нашими ценностями, ожиданиями и социальными нормами, которые мы усвоили в процессе социализации. Первичные эмоции, как правило, сопровождаются ярко выраженными физиологическими реакциями, такими как учащение пульса или повышение уровня адреналина в крови, слезами. Они часто вызывают физические реакции, позволяющие нам быстро реагировать на угрозы или наслаждение. Обладают высокой информативностью и рассматриваются как важный канал коммуникативной функции.

Э. Сепир утверждает, что эмоции «склонны выражаться без слов, и в большинстве случаев такого инстинктивного проявления эмоциональных состояний оказывается достаточно» [11, с. 54]. Акцентируя внимание на значимости мимики и жестов в межличностной коммуникации, подчеркивает, что они точнее передают чувства и эмоции, чем вербальные средства.

Таким образом, для оценки эмоционального состояния индивида / персонажа можно опираться на определенные выразительные движения, сопровождающие эмоции. В естественных условиях эти движения происходят непроизвольно, подсознательно. Эмоции составляют мотивационную основу языковой коммуникации, формируя уникальную языковую категорию – категорию эмотивности, которая объединяет разнообразные языковые элементы, отражающие эмоциональное состояние говорящего и характеризующие его внутренние переживания.

Вербальный язык представляет собой универсальный инструмент, позволяющий человеку отражать окружающий мир. Объектом этого языка может выступать и невербальный язык. Некоторые номинативные единицы языка связаны с отражением жестов, мимики, поз и выражений лиц. В дальнейшем такие специализированные слова и фразы будут именоваться лексическими единицами (с указанием опорного компонента). Ученых-лингвистов интересует вопрос выражения эмоций посредством мимики и жестов. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [6], П. А. Абдулкаримова [1], А. Е. Волкова [7], Ю. В. Дмитриева [8] и др. изучают средства невербальной коммуникации и выражение с их помощью эмоционального состояния. В последнее время проводится анализ подобного рода лексических единиц в различных языках мира.

В трудах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова дается анализ невербального поведения индивида с лингвистической точки зрения. Ими исследуются формы вербального языка, которые отражают мимико-жестовое поведение, что позволяет показать национально-культурные особенности мимики и жестов, которые

демонстрируют общеязыковые способы их выражения на основе фиксирования лексических единиц (кинем) с соответствующими речевыми конструкциями [6].

Как отмечалось ранее, в языке существует значительный объем лексических единиц, которые на самом деле описывают не только сами жесты или мимику, но и скрытые эмоции. Это обобщение подразумевает, что понять национальную психологию человека напрямую невозможно; она может быть осознана лишь через анализ лексических единиц.

Психологизм присущ художественным произведениям, в частности и крымскотатарским [4]. Вербальные лексические единицы являются частью национальной культуры народа. Поступки героев играют ключевую роль в сюжете. Однако для замысла автора, а значит, и для подтекста произведения, не менее значимы мотивы этих поступков, а также цепь размышлений и душевных колебаний, приводящих персонажа к определенным действиям. Существуют отдельные затруднения в толковании мимики. Для понимания эмоционального состояния персонажа необходимо обращать и акцентировать внимание на его глаза, в том числе на проявление эмоций через слезы.

Плач является эмоциональной реакцией человека, невербальной реакцией на широкий спектр эмоций и имеет социальный аспект. Он может выражать как негативные, так и позитивные чувства. Наиболее распространенной причиной плача является обида, воспринимаемая как ответ на несправедливое обращение. С культурной точки зрения плач может восприниматься как знаковая реакция на определенные события и иметь культурные маркеры. Определяя плач как реакцию, обусловленную культурными и психическими факторами, следует акцентировать внимание на его связь с семиотикой социальной коммуникации.

Описание эмоций в художественных текстах представляет собой предмет интереса для лингвистики, поскольку она остается относительно стабильной, несмотря на изменения в языке и культурном контексте. Это создает возможности для разнообразного выражения мыслей как автора, так и произведения, а также для формирования различных высказываний.

В крымскотатарском языке есть целый ряд лексических единиц со значением плач либо с характеристикой плача: *козьяшларыны тѣкмек* 'лить слезы', *окюр-окюр агъламакъ* 'рыдать, реветь', *козьяшларны акътырмакъ* 'слезы изливать', *агълап йибермек* 'заплакать', *окюнчнен агъламакъ* 'горько плакать', *агъламсырамакъ* 'притворно плакать' и др.

Например: *Недир, бир шейлер айтаджакъ олып тырышса да, ськъылгъан дудакълары, титреген башы ве омузлары бунъа имкян бермедилер. Баягъы бир вакъыт озюни эльге алмакъ, тынчланмакъ ичюн чекишти. Олдырамады. Ахыр-сонъу эки элинен башына япышып, агълап йиберди. Ынджынып, ич чекип, окюр-окюр агълады.* (Она пыталась что-то сказать, но сжатые губы, дрожащая голова и плечи не позволяли ей это сделать. Долгое время она изо всех сил пыталась взять себя в руки и успокоиться. Не смогла этого сделать. В конце концов, она схватилась за голову обеими руками и расплакалась. Огорчаясь, вздыхая, она горько заплакала) [5].

Причины плача условно можно разделить на две группы: 1) выражение негативных эмоций; 2) выражение позитивных эмоций.

1. Особенно часто плач используется для передачи обиды, отчаяния и горя, т. е. данный прием связан с печальными, грустными событиями. Например, персонаж может плакать, потому что испытывает такие эмоции:

- **беспомощность**, невозможность что-то сделать в сложившейся ситуации: *Анифе чокъ агълады, козьлери къызарып шишкендже агълады. О, бир тарафтан хатипнен тотай анайнынъ козьлери огюнде масхара олгъанына, дигер тарафтан севгилисининъ дуюлып, тутулгъанына хорланып агълай эди* (Анифе много плакала, пока ее глаза не покраснели и не опухли. С одной стороны, она плакала, потому что была унижена на глазах уважаемой матери, а с другой стороны, она плакала, страдая, потому что ее возлюбленный был пойман) [10];

- *Алим?!.. Меним зийрек, акъыллы, батыр Алимим! – деди къарт ве озюни артыкъ аякъ устюнде туталмай, Алимнинъ омузларына авдарылды. О, сес-солукъ ве козьяш чыкъармадан, ич чекип агъламакъта эди* (– Алим?! Мой умный, храбрый Алим! – сказал старик и, не выдержав уже на ногах, упал на плечи Алима. Бесшумно, без слез, продолжая плакать, вздыхая / всхлипывая) [5];

- **обида**: – *Эй, танърым! Санъа не эткенимиз бар? – Тензиле енге удюр-къыямет агълады. – Бизни ничюн чекишитиресинъ?* (Боже мой! Что мы тебе сделали? – Тетя Тензиле все время безутешно плакала. – Почему ты нас мучаешь?) [2];

Мидатнынъ дудакълары салтырады, окюнчинден агълады. – Не кетирейим деп биле сорамады бабам (Губы задрожали у Мидата, и он заплакал от обиды. – Мой отец даже не спросил меня, что принести) [2];

Къыз, бу сёзлернинъ манасыны анъламай, огълангъа бакъты-бакъты, сонъ – агълады. Ойле окюнчли агълады ки, Сервер къоркъты, тез-тез эвге чапты (Девочка, не понимая смысла этих слов, посмотрела на мальчика, потом заплакала. Она так горько заплакала, что Сервер испугался и быстро побежал домой) [2];

- **получение плохих новостей**: – *Кельмеди, балачыгъым, гъайып олды, – деди, озюни туталмай, ич чекип агъламагъа баишлады* (Он не пришел, дитя мое, он пропал, – сказала она и начала плакать, вздыхая / всхлипывая) [5];

- **тревога**: *Лейля нетиджесиз фикир этмектен, баиш ёрмакътан ёрула, огюнде ярыкълыкъ корип оламай. Шу афатнынъ къурбаны, огълуны хатырлай. Меним эвлядым къайда, кимлернинъ элинде экен? Я, барып да, хасталанса, оны кимлер бакъаджакъ? Къыйметли, аджиз ана-бачагыгъым не ерлерде, не япа экенлер?» – деп агълай* (Лейла устала безрезультатно думать, устала от мыслей, не видя свет впереди. Вспоминая своего сына, жертву этого бедствия. «Где мой сын, в чьих руках он? А если он заболит, кто о нем позаботится? Где мои драгоценные, беспомощные родители, что они делают?» – плакала она) [12];

- **просьба спасения**: *Алим, мен санъа кельдим! – деди къыз агълай-агълай онынъ къучагына сыйыкъып. – Ялварам санъа, мени мындан мына шимди, шу дакъкъасы алып къач! Ярын кеч олур Алим* (Я пришла к тебе! – сказала девушка, безутешно плача, упав в его объятия). – Пожалуйста, пожалуйста. Забери меня отсюда прямо сейчас, прямо сейчас! Завтра будет поздно) [5];

- *Ольдюреджеклер! Джаныны ёкъсуллар ичюн феда эткен алидженап батырны ботен ерде ёкъ этеджеклер. Айт Усеин, бунъа мен насыл тёзерим. Я анасы Кериме татай...– деп юрек сызлатып агълады Сара* (Они убьют тебя! Он отдал свою жизнь

за бедных благородный герой, принесший себя в жертву, будет уничтожен на чужбине. Скажи мне, Усеин, как мне с этим справиться? А мать его Кериме Тата... – душераздирающе плакала Сара) [5];

- **боль расставания:** *Ёлгъа чыкъмакъ, озь тувгъанларындан айрылмакъ буюк бир яныкъ оларакъ корюльгенинден олар бир къач афтаны агълап кечирген эдилер. Шимди исе бу бельгисиз ёлгъа бир озьлери чыкъкъанда кене де тѣземедилер, агъладылар* (Отправиться в путь, разлучиться с родными было воспринято как жжение, они провели плача несколько недель. Сейчас, выходя на эту неизвестную дорогу, не смогли себя сдержать, заплакали) [5];

- **боль физическая:** *Алим исе узатылгъан мешребени къолуна алып, Къуддуснынъ дудакъларына кетирди. Къуддус юткъунды ве агърыдан ынъранмагъа, агъламагъа башлады* (Алим, взяв протянутую ему кружку в руки, поднес ее к устам Къуддуса. Къуддус сглотнул и начал стонать и плакать от боли) [5].

2. Также плач сопровождает позитивные эмоции, например, это слезы радости; слезы счастья, слезы от получения хороших новостей:

- **радость:** *Абибулла Сулеймановичнинъ юзюнде къуванч яшынылары догъды, алевлендилер. О, сынъырсыз муаббетини бильдирген незакетнен огюне эгилерек: – Сагъ олунъыз, – деди ве элини тутып сыкъмакъ ичюн къызгъа онъайтланды, лякин Лейля энди ёкъ эди* (На лице Абибуллы Сулеймановича родились и загорелись слезы радости. Он поклонился ей, вежливо выразив свою бесконечную любовь, сказал: «Спасибо» и наклонился, чтобы пожать ей руку, но Лейлы уже не было) [2];

Тензиле энди кедерден дегиль, севинчинден агълап йиберди. Рустемнинъ аманэсенлиги севинчинден (Тензиле заплакала уже не от грусти, а от радости. От радости за Рустема) [2];

О, торунларыны ве къызыны къучакълады, окюр-окюр агълады. Сонъундан эски бакъыр мешребенен чай ичтилер. Къартбабалары нек кеч къайтты. Балаларны корьгенинен шашып, аякъ устюнде къатып къалды. Сонъра оларны къучакълады, ичин-ичин агълады (Она обняла внуков и дочь, и зарыдала. Потом пили чай из старой медной чашки. Их дедушка вернулся очень поздно. Когда он увидел детей, он был потрясен и замер на месте. Потом он обнял их и заплакал навзрыд) [12];

- **благодарность:** – *Губернатор азретлери, манъа якъан бабалыгъынъызны омор билля юрегимде сакъларым, – деди. – Яхшы, яхшы, айды тынчланынъыз. Губернатор, къуванчындан окюрий агъламагъа азыр тургъан бу къартны башкъа бир вазиетке кирсетмек ниетинен* (– Ваше Превосходительство, губернатор, я сохраняю вашу доброту ко мне в своем сердце на всю оставшуюся жизнь», – сказал он. – Ладно, ладно, успокойся. Губернатор поставил этого старика, готового разреветься от радости, в другую ситуацию намеренно) [2];

- **надежда:** *Зейнеп аптени чекиштирмемек ичюн, бильген шейлеримнинъ эписини айттым. Мустафа агъаны, Шефикъа енгени, Зеверджедни – эпингизни айттып чыкътым. Мен айттып битирген сонъ Зейнеп апте агълап йиберди: Оларны къач йыллар къыдырдым, тапалмадым. Сиз янълышмайсынъызмы, аджеба?* (Я рассказал Зейнеб апте все, что знал, чтобы не мучить ее. Я упомянул дядю Мустафу, тетю Шефику, Зеверджеда – всех вас. Когда я закончил, Зейнеп-апте заплакала: Я искала их много лет, но так и не нашла. Интересно, не ошибаетесь ли вы?) [2];

- слезы как способ **смягчения боли** от разочарования или обиды, **облегчение**, например: *Бу козь яшлары ве теренден толып чыкъкъан кокюс кечирмеси онынъ юрегиндеки аджджыны, ынджынма ве хорланувны йьмишатыр киби олды* (Эти слезы и глубокие вздохи, казалось, смягчили боль, разочарование и унижение в его сердце) [10];

Енге козьлерини сюртти ве кокюс кечирип: – Сен оларны корьмединъ, я Асан? – деп сорады (Тетя протерла глаза и вздохнула. – Ты их не видел, Асан? – спросил он) [10].

Оджанынъ козьлеринде яшлар сезильди. Озюнинъ дердини кимселерге айтып-аньлатып оламагъаны алда, Къыпчакъ оны догъру анълагъанына севинип, бошан кетти (На глазах учителя проступили слезы облегчения. Хоть он и не смог никому объяснить свою проблему, он порадовался, что Кыпчак его понял правильно, ушел с облегчением) [2];

Талаша-дѣгюне бир-эки къашыкъ шингенлик юткан сонъ, Кемал яваштан козьлерини ачты. Джеваирнен Алиме бири-бирини къучакълады, агълап йибердилер (Проглотив пару ложек жидкости, Кемаль медленно открыл глаза. Джеваир и Алиме обнялись и заплакали) [12].

Более сложные, смешанные эмоции также могут выражаться слезами:

- **слезы и печали, и радости:** *Къальбинде огълу себебинден асыл олгъан яныкъны инкяр этти, ишанчны таныды, ойле таныды ки, енъи хабернинъ керчеклигини ис эткен киби олды. Сонъ агълап йиберди. Козьяшлары кольмеги устюнден чыбырып ерге тюшип кеттилер. Кедер ве севинч козьяшлары. О, инанды* (Она отрицала боль в своем сердце из-за сына, она осознавала надежду, она осознавала ее настолько, что почувствовала реальность новостей. Потом она разрыдалась. Ее слезы скатились по рубашке и упали на землю. Слезы печали и радости. Он поверил) [2];

- **слезы и любви, и гордости:** *Лякин шимди тюзюне-чырайына бакъылмай. Той-джыйыларгъа баргъанда, «Гузель Лейлям» тюркюсини чалдыра, агълай. Демек, севе. Лякин шимдилек гъуруру севгиден устюнлик эте. Асылыны алгъанда, о насыл гъурур?..* (Но речь сейчас не о внешности. Когда она ходит на свадьбы, заказывает песню «Гузель Лейлям» и плачет. Значит, любит. Но на данный момент ее гордость превосходит любовь. Что это за гордость?) [12].

Существует мнение, что в произведениях художественной литературы слезы больше характерны для женщин и детей, но необходимо отметить, что мужские слезы также встречаются в произведениях крымскотатарских писателей. И, как правило, они указывают на своего рода предел эмоций, когда сдержать слезы не представляется возможным.

Неоднословные лексические единицы с опорными компонентом *козьяшлар* ‘слезы’ в крымскотатарских произведениях отражают несколько стадий плача (от момента появления слезы до стадии захлебывания слезами), которые помогают детализировать глубину испытываемой эмоции:

- **козьлери яшкъа толды** ‘глаза наполнены слезами’: *Айшенинъ козьлери яшкъа толды. Этрафындаки адамлар олмаса окюр-окюр агълар да, окюнчини йьмишатыр эди* (Глаза Айше наполнились слезами. Если бы вокруг не было бы людей, она бы разрыдалась чтобы смягчить обиду) [5];

- *сызып тура козьяшы* ‘сочится слеза’: *Дигеринден булжурдай, Сызып тура козьяшы Аналарнынъ эбедий Къурумагъан козьяшы* (Из другого как хрусталь Слезы текут, Материнские вечные. Невысыхающие слезы) [14];

- *бир тамла козьяшы тюшти* ‘одна капля слезы упала’: *Ири, кумюшдан бир тамла козьяшы юзюни сызып, ялынаягъына тюшти* (Большая серебряная слеза пробежала по ее лицу и упала на босую ногу) [5];

- *дане-дане козьяш акъа* ‘слезы по одной капают’: *Тек ап-акъ кесильген янакъларына дане-дане олып, козьяшлар акъты* (Только слезы текли по ее побелевшим щекам) сельби; «*Аначыгъым, ойна! Мен бабамны таптым!*» *Севингимден озюм кулем, лякин козьяшларым янакъларымдан ашагъы акъа* («Мама, танцуй! Я нашла своего отца!» Сама смеюсь от радости, но по щекам текут слезы) [3];

- *козьяшлар тамлай* ‘слезы капают’: *Бу кичкене инсан баласы – меним къызым! Мен исе онынъ анасы... Эм эмиздирем, эм де агълайым, козьяшларым баланынъ бетине тамлай, лякин олар энди севиич козьяшлары эдилер...* (Это маленькое человеческое дитя – моя дочь! И я его мать... Кормлю грудью и плачу, слезы капают на лицо ребенка, но теперь это были слезы радости...) [3];

- *бурькип чыкъаяткъан яшлар* ‘скатывающиеся слезы’: *Козьлеринден бурькип чыкъаяткъан яшларны гизлеерек, башыны ашагъы эгильтти. – Фикретимиз ёкъ. Рустем де...* (Склонив голову и скрывая слезы, скатывающиеся из ее глаз. Фикрета нет. И Рустема...) [2];

- *козьяшлары акъа* ‘слезы льются’, *акъкъан козьяшлар* ‘льющиеся слезы’: *О куле, лякин тозлу янакъларына ёлчыклар къалдырып козьяшлары акъа* (Он смеется, но слезы текут по ее пыльным щекам оставляя дорожки) [3];

Лякин йырджы джошым, мына шимди давушларынен къанатланып авагъа учып кетер дегенде де, йыр бирден кесиле ве ич чекип, окюрюп агълагъан адамнынъ козьяшлы давушларына денъише эди. Заваллы къарт бираз даа отура, чаресизликнен бурула ве ниает, ийип акъкъан козьяшларыны дамарлы къолларынен силип, юрек агърысынен аякъкъа тура ве азбар ичинде долашып юре эди (Но когда певец вот-вот собирался улететь на крыльях, песня вдруг оборвалась и сменилась слезливыми звуками плача человека. Бедный старик посидел еще немного, беспомощно обернулся и, наконец, вытерев слезы жилистыми руками, встал с душевной болью и пошел по двору) [5];

- *козьяшларны тёмек* ‘лить слезы’: *Тензиле енге аджизленди, кедерленди. Козьяшлар тёмти* (Тензиле енге ослабла, огорчилась. Она лила слезы) [2];

Алим ичери келип кирген къызыны коръгенинен, баштан-аякъ сарсылды. Эльбет, бу къыз даа банагъы ёлда козьяш тёмкип, окюр-окюр агълагъан дживан эди. Онынъ фидан киби хафиф эндамыны шимди ешилъ антериси ортъкен, къылабдан сия сачларына мор бенекли чемберини багълагъан, озю де эля козьлерини Алимге тикип, юрек джоштурыджы бир тебессюмнен кулюмсиреп тура. Аз бучукъ монарлы козьлери ойле парылдайлар ки, санарсынъ оданынъ ичини апансыздан юз чыракълыкъ лампанен айдынлаттылар (Когда Алим увидел вошедшую девушку, его затрясло с головы до ног. Конечно, эта девушка была той самой молодой женщиной, которая, проливая слезы, горько плакала по дороге домой. Ее худое, как саженец, тело теперь

было покрыто зеленым пальто, черные волосы перевязаны фиолетовым шарфом, и она смотрела на Алима с доброй улыбкой. Ее глаза так светятся, что казалось, будто комнату вдруг осветила лампа в сто лампочек) [2];

- **тамчы-тамчы козьяшларны тыгъырмакъ** ‘слезы лить градом’: *Олар бири-бирине сыйыккъан, эм лакъырды эте ве эм де юзьлеринден тамчы-тамчы козьяшлары тыгъырмакъта эди* (Они прижались друг к другу, разговаривали, и слезы текли (градом лились) по их лицам) [5];

- **козьяшлар тыгъырлар** ‘слезы катятся’: *Къартанай нелердир фысылдады, дуа окъуса керек, янакларынынъ бурюшиклери арасындан козьяшлары тыгъырдылар* (Бабушка что-то прошептала, вероятно, молитву, и по ее щекам потекли слезы) [3];

- **тююлип козьяшына** ‘захлебываться слезами’: *Сонъ эписин отуртып, Ятагъынынъ башына, Айта сонъгъы сёзюни, Тююлип козьяшына* (Затем усадите их всех и У изголовья его постели, Она говорит последнее слово, Захлебываясь слезами) [14].

В рассматриваемых нами крымскотатарских художественных произведениях, послужившими материалом для исследования, выявлены яркие примеры многофункциональности плача, который может выражать эмоциональную разрядку, слабость, радость, стыд, обиду, отчаяние, а также тоску и горе. Анализ лексических единиц, используемых авторами художественных произведений, позволяет проследить психологию конкретного народа и отследить эмоциональные реакции на те или иные жизненные ситуации.

ВЫВОДЫ

При оценке эмоционального состояния можно опираться на определенные мимические движения, сопровождающие эмоции. В естественных условиях эти движения происходят произвольно и подсознательно. Эмоции составляют мотивационную основу языковой коммуникации. В произведениях лексические единицы, отражающие эмоциональное состояние говорящего и характеризующие его внутренние переживания, являются неотъемлемым компонентом, позволяющим сформировать образ персонажа и сделать его более глубоким. Исследование подтверждает, что интерес к невербальным средствам передачи эмоций в современном мире не ослабевает, так как они наиболее ярко отображают эмоциональное состояние человека.

В ходе исследования определено количество лексических единиц, выражающих невербальное проявление эмоций с помощью плача, которые функционируют в языковой системе крымскотатарского языка. Репрезентация плача осуществляется глаголом *агъламакъ* ‘плакать’, именем существительным *козьяшлар* ‘слезы’. Подобные неоднословные лексические единицы подчеркивают национальную идентичность крымскотатарского народа, а также передают специфику проявления эмоций. Умение через слово донести эмоцию и заставить читателя сопереживать, проникнуться описываемым событием говорит об уровне мастерства писателя и силе слова.

Список литературы

1. Абдулкаримова П. А. Вербальные и невербальные средства эмоциональных реализаций // Инновационная наука. – №4. – 2021. – С. 123–125.
2. Алядин Ш. Сайлама эсерлер. – Симферополь, 1999. – 640 с.
3. Амит Э. Сыгын чокърагъы [Олений родник]. – Ташкент, 1982. – 248 с.
4. Асанова З. А. Лексические единицы, выражающие молчание, в произведениях Шамиля Алядина // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №1 (37). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22>. – (Дата обращения: 23.10.2024).
5. Болат Ю. Алим. – Ташкент, 1982. – 421 с.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – № 1. –1981. – С. 36–47.
7. Волкова А. Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах // Молодой ученый. – 2021. – № 16 (358). – С. 129–131.
8. Дмитриева Ю. В. Аспекты невербального поведения с точки зрения языкового выражения // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – С.168–174.
9. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
10. Ипчи У. Сайлама эсерлер. – Симферополь, 2018. – 464 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
12. Эдемова У. Айдын геджеде: роман. – Акъмесджит: Таврия, 2005. – 340 с.
13. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. – 2-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2010. – 334 с.
14. Шемъи-заде Э. Козьяш дивар [Стена слез]. – Акъмесджит: Таврия. – 1993. – 128 с.

References

1. Abdulkarimova P. A. *Verbalnye i neverbalnye sredstva emocionalnyh realizacij* [Verbal and Non-verbal Means of Emotional Expression]. *Innovacionnaya nauka*, 2021, no.4, pp. 123–125.
2. Alyadin Sh. *Sajlama eserler* [Selected works]. Simferopol, Kyrym devlet okuv-pedagogika neshriyaty Publ., 1999. 640 p.
3. Amit E. *Sygyin chokragy* [Deer Spring]. Tashkent, 1982. 248 p.
4. Asanova Z. A. *Leksicheskie edinicy, vyrazhayushchie molchanie, v proizvedeniyah Shamilya Alyadina* [Lexical units expressing silence in the works of Shamil Aladin]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no.1 (37). Available from: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.22> (accessed 23 October 2024).
5. Bolat Yu. *Alim* [Alim]. Tashkent, 1982, 421 p.
6. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal'nymi sredstvami (na materiale russkogo yazyka)* [On the Peculiarities of Representing Facial Expressions and Gestures through Verbal Means (Based on Russian Language Material)]. *Voprosy yazykoznanija*, 1981, no. 1, pp. 36–47.
7. Volkova A. E. *Problema vyrazheniya emocij v yazyke i hudozhestvennyh tekstah* [The problem of expressing emotions in language and literary texts]. *Molodoj uchenyj*, 2021, no.16 (358), pp. 129–131.
8. Dmitrieva Yu. V. *Aspekty neverbal'nogo povedeniya s točki zreniya yazykovogo vyrazheniya* [Aspects of Nonverbal Behavior from the Perspective of Linguistic Expression]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 2019, pp. 168–174.
9. IZARD K. E. *Psihologiya emocij* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2000. 464 p.
10. Ipchi U. *Sajlama eserler* [Selected works]. Simferopol, 2018, 464 p.
11. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kulturologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1993. 656 p.
12. Edemova U. *Ajdyn gedzhede: roman* [On a clear night: a novel]. Akmesdzhit, Tavriya Publ., 2005. 340 p.
13. Ekman P. *Psihologiya emocij. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh* [The psychology of emotions. I know how you feel]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010. 334 p.
14. Shemi-zade E. *Kozyash divar* [Wall of Tears]. Akmesdzhit, Tavriya Publ, 1993.128 p.

**CRYING AS A NONVERBAL COMMUNICATION METHOD (ON THE EXAMPLE OF
CRIMEAN TATAR LITERARY WORKS)**

Asanova Z. A.

This article analyzes lexical units that express nonverbal manifestation of emotions through crying. Examples are drawn from Crimean Tatar literary works, demonstrating the active functioning of these lexical units in the language. The study allows us to examine the specifics of how writers convey the emotions and feelings experienced by their characters. As an emotional reaction of a person to an event or news, crying nonverbally helps to convey both negative and positive emotions. From a cultural standpoint, crying can be perceived as a symbolic reaction to certain events and also have cultural markers. As a result of the research, the main lexical units used to describe the emotional reaction of a character in the Crimean Tatar language have been identified. In total, we have identified at least 25 multi-word lexical units expressing nonverbal manifestation of emotions through crying, including those with the core component *ağlamaq* 'to cry', *kozyaşlar* 'tears'. The novelty of the research lies in the analysis of units expressing nonverbal manifestation of emotions through crying with examples drawn from Crimean Tatar literary works. Conclusions. The study has identified lexical units expressing nonverbal manifestation of emotions through crying that are used in the language system of the Crimean Tatar language.

Keywords: Crimean Tatar language, lexical units, nonverbal communication, crying, facial expression, literary works.

УДК 811.161.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-160-178

«ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В ЭПОХУ ТРАНСЛИНГВИЗМА: СООТНОШЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Литвинчук И. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: irinlitvi@gmail.com*

Вопрос о правомерности отнесения понятий «текст» и «дискурс» к концептам обсуждается на материале современных научных источников, посвященных актуальным проблемам лингвоконцептологии. С целью выявления специфики концептов «текст» и «дискурс» привлекаются примеры из текстов разных жанров, зафиксированных в НКРЯ. Как демонстрирует анализ, текст и дискурс давно вышли за рамки сугубо терминологической семантики и узко функционального словоупотребления и приобрели когнитивно-семантический статус концептов. Содержание концептов «текст» и «дискурс» выявляется также на основе ассоциативного эксперимента. В качестве респондентов выступили обучающиеся учреждений высшего образования Республики Крым различных направлений подготовки. В результате анализа ассоциативных реакций респондентов найдено подтверждение гипотезы об уровне структуры концептов «текст» и «дискурс».

Ключевые слова: текст; дискурс; концепт; транслингвизм; ассоциативный эксперимент; языковое сознание.

ВВЕДЕНИЕ

В современном языкознании понятия «текст» и «дискурс» выступают как важные феномены языка, речи и коммуникации, как ключевые понятия в сфере лингвистической аналитики, трудности с точным определением которых часто возникают из-за их взаимопересекающихся характеристик [82]. В некоторых исследованиях «текст» и «дискурс» рассматриваются как равнозначные понятия и интерпретируются как взаимозаменяемые [36; 38]. Как отмечает М. Я. Дымарский, дифференциация понятий «текст» и «дискурс» по-прежнему остается непростой задачей [13], несмотря на то что тенденция к разграничению этих понятий возникла еще в конце 70-х годов прошлого века.

В аспекте того, что оба термина имеют свою специфику и используются в различных контекстах, отражая разные аспекты языка и его функционирования [20; 21; 41; 50; 51; 56], можно выделить несколько программных работ, в которых авторами предложены различные подходы к анализу текста, контекста и дискурса и осуществлен анализ взаимосвязей между ними [65; 69; 70; 81; 97].

Вплоть до настоящего времени специалисты в области лингвистики и смежных наук не пришли к общему мнению о критериях соотношения текста и дискурса и четкого разграничения этих понятий. Эта проблема привела к возникновению методологического кризиса в филологии, обусловленному противоборствующими подходами к изучению текста и дискурса [23]. Тем не менее, разнообразие подходов к определению содержания понятий «текст» и «дискурс» и развитие методологии обнаружения новых взаимосвязей между ними позволяют выявить их существенные характеристики, стимулируя проведение междисциплинарных исследований [79].

Текст чаще всего рассматривается как «конкретная единица языка», «реально высказанное (написанное) предложение», «произведение речи» [1, с. 479] или «последовательность языковых единиц на основе непрерывной цепочки» [52, с. 48], в то время как дискурс – как более широкое понятие, охватывающее различные аспекты языковой деятельности и контексты коммуникации [72], одновременно процесс и результат языковой деятельности [17, с. 29].

Анализируя содержание, этимологию и толкование терминов «текст» и «дискурс» в сопоставительном аспекте на материале языков романской группы и русского языка, В. З. Демьянков отмечает: «...Противопоставление текста дискурсу стало более значимым для филологического рассуждения по-русски. В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора» [11, с. 48].

Понятие «текст» традиционно определяется как последовательность слов и предложений, объединенных по смыслу, тематически и логически, образующих целостное сообщение в рамках конкретной языковой структуры. В контексте устоявшихся подходов текст анализируется с точки зрения его грамматической и семантической структуры, стилистических особенностей, присутствующих в нем языковых единиц, а также его коммуникативной функции [38; 45]. Текст может быть письменным, устным, визуальным и мультимодальным; примером текста служат статьи, книги, аудиозаписи, видеоролики или даже картины [63].

Дискурс включает в себя не только отдельные тексты, но и контексты их «производства», восприятия и интерпретации посредством конкретных социальных практик, а также социокультурные и идеологические факторы, которые детерминируют эти процессы [80]. Дискурс – «одна из наиболее модных в неолингвистике категорий» [45, с. 8], однако, как отмечает пионер зарубежной лингвистики текста Т. А. ван Дейк, понятие дискурса по-прежнему является довольно расплывчатым: специалисты, которые вовлечены в его изучение, относительно недавно начали прояснять сложные процессы понимания дискурса, в частности то, как структуры дискурса связаны с более широкими социальными, политическими, историческими или культурными макроконтекстами [80, с. 617].

Дискурс рассматривается и как способ организации языковой информации в контексте конкретных коммуникативных ситуаций, включающих различные социокультурные нормы, ценности и представления [81]. Кроме того, дискурс-анализ предполагает изучение взаимосвязей между текстами и контекстами и мониторинг влияния социокультурных факторов на языковую практику [69]. Таким образом, дискурс обеспечивает контекст, в котором интегрированы различные тексты, формируя тем самым многоуровневую реальность коммуникации [76]. Современными специалистами в области дискурсивного анализа данный феномен интерпретируется также и как универсальный и эффективный способ конструирования и передачи знания: примером дискурса в этом аспекте являются парламентские дебаты [54], научные статьи, религиозные проповеди или дискуссии в социальных сетях [62].

В исследованиях отечественных и зарубежных авторов находим следующее толкование сопоставляемых нами понятий: дискурс следует понимать как единицу текста [31] или как текст, неразрывно связанный с ситуационным контекстом [48],

обусловленным социальными, культурными, историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и познавательных целей автора и реципиента текста. При этом дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к формированию текста как формальной структуры с конкретной формой и содержанием [71, с. 1894–1895]. Однако в зависимости от задач исследования дискурс в одних случаях означает отдельное конкретное коммуникативное событие, в других – коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных коммуникативных актов, результатом которых является содержательная тематическая общность множества текстов.

Итак, текст и дискурс взаимосвязаны: различные тексты выступают как элементы дискурса, а дискурс определяет способы создания, интерпретации и использования текстов. Целенаправленное сопоставление понятий «текст» и «дискурс» в междисциплинарном ракурсе [85] позволяет исследовать не только их внутреннюю структуру, но и их контекстуальную и социокультурную значимость, поскольку именно «интегративный характер и междисциплинарность современных гуманитарных исследований позволяют рассматривать некоторые основополагающие научные категории в различных контекстах» [43, с. 5].

Анализ текстов и дискурсов в свете их взаимосвязей способствует более глубокому пониманию поведения субъектов речевой деятельности, «речи во взаимодействии» [27] процессов коммуникации и формирования языковых идентичностей [86], особенностей формирования социальной ментальности [19]. В современном языкознании учитываются как структурные, так и социокультурные аспекты анализа текстов и дискурсов для более полного и объективного понимания языковой реальности [64] и дискурсивного проявления языковой личности [15].

С развитием современных междисциплинарных подходов понятия «текст» и «дискурс» наполняются новым содержанием и интегрируются в широкий контекст социокультурных и языковых исследований [4; 7; 8; 9; 10]. Эволюция данных понятий отражает изменения в понимании современного состояния языка, речевой деятельности и культурных практик в современном мире [83].

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвистический поворот в западной философии детерминировал появление различных лингвистических теорий, которые продуцировали довольно противоречивые интерпретации языка, текста и дискурса [84, с. 298]. Одним из значительных направлений, которое повлияло на подход к понятиям «текст» и «дискурс», является транслингвизм [73].

В конце прошлого столетия представители различных научных школ были вовлечены в острую академическую полемику между теорией транслингвизма [59; 78] и традиционными взглядами на язык именно как систему условных средств и отношений между ними [46]. Транслингвальность получила интерпретацию как «плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс» [39, с. 160]. Таким образом, транслингвизм – это междисциплинарное направление в современной науке, которое связано с изучением межъязыковых взаимодействий в контексте культурного многообразия [53].

Транслингвальный подход в изучении языка акцентирует внимание не столько на структуре языка, сколько на его коммуникативной функции [60; 61].

С появлением транслингвизма текст и дискурс стали интерпретироваться в значительной степени как социокультурные конструкты, функции которых обусловлены разнообразием языков и речевых практик [66]. Изменения в подходе к понятиям «текст» и «дискурс» под влиянием транслингвизма отразились также и на методологии исследования этих феноменов: подходы к анализу текста и дискурса стали более динамичными и комплексными, учитывающими языковые ресурсы и культурные контексты различных сообществ [67].

Принцип объединения и / или разграничения текста и дискурса в контексте транслингвизма заключается в том, что тексты в разных языках и культурах взаимодействуют между собой, влияя на формирование и интерпретацию дискурсивного пространства [58]. Так, при переводе литературных произведений с одного языка на другой осуществляется не только передача содержания текстов, но и перенос социокультурных контекстов и значений, в виду чего дискурсивные аспекты могут быть изменены или утрачены в процессе перевода [57].

Таким образом, появление транслингвизма изменило содержание и отношение к понятиям «текст» и «дискурс», расширив поле их истолкования и интерпретации. При этом соотношение понятий «текст» и «дискурс» играет важную роль в теории транслингвизма, поскольку позволяет учитывать как собственно языковой аспект коммуникации, так и ее социокультурный контекст [68].

Актуальным является вопрос о правомерности отнесения текста и дискурса к концептам. Действительно, рассмотрение названных понятий как концептов требует аргументации.

В начале XXI века появился новый подход к изучению лексических единиц и их значений – русский концептуальный лингвокультурологический вектор. Он предлагает рассматривать слово с различных точек зрения, объединяя несколько областей знания и рассматривая его как целостный объект в рамках современных гуманитарных наук [18, с. 196].

Современная лингвистика использует понятия языковой и концептуальной картин мира, а также концептосферы для изучения взаимосвязей между языком, сознанием и мышлением. Языковая картина мира отражает часть концептуальной картины мира, которая выражается посредством языковых единиц. Концепты – это абстрактные представления о мире, которые содержат знания, представления, убеждения и оценки [75]. По мнению Н. Ю. Шведовой, концепт охватывает все содержание языкового знака и включает не только значения отдельных слов, но и их контекстуально обусловленные значения [55]. Совокупность таких интегральных значений актуализируется в выражении идей или понятий, соответствующих определенным структурам социальной ментальности [19] и описывающих свойства феноменов, которые являются значимыми в определенной лингвокультуре [77]. Концепт объединяет понятия, относящиеся к жизненно важным умственным и духовным аспектам человеческого бытия. Эти понятия сформированы исторически, осмыслены и закреплены в этнонациональном опыте определенного социума, укоренены в народной жизни и тесно связаны с другими близкими или противоположными понятиями [75].

В. Н. Телия определяет концепт как набор знаний, организованных в структуру фрейма, которая включает в себя все характеристики объекта, заполненные знаниями о его сущности [47]. Е. В. Урысон считает концепт эквивалентным смыслу, который выражается через лексические и грамматические единицы естественного языка [49]. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что концепт представляет собой отдельное ментальное образование, являющееся основной единицей мыслительного кода человека, общества и отдельных личностей с обширной информацией о предмете, который он отражает [34].

По мнению М. В. Пименовой, концепт – это абстрактное представление о национальной общности, которое описывает часть мира или ее фрагмент: это представление имеет сложную структуру, выраженную через различные группы признаков и языковые средства. Концепт воплощается через языковые единицы, отражая категориальные и ценностные аспекты знаний о мире, и передает характеристики и ценности культуры, отображая важные признаки для данной общности [32].

В современной отечественной лингвистике популярным остается традиционный метод концептуального анализа – контрастивный анализ оппозитивных концептов, их фразеологическая объективация [12; 14; 24]. При этом «в настоящее время разрабатываются три подхода к описанию концепта: этнокультурный, социокультурный и индивидуально-культурный» [18]. В рамках такого интегративного подхода определенные понятия как ментальные образования могут быть актуальны или для всей этнокультуры, или только для той или иной группы данной, отдельной лингвокультуры, или только для отдельного индивидуума.

Обсуждая вопрос о соотношении понятий «концепт», «понятие» и «значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы, Л. В. Попова отмечает, что «концепт в нетерминологическом, свободном употреблении – синоним понятия» [35, с. 129]. Ю. В. Богоявленская, в работе которой представлены различные классификации концептов «с точки зрения репрезентации в языке, степени абстракции, дискурса, характера их наблюдаемости, структуры, степени значимости» [3, с. 6], отмечает, что на современном этапе развития концептологии выделяются такие виды концептов, как универсальные, этнические, цивилизационные, групповые (гендерные, профессиональные и др.) «с точки зрения принадлежности определенным группам носителей» [3, с. 8].

Типология, в соответствии с которой выделяются обиходные, научные и художественные концепты, опирается на особенности дискурсивной среды их «обитания» [33, с. 7]. Структурно-содержательная типология концептов в соответствии с когнитивно-семантическим подходом, предлагаемым Н. Н. Болдыревым, использует в качестве основания тематические области и сферы применения (научные, профессиональные, литературные концепты), при этом концептуализация понимается как «познавательный процесс выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов» [5, с. 18–19].

Важной, на наш взгляд, является и мысль о двух основных целях концептуализации – стратегической и тактической, в соответствии с которыми можно выделить тематические и операционные концепты: «Первые представляют собой

единицы знания как основные элементы концептуальной системы в ее статическом аспекте. Вторые – ментальные репрезентации объектов, событий и их конкретных характеристик как единицы знания (смыслы), которыми человек оперирует в процессе речевой деятельности с целью передачи знания или ориентации в мире» [5, с. 20–21]. Гносеологические и онтологические различия, лежащие в основе данного подхода к дифференциации типов концептов, детерминируют выбор подходов и методов исследования концептуальной сферы современного русского языка в его статике и динамике.

Э. А. Китанина выделяет такие отличительные черты концептов, как «субъективность, которая влияет на разный подход к описанию языковой картины мира» [18, с. 197], и неоднородность, поскольку концепты «различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества» [18, с. 204]. Т. Б. Радбиль приводит убедительные аргументы в пользу того, что «самоизоляция» приобрела статус «новейшего русского культурного концепта», и рассуждает о роли языка как «великого диагноста», который «вытаскивает на поверхность то, о чем мы на сознательном уровне даже и не подозреваем»: «Сегодня языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились новыми словами и выражениями, за которыми очевидным образом стоят новые форматы знания об изменившейся действительности» [40, с. 760].

Таким образом, мониторинг состояния «социального среза» речевой действительности в аспекте исследования содержания того или иного концепта вносит важный вклад в решение проблемы описания современного состояния языка и выявления основных тенденций его развития в функционально-семантическом и когнитивно-прагматическом аспекте. Однако «основным признаком, отделяющим лингвистическое понимание концепта от логического, является его закрепленность за определенным способом языковой реализации» [32, с. 90].

В рамках традиционного исследования концептов принято привлекать целый комплекс лингвистических источников [26; 30]: это, например, словари и тексты различных жанров, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка» [29; 44]. Как демонстрирует его анализ, текст и дискурс давно вышли за рамки сугубо терминологической семантики и узко функционального словоупотребления и приобрели когнитивно-семантический статус концептов. Так, поиск по лемме «текст» в основном корпусе дает в качестве результата 10448 текстов и 42605 примеров употребления (вхождений в НКРЯ), в газетном корпусе центральных СМИ – 56463 текста и 74592 примера, в социальных сетях – 21136 текстов и 32808 примеров [29]. Соответственно лемма «дискурс» продуцирует в поиске по основному корпусу 364 текста и 1119 примеров, соответственно в газетном – 649 текстов и 850 примеров, в социальных сетях – 508 текстов и 698 примеров соответственно [29]. Таким образом, по критерию частотности, с которой представлены леммы «текст» и «дискурс» в НКРЯ, «текст» лидирует.

Отметим, что классических исследованиях, посвященных анализу дискурса [64; 65; 81], текст в его прецедентной ипостаси, как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, зачастую наделяется статусом концепта, то есть понятия, устойчиво закрепленного в культурном опыте определенной социальной общности.

Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что слово «дискурс» впервые появилось в русской речевой практике в XVIII веке, например, в публицистическом тексте С. С. Волчкова «Придворной челоуѣкъ», датированном 1742 г.: *«По первомъ комплиментѣ, весь дискурсъ съ ними кончится, за тѣмъ что они въ начальномъ разговорѣ, такъ скоро поскачутъ, какъ Неаполитанскія лошади; а потѣмъ вдругъ остановясь и замолчатъ»* [29].

В художественных текстах XIX в. обращает на себя внимание использование лексемы «дискурс» с иронической коннотацией в значении «речь», например, в романе Н. С. Лескова «На ножах», вышедшем в 1870 г. (*«Соглашаюсь, что сей учеными словами украшенный дискурс от жены моей страдает как бы некоею изрядно-свойственною ей бестолковостью»*), и в сходном значении – в романе В. И. Немировича-Данченко «Цари биржи. Каиново племя в наши дни» (1886 г.): «Тут нет ни присяжных, которые бы разинули рты, внимая вам, нет и стенографов для записывания ваших дискурсов» [29]. В рассказе Н. С. Лескова «Бесстыдник» лексему «дискурс» можно истолковать как обсуждение, диалог: *«Ну, а мы, моряки, без карт обходились, а завели дискурс и, как сейчас помню, о чем у нас была речь: о книге, которая тогда вышла, под заглавием «Изнанка Крымской войны»* [29].

В газетном подкорпусе НКРЯ хронологически первое вхождение лексемы «дискурс» отмечено 1995 годом: *«Эмоциональная мощь и напор дискурсов Жириновского перекрывают собою их содержание, являющее на деле цепь последовательных подмен»* (По подсчетам лингвистов, российские политики используют менее 4% слов русского языка. У микрофона – «водокачка». Аргументы и факты, 10.11.1995) [29]. Контекстуальное употребление лексемы «дискурс» в художественных произведениях новейшего времени можно продемонстрировать на примере текста авторства М. С. Харитоновой «Стенография конца века. Дневник писателя» (1995 г.): *«Я ничего не имею против каких угодно ученых рассуждений о концептах, дискурсах или, допустим, фрейдистской символике»* [29].

МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Изучение содержания концептов в компаративном аспекте посредством ассоциативного эксперимента «способствует экспликации характера устойчивых связей, сложившихся в концептуальной системе языковой личности как активного субъекта образовательной деятельности, и определению качества взаимодействия анализируемых концептов, особенностей пересечения концептуальной семантики» [25, с. 8]. Следует отметить, что в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского проводится систематическое и планомерное изучение характеристик языковой личности обучающихся, что создает возможности для дальнейшего совершенствования методологической базы и открывает перспективы для обширных обобщений [37].

Целью ассоциативного эксперимента, осуществленного в рамках данного исследования, было выявление содержания концептов «текст» и «дискурс», которое находит отражение в языковом сознании представителей обучающейся молодежи.

В роли респондентов ассоциативного эксперимента выступили 478 обучающихся учреждений высшего образования Республики Крым. Возраст респондентов – от 17

до 24 лет. Направления подготовки участников исследования можно обобщенно обозначить как инженерно-техническое, филологическое, естественнонаучное, юридическое, медицинское и др. Таким образом, в исследовании приняли участие представители поколения Z [22]. Участие в ассоциативном эксперименте носило добровольный характер.

В качестве стимульного материала предъявлен список из 30 слов, в который были включены слова-стимулы «текст» и «дискурс» (в стимульном материале они были представлены не последовательно, а разделены другими словами-стимулами). Анализ ассоциативных реакций на остальные лексические стимулы не является целью данного исследования. Задачей для участников исследования была просьба написать, не раздумывая, первое слово-ассоциацию, которое пришло в голову. В случае отказа написать реакцию было рекомендовано ставить прочерк. Время предъявления стимулов и работы респондентов с ними было стандартным для всех участников исследования.

Общее количество слов-ассоциаций, которые дали респонденты на стимулы «текст» и «дискурс», – 948. Перечень ассоциаций, полученных на оба стимула, представлен ниже, при этом количество упоминаний респондентами каждого из слов-ассоциаций обозначено в скобках. В конце списка представлен перечень слов-ассоциаций с одиночным упоминанием в общем ассоциативном материале.

Результаты анализа ассоциативного материала на слово-стимул «текст». Общее количество ассоциативных реакций – 476 (количество случаев выявления каждой реакции в полученном ассоциативном материале приводится в скобках).

Однословные ассоциаты (всего – 443): Буква (39); книга (31); предложение (24); фанфики (20); слово (19); письмо (16); рассказ (10); картинки (9); информация (8); (*по 5 упоминаний*) бумага, пост, рисунок; (*по 4 упоминания*) законченный, клавиатура, песня, писать, речь, ручка, скука, статья; (*по 3 упоминания*) абзац, автор, английский, Вики, дополняющий, заявление, инструкция, исторический, картинки, перевод, повествование, строка, сообщение, сочинение, фильм, фикрайтер, чтение, язык; (*по 2 упоминания*) анализ, вёрстка, грамотный, диплом, документ, задание, клавиатура, книга, лист, мысль, набор, образ, персонаж, простой, редакция, русский, связный, сложный, смысл, спойлер, стихотворение, фильм, шрифт; (*по одному упоминанию*) аннотация, атлас, биография, большой, бубнёж, знание, визуал, Википедия, Верхоречье, Волхв, газета, герой, Гоголь, диван, диктант, длинный, Достоевский, ерунда, ёмкий, журнал, задание, затянутый, инструкция, интеллект, какой-то, компьютер, конспект, конституция, красивый, краткость, кровать, лень, летопись, литература, личность, лонгрид, меню, месть, мир, много, мокрый, мысль, научный, новый, обзор, объемный, описание, отрывок, очерк, работа, Парфюмер, перечень, перо, персонаж, печатный, писать, повесть, повествование, пост, правильный, правка, проверка, произведение, поэзия, ресурс, реферат, роман, символ, словосочетания, содержание, сочинение, страница, строгость, суть, сюжет, тетрадь, трудно, усталость, учеба, фанфикшн, характеристика, Хогвартс.нет, цифра, чернила, черный, экзамен, энциклопедия, эпикриз, эстетика, ютуб.

Ассоциаты-словосочетания (всего – 33): связные предложения (3); Война и мир (2); визуальная информация; главная мысль; для понимания перевода; информационный источник; книга фанфиков; краткий пересказ; коротко о главном;

Лев Толстой; Над пропастью во ржи; описание Дуба; от первого лица; письменная речь; пост в Инстаграм; Повесть лет; Похороните меня за плинтусом; Поющие в терновнике; Преступление и наказание; пространное описание; сервис онлайн-дневников; смысл прочитанного; совсем надоели; Сто лет одиночества; тип речи; художественный текст; убийственный контекст; Чайка по имени Джонатан Ливингстон; Черный обелиск; экзамен по лингвистике текста.

Результаты анализа ассоциативного материала на слово-стимул «дискурс». Общее количество ассоциатов – 472.

Количество *однословных* ассоциативных реакций – 458: спор (31); ресурс (30); речь (24); дискуссия (22); лонгрид (21); предложения (20); беседа (18); обсуждение (15); политика (12); разговор (11); (*по 10 упоминаний*) полемика, анализ; (*по 9 упоминаний*) коммуникация, довод; логика (8); (*по 7 упоминаний*) диалог, консенсус, мемы, мысль, ракурс; (*по 6 упоминаний*) курс, общение, политология; (*по 5 упоминаний*) наука, проблема, рассуждение; (*по 4 упоминания*) введение, учеба; (*по 3 упоминания*) аргументы, атмосфера, дебаты, компания, люди, манипуляция, мнение, мозг, направление, политический, слово, текст, учебник, экскурс; (*по 2 упоминания*) взгляд, вопрос, мышление, ответы, окружение, отличный, тема, термин, шпага; (*по одному упоминанию*) взаимодействие, выступление, давит, демократия, глупость, единство, Жириновский, знакомства, изложение, интерес, интересный, исследование, история, кактус, комментарий, коммуницирование, контекст, микс, Лакан, лингвистика, научный, символ, система, ситуация, скука, огурец, оценка, ориентир, общество, область, писатель, польза, понимание, понятие, посвящение, правда, программа, путешествие, разрешение, рассказ, рассуждения, ресурс, риторика, связь, семинар, серьезный, спонтанно, ссоры, сфера, тематика, тест, течение, ум, университет, учение, философия, форумный, цель, экскурсия, эстетика, язык, языковой, cd-диск.

Ассоциации-словосочетания (всего – 14): не знаю (4); разные мнения (2); время покажет; из области непонятной науки; логический довод; манипуляция всеми; очень нравится; что-то очень страшное, очень умное слово; слово, умное донельзя.

Материал нашего ассоциативного эксперимента позволил выявить факты, которые способны служить подтверждением мнения В. И. Карасика о том, что «текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме» [16, с. 21]. Так, в ядре ассоциативного поля «текст» представлена реакция «фанфики» (20 упоминаний в ассоциативном материале, что составляет 10% от общего количества ядерных реакций). Наличие в ассоциативном материале этого популярного в молодежной среде жаргонизма, обозначающего любительское сочинение по мотивам какого-либо популярного литературного произведения, подчеркивает выявление фактора результативности как явной характеристики текста. Эта ядерная реакция эксплицирует также семантическую связь стимула «текст» в языковом сознании респондентов с жанрами и типами текста. Ассоциаты *повесть, роман, летопись, стихотворение, аннотация, биография, инструкция, сочинение* как названия традиционных больших и малых текстовых жанров, представлены как в околоядерной зоне, так и на периферии ассоциативного поля, продуцируемого стимулом «текст».

Подтверждение статуса текста как письменного результата речевого творчества подчеркивают такие ассоциации, находящиеся на периферии концепта-стимула «текст», как *Война и мир*, *Преступление и наказание*, *Черный обелиск*, *Сто лет одиночества*, *Парфюмер*, *Поющие в терновнике*, *Над пропастью во ржи*, *Волхв* (эти названия произведений авторства Л. Н. Толстого, Э. М. Ремарка, Г. Г. Маркеса, П. Зюскинда, К. Маккалоу, Д. Д. Сэлинджера, Дж. Фаулза, приводятся респондентами без кавычек). Примечательно, что респонденты упомянули преимущественно произведения зарубежной литературы. При этом в ассоциативном материале отмечены одиночные ассоциаты – имена собственные, называющие представителей русской классической литературы (*Гоголь*, *Достоевский*), но респондентами не назван ни один зарубежный писатель.

По результатам ассоциативного эксперимента, находит подтверждение мнение О. Ф. Русаковой, что понятие дискурса «крайне популярно не только в лингвистике, но и в большинстве гуманитарных наук»: «Понятие «дискурс» – одно из самых интенсивно применяемых в гуманитарных науках, политических, масс-медийных и деловых кругах. Им обозначаются весьма разноплановые ментальные и практические модусы социумной жизни, включая ее виртуальные образования» [42, с. 5].

Поскольку в эксперименте приняли участие обучающиеся различных направлений подготовки, включая медицинские, инженерные, технические, физико-математические, естественно-научные специализации, первоначально мы выдвинули предположение о том, что такие респонденты будут испытывать затруднения в предоставлении вербальных реакций на стимул «дискурс». Однако эта гипотеза не подтвердилась: только 6 респондентов отказались дать реакцию на данный стимул, что сопоставимо с количеством отрицательных реакций на стимул «текст» (2 отказа). Таким образом, можно утверждать, что реагирование на стимул «дискурс» не вызывало особенных трудностей у респондентов-обучающихся, которые не являются гуманитариями. Более того, общее количество однословных реакций, полученных на стимул «дискурс», на 11 лексем больше, чем полученных на стимул «текст». Однако стимул «текст» в языковом сознании респондентов значительно чаще продуцирует реакции-словосочетания.

Оценочный аспект [6] в выявленном ассоциативном материале проявляется слабо, посредством только единичных реакций (*ерунда*, *убийственный контекст*, *скучно*, *очень нравится*). При этом в ассоциативном материале, полученном на стимул «дискурс», представлены немногочисленные ассоциаты с имплицитной семантикой иронии (*что-то очень страшное*, *очень умное слово*; *слово, умное донельзя*). Однако лексика с ярко выраженной эмотивной семантикой не была выявлена среди реакций на оба стимула.

Обращает на себя внимание факт, что ассоциат «*предложение / предложения*» входит в ядерную зону концепта-стимула «текст» (38 реакций) и выявлен в ближней периферии концепта «дискурс» (21 реакция), в чем проявляется семантическое сходство содержания данных концептов. Таким образом, в данном ассоциативном эксперименте нашла подтверждение мысль Э. Бенвениста о том, что уровень предложения является интегративным: на нем заканчивается «область языка как системы знаков и начинается пространство языка как средства общения», выражением которого является речь (*le discours*)» [2, с. 139].

Достаточно неожиданным результатом является то, что ассоциат «лонгрид» вошел в околоядерную зону ассоциативного поля стимула «дискурс» (21 реакция), в то время как стимул «текст» продуцировал только один случай упоминания этого слова. Таким образом, функционально-коммуникативный аспект прагматики мультимедийного текста соотносится респондентами именно с семантическими характеристиками стимула «дискурс».

В интерпретации результатов ассоциативного эксперимента значимым является представление парадигматических и синтагматических связей [28]. По данным эксперимента, все реакции, составляющие ядерную зону обоих концептов, являются парадигматическими. В околоядерной зоне ассоциативного поля концепта «дискурс» выявлена только одна синтагматическая реакция (*политический*), и две (законченный, исторический) – концепта «текст». Немногочисленные синтагматические ассоциативные реакции представлены именно на периферии концептов «текст» (*русский, связный, сложный, большой, длинный, объемный, правильный, затянутый, красивый, мокрый, научный, новый*) и «дискурс» (*отличный, интересный, научный, серьезный, форумный, давит, скучно*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение соотношения текста и дискурса в парадигме транслингвизма – важный аспект в понимании сложных процессов языкового взаимодействия, формирования идентичности индивидуальных и групповых субъектов речевой деятельности и преодоления ими культурных барьеров. Подход, основанный на анализе сложной системы «текст – дискурс», позволяет глубже понять динамику изменений, происходящих в русском языке и его роли в стремительно изменяющемся современном мире, что делает эту область знаний особенно значимой в условиях глобализации и мультикультурализма, способствует созданию эффективных инклюзивных концепций в аспекте изучения особенностей современной межкультурной коммуникации в эпоху транслингвизма.

Основными результатами экспериментального исследования можно считать следующие.

1. Анализ ассоциативных реакций респондентов на стимулы «текст» и «дискурс» позволил установить наличие уровневой структуры соответствующих концептов: выявлены ядро, околоядерная и периферийная зона.
2. По результатам ассоциативного эксперимента, нашел подтверждение статус текста как письменного результата речевого творчества и дискурса – как активного процесса устного общения, который отличается от традиционного письменного языка рядом особенностей – в языковом сознании респондентов-представителей студенческой молодежи.
3. Анализ ассоциаций позволил выявить преобладающие жанры текстов и сферы их функционирования, с которыми у респондентов ассоциировались стимулы «текст» и «дискурс». Определена семантическая связь стимула «текст» в языковом сознании респондентов с жанрами и типами текста. Так, наибольшее количество ассоциаций, продуцированными респондентами на стимул «текст», было связано со сферой создания любительских текстов (*фанфиков*) и творчеством их сочинителей (*фикрайтеров*). Следующей по частотности упоминания респондентами группой ассоциативных реакций являются

художественные тексты, включая их названия и жанры, что указывает на восприятие этого вида текста как значимого источника информации и знания для респондентов-представителей обучающейся молодежи. Представляет интерес тот факт, что среди вербальных реакций, формирующих ядерную и околядерную зону концепта «текст», ассоциации, связанные со сферой медийных технологий, не выявлены. Дискурс ассоциируется респондентами преимущественно со сферой межличностной коммуникации и ее устными видами, а также – с важным ресурсом социального взаимодействия.

4. В соответствии с результатами экспериментального исследования нашел подтверждение тезис о том, что уровень предложения является ключевым, интегративным для текста и дискурса, поскольку «на нем заканчивается «область языка как системы знаков и начинается пространство языка как средства общения» [2]. В этом контексте уровень предложения можно рассматривать как гибридное поле, где сочетаются элементы текстогенерации и дискурсивной практики: именно на уровне предложения происходит переход от абстрактной структуры языка как системы знаков к более сложным формам взаимодействия, свойственным языку как средству общения. Здесь наблюдается взаимодействие между синтаксическими, семантическими и прагматическими аспектами, что подчеркивает многоуровневую природу языка.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 607 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд. 4-е. – Москва: Либроком, 2010. – 448 с.
3. Богоявленская Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 6–16.
4. Боженкова Р. К. Экспликация лингвокультурных смыслов институционального дискурса (на материале русско-англоязычных религиозной и политической коммуникативных практик): к постановке проблемы // Известия Юго-Западного государственного ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2014. – №1. – С. 46–52.
5. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Мат-лы докладов и сообщений Междунар. научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, проф. Л. Г. Бабенко (Екатеринбург, Москва, 28–30 сентября 2016 г.). – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 16–25.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 278 с.
7. Воронцова Т. А. Функциональная стилистика VS дискурсология или функциональная стилистика + дискурсология? // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 71–76.
8. Воякина Е. Ю. Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований: системный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 11. – С. 3469–3479.
9. Вьюркова Е. В. Понятие дискурса в лингвистике: формальный и функциональный подходы // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. – 2016. – № 5. – С. 63–68.
10. Григорьева В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 46–57.
11. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. – Москва: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
12. Радбиль Т. Б. и др. Душа и тело в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 127–150.

13. Дымарский М. Я. Текст vs дискурс: еще раз к определению понятий // Функциональная лингвистика: Научный журнал. – 2011. – № 2. – Т. 1. Мат-лы III Крымского междунар. лингвистического конгресса. – С. 189–192.
14. Зырянова М. Н. К вопросу о типологии концептов // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 4 (19). – Режим доступа: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/4/00796.pdf> – (Дата обращения: 28.12.2023).
15. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. – 2016. – № 4. – С. 56–78.
16. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 17–34.
17. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
18. Китанина Э. А. Языковое воплощение концептов *свое/чужое* в политических представлениях и ценностях россиян // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. – 320 с.
19. Кочергина В. И. Методологические аспекты изучения социальной ментальности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 9 (364). – С. 159–163.
20. Кравченко Н. К. Интегративное описание параметров дискурса: типология, дифференциация, обоснование // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2015. – № 5. – С. 3–12.
21. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
22. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 1–10.
23. Кулявина А. П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1 (15). – С. 1157–1161.
24. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Коллективная монография / Маркова Е. М., Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Ручина Л. И. и др. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. – 248 с.
25. Литвинчук И. Н. Исследование концептуального пространства «субъекты образовательной деятельности» в ассоциативном эксперименте // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 6–22.
26. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
27. Мальцев М. А. ИНТЕР-энциклопедия: разговорный анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 154–165.
28. Навильникова Д. И. Представление парадигматических и синтагматических связей как способ интерпретации результатов ассоциативного эксперимента // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 201–206.
29. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> – (Дата обращения: 23.05.2024).
30. Палкин А. Д. Ассоциативное поле «выпивка» в языковом сознании // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 51–57.
31. Петров С. В. Дискурс как единица текста // Образование и право. – 2020. – № 10. – С. 249–251.
32. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Учеб. пособие. – М.: Флинта. Наука, 2011. – 176 с.
33. Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2008. – 22 с.
34. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ Восток-Запад, 2010. – 314 с.
35. Попова Л. В. Соотношение понятий «Концепт», «Понятие», «Значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы // Омский научный вестник. – 2013. – № 4. – С. 127–131.
36. Потапова Р. К. Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
37. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров и др. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – С. 50–73.
38. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта. Наука, 2004. – 224 с.

39. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвальность и транскультурные практики. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 155–170.
40. Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 759–774.
41. Родина В. В. Дискурс: генезис, природа и содержание: обзор научных школ // Известия СПбГЭУ. – 2018. – № 1 (109). – С. 101–121.
42. Русакова О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 5–34.
43. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты. – Санкт-Петербург: Научное издание, 2021. – 139 с.
44. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В. и др. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34.
45. Селезнева Л. В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник СВФУ. – 2014. – Т. 11. – № 5. – С. 67–75.
46. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 280 с.
47. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 243 с.
48. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Вентер Е. Методы анализа текста и дискурса. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
49. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мир: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
50. Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012. – 339 с.
51. Фан И. Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1–2 (11–12). – С. 147–154.
52. Харверг Р. Редуцированная речь // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.
53. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность? // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 45–51.
54. Чикилева Л. С., Сергеева А. Г. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект // Российский гуманитарный журнал «Либеральные науки в России». – 2020. – Т. 9. – № 1. – С. 42–60.
55. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 639 с.
56. Юнаковская А. А. Показатели бытийного дискурса (на материале воспоминаний жителей г. Омска) // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2015. – № 27 (382). – С. 190–194.
57. Beiler I. R., Dewilde J. Translation as Translingual Writing Practice in English as an Additional Language // The Modern Language Journal. – 2020. – Vol. 104, № 3. – P. 533–549.
58. Canagarajah S. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship // Journal of English for Academic Purposes. – 2002. – № 1. – P. 29–44.
59. Canagarajah S. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. – London, New York, Routledge, 2013. – 224 p.
60. Canagarajah S. Materialising semiotic repertoires: Challenges in the interactional analysis of multilingual communication // International Journal of Multilingualism. – 2021. – № 18 (2). – P. 206–225.
61. Canagarajah S. Challenges in decolonizing linguistics: The politics of enregistrement and the divergent uptakes of translanguaging // Educational Linguistics. – 2022ю – № 1 (1). – P. 1–31.
62. Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity. – Edinburgh, Edinburgh University Press, 1999. – 367 p.
63. Dahlström H. Students as digital multimodal text designers: A study of resources, affordances, and experiences // British Journal of Educational Technology. – 2022. – Vol. 53. – P. 391–407.
64. Fairclough N. Analyzing Discourse: Text Analysis for Social Research. – London, Routledge, 2003. – 270 p.
65. Fairclough N. Language and Power. (3rd edn.). – London, Routledge, 2015. – 264 p.

66. Fránquiz M. E., Ortiz A. A. Co-editors' introduction: Translingual practice: Creating access for those who do not speak the majority language // *Bilingual Research Journal*. – 2019. – № 42 (2). – P. 125–128.
67. García O. Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education // *The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity*. – Bristol, Buffalo and Toronto, Multilingual Matters. – 2014. – P. 100–118.
68. Garcia O., Wei L. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. – New York, Palgrave Macmillan, 2014. – 175 p.
69. Gee J. P. *An introduction to discourse analysis: Theory and method*. – Routledge, 2014. – 248 p.
70. Hall S. *Encoding/decoding* // *Media and Cultural Studies*. – Wiley-Blackwell Publ. – P. 117–124.
71. Haydarov I. T., Nigmatova D. Y., Sattorova M. O., Khalilova H. K., Allaberganova D. I. Review of discussion of discourse as an object of linguistics // *Palarch's journal of archaeology of Egypt. Egyptology*. – 2021. – № 18 (7). – P. 1889–1896.
72. Lee Jerry Won. Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language // *Critical Inquiry in Language Studies*. – 2014. – V. 11, № 1. – P. 50–74.
73. Li W. Translanguaging as a practical theory of language // *Applied Linguistics*. – 2018. – № 39 (2). – P. 61.
74. Lawrence J. Z. *Translingual Practices and English as an Additional Language: A Conversation with Professor Suresh Canagarajah* // *RELC Journal*. – 2022. – № 53 (2). – P. 1–9.
75. Malt B. C., Sloman S. A., Gennari S. P. Universality and language specificity in object naming // *Journal of memory and language*. – 2003. – № 49 (1)ю – P. 20–42.
76. Moffett J. W., Garretson Folse J. A., Palmatier R. W. A theory of multiformat communication: mechanisms, dynamics, and strategies // *Journal of the Academy of marketing science*. – 2021. – Vol. 49. – P. 441–461.
77. Pugach V. S., Kuprieva I. A., Kuptsova U. A., Smirnova S. B. Conceptual sphere as a mental structure and its formation structure (in the aspect of studying the conceptsphere «Family relations») // *The Social sciences*. – 2015. – № 10 (6). – P. 259–262.
78. Sun Y. Increasing critical language awareness through translingual practices in academic writing // *Journal of English for academic purposes*. – 2023. – Vol. 62. – P. 101–229.
79. Unger J. W. The interdisciplinarity of critical discourse studies research // *Palgrave communications*. – 2016. – P. 1–4.
80. Van Dijk, Teun A. *Discourse studies and hermeneutics* // *Discourse Studies*. – 2011. – № 13 (5). – P. 609–621.
81. Van Dijk, Teun A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 407 p.
82. Virtanen M., Kääntä L. At the intersection of text and conversation analysis: analysing asynchronous online written interaction // *Diskurssintutkimuksen menetelmistä. On the methods of discourse studies. AFinLAn e. Soveltavan kielitieteen tutkimuksia*. – 2018. – № 11ю – P. 137–155.
83. Xie D., Sun Y. Decolonizing English academic writing education through translingual practices // *Linguistics and Education*. – 2024. – Vol. 81. – P. 307.
84. Wang Y. «Language» and «Discourse»: Two perspectives on linguistic philosophy // *Semiotica*. – 2018. – Vol. 224. – P. 295–312.
85. Weiss G., Wodak R. *Theory and interdisciplinarity*. – Basingstoke, Palgrave, 2007. – 231 p.
86. Wodak R. *Complex texts. Analysing, understanding, explaining and interpreting meanings* // *Discourse Studies*. – 2011. – № 13 (5). – P. 623–633.
87. Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis. Vol. 1*. –Sage, 2013. – 341 p.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1966. 607 p.
2. Benvenist Je. *Obshhaja lingvistika*. [General linguistics.]. 4-th ed. Moscow, Librokom Publ., 2010. 448 p.
3. Bogojavlenskaja Ju. V. *Problema tipologii konceptov v sovremennoj lingvistike* [The problem of concept typology in modern linguistics]. *Lingvokul'turologija*, 2013, no 7, pp. 6–16.
4. Bozhenkova R. K. *Jeksplikacija lingvokul'turnyh smyslov institucional'nogo diskursa (na materiale rusko-anglojazychnyh religioznoj i politicheskoy komunikativnyh praktik): k postanovke problem* [Explication of the linguocultural meanings of institutional discourse (based on the material of Russian-English religious and political communicative practices): to the problem statement]. *Izvestija Jugozapadnogo gosudarstvennogo un-ta. Serija «Lingvistika i pedagogika»*, 2014, no 1, pp. 46–52.

5. Boldyrev N. N. *Tipologija konceptov i jazykovaja interpretacija* [Typology of concepts and linguistic interpretation]. *Novaja Rossija: tradicii i innovacii v jazyke i nauke o jazyke. Mat-ly dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj jubileju Zasluzhennogo dejatelja nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L. G. Babenko (Ekaterinburg, Moskva, 28–30 sentjabrja 2016)*. Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj Publ., 2016, pp. 16–25.
6. Vol'f E. M. *Funkcional'naja semantika ocheni*. [Functional semantics of evaluation]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2020. 278 p.
7. Voroncova T. A. *Funkcional'naja stilistika VS diskursologija ili funkcional'naja stilistika + diskursologija?* [Functional stylistics VS discoursology or functional stylistics + discoursology?]. *Aktual'nye problemy stilistiki*, 2015, no 1, pp. 71–76.
8. Vojakina E. Ju. *Diskursivnye praktiki internet-kommunikacii v svete lingvisticheskikh issledovanij: sistemyj obzor* [Discursive practices of Internet communication in the light of linguistic research: a systematic review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, Vol. 15, Iss. 11, pp. 3469–3479.
9. V'jurkova E. V. *Ponjatije diskursa v lingvistike: formal'nyj i funkcional'nyj podhody* [The concept of discourse in linguistics: formal and functional approaches]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Serija «Istorija i filologija»*, 2016, no 5, pp. 63–68.
10. Grigor'eva V. S. *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty konstruirovaniya diskursa* [Cognitive-pragmatic aspects of discourse construction]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2007, no 2, pp. 46–57.
11. Dem'jankov V. Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo jazyka* [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. *Jazyk. Lichnost'. Tekst. Sb. st. k 70-letiju T. M. Nikolaevoj*. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2005, pp. 34–55.
12. *Dusha i telo v aspekte sopostavitel'nogo analiza konceptov kul'tury: materialy k lingvokul'turologicheskomu frazeologicheskomu slovarju russko-kazahskikh sootvetstvij* [Soul and body in the aspect of comparative analysis of cultural concepts: Materials for the linguocultural phraseological dictionary of Russian-Kazakh correspondences]. T. B. Radbil', G. A. Ahmetzhanova, Zh. Zh. Zhumagulova, A. E. Seraliev, G. E. Seraliev. *Nauchnyj dialog*, 2020, no 3, pp. 127–150.
13. Dymarskij M. Ja. *Tekst vs diskurs: eshhe raz k opredeleniju ponjatij* [Text vs discourse: once again to the definition of concepts]. *Funkcional'naja lingvistika: Nauchnyj zhurnal*, 2011, no 2, Iss. 1. *Mat-ly III Krymskogo mezhdunar. lingvisticheskogo kongressa*. Simferopol, 2011, pp. 189–192.
14. Zyrjanova M. N. *K voprosu o tipologii konceptov* [On the question of the typology of concepts]. *Jelektromnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU*, 2019, no 4 (19). Available from: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/4/00796.pdf> (accessed 28 December 2023).
15. Karasik V. I. *Diskursivnoe projavlenie lichnosti* [The discursive manifestation of personality]. *Vestnik RUDN*, 2016, no 4, pp. 56–78.
16. Karasik V. I. *Diskursologija kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki* [Discoursology as a branch of communicative linguistics]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2016, no 1 (21), pp. 17–34.
17. Kibrik A. A. *Kognitivnye issledovanija po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy jazykoznanija*, 1994, no 5, pp. 126–139.
18. Kitanina Je. A. *Jazykovoje voploshhenie konceptov svoe/chuzhoe v politicheskikh predstavlenijah i cennostjah rossijan* [The linguistic embodiment of the concepts "mine/another's" in the political ideas and values of Russians]. *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa*. Moscow, Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina Publ., 2021. 320 p.
19. Kochergina V. I. *Metodologicheskie aspekty izuchenija social'noj mental'nosti* [Methodological aspects of the study of social mentality]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no 9 (364), pp. 159–163.
20. Kravchenko N. K. *Integrativnoe opisanie parametrov diskursa: tipologija, differenciacija, obosnovanie* [Integrative description of discourse parameters: typology, differentiation, justification]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*, 2015, no 5, pp. 3–12.
21. Kubrjakova E. S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*. [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world.]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004. 560 p.
22. Kulakova A. B. *Pokolenie Z: teoreticheskij aspekt* [Generation Z: the theoretical aspect]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, 2018, no 2 (42), pp. 1–10.

23. Kuljavina A. P. *Sootnoshenie ponjatij «tekst» i «diskurs» kak metodologičeskaja problema* [The correlation of the concepts «text» and «discourse» as a methodological problem]. *Izvestija Samarskogo naučnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2015, Vol. 17, no 1 (15), pp. 1157–1161.
24. *Lingvokognitivnye aspekty izučenija nacional'nyh konceptosfer v sinhronii i diahronii: Kollektivnaja monografija* [Linguocognitive aspects of the study of national conceptual spheres in synchrony and diachrony: A collective monograph] / Markova E. M., Radbil' T. B., Raciburskaja L. V., Ruchina L. I. i dr. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2020. 248 p.
25. Litvinchuk I. N. *Issledovanie konceptual'nogo prostranstva «subjekty obrazovatel'noj dejatel'nosti» v asociativnom jeksperimente* [The study of the conceptual space «subjects of educational activity» in the associative experiment]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates*, 2021, Vol. 7, no 2 (26), pp. 6–22.
26. Lihachev D. S. *Konceptosfera russkogo jazyka* [The conceptual sphere of the Russian language]. *Izvestija RAN. Ser. lit. i jaz.*, 1993, no 1, pp. 3–9.
27. Mal'cev M. A. *INTER-jenciklopedija: konversacionnyj analiz* [INTER-encyclopedia: conversational analysis]. *Interakcija. Interv'ju. Interpretacija*, 2022, Vol. 14, no 3, pp. 154–165.
28. Navil'nikova D. I. *Predstavlenie paradigmaticeskij i sintagmaticeskij svyazej kak sposob interpretacii rezul'tatov asociativnogo jeksperimenta* [Presentation of paradigmatic and syntagmatic connections as a way of interpreting the results of an associative experiment]. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 2009, no 2, pp. 201–206.
29. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. [The National Corpus of the Russian Language]. Available from: <https://ruscorpora.ru/> (accessed May 23 2024).
30. Palkin A. D. *Associativnoe pole «vypivka» v jazykovom soznanii* [The associative field «booze» in the linguistic consciousness]. *Russkaja rech'*, 2011, no 6, pp. 51–57.
31. Petrov S. V. *Diskurs kak edinica teksta* [Discourse as a unit of text]. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no 10, pp. 249–251.
32. Pimenova M. V. *Konceptual'nye issledovanija. Učeb. posobie*. [Conceptual research. A study guide]. Moscow, Flinta. Nauka Publ., 2011. 176 p.
33. Ponomareva E. Ju. *Konceptual'naja oppozicija «Žizn' – Smer't'» v pojetičeskom diskurse (na materiale poezii D. Tomasa i V. Brjusova) Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [The conceptual opposition «Life – Death» in poetic discourse (based on the poetry of D. Thomas and V. Bryusov). Abstract of thesis]. Tyumen', 2008. 22 p.
34. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST Vostok-Zapad Publ., 2010. – 314 p.
35. Popova L. V. *Sootnoshenie ponjatij «Koncept», «Ponjatie», «Znachenie» v rusle komunikativno-kognitivnoj paradigmy* [The correlation of the concepts «Concept», «Term», «Meaning» in line with the cognito-communicative paradigm]. *Omskij naučnyj vestnik*, 2013, no 4, pp.127–131.
36. Potapova R. K. *Jazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2006. 496 p.
37. *Prepodavanje russkogo jazyka v Krymu: istoričeskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: historical and ethnocultural context: a collective monograph]. T. V. Arzhanceva, L. A. Orehova, A. V. Petrov i dr. Simferopol. KFU Publ., 2022, pp. 50–73.
38. Prohorov Ju. E. *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs*. [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta. Nauka Publ., 2004. 224 p.
39. Proshina Z. G. *Translingvizm i ego prikladnoe znachenie* [Translingualism and its applied significance]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki. Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'*, 2017, Vol. 14, no 2, pp. 155–170.
40. Radbil' T. B. *«Samoizoljacija» kak novejšij russkij kul'turnyj koncept: kognitivno-diskursivnyj aspekt* [«Self-isolation» as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnye issledovanija*, 2020, Vol. 7, no 4, pp. 759–774.
41. Rodina V. V. *Diskurs: genezis, priroda i sodержanie: obzor naučnyh škol* [Discourse: genesis, nature and content: a review of scientific schools]. *Izvestija SPbGJeU*, 2018, no 1 (109), pp. 101–121.
42. Rusakova O. F. *Osnovnye teoretiko-metodologičeskie podhody k interpretacii diskursa* [The main theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse]. *Antinomii: Naučnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2007, Vol. 7, pp. 5–34.
43. Savel'eva I. V. *Neprofessional'nyj političeskij diskurs: lingvopragmaticeskij i lingvopersonologičeskij aspekty* [Non-professional political discourse: linguopragmatic and linguopersonological aspects]. Saint Petersburg, Naukoemkie tehnologii Publ., 2021. 139 p.

44. Savchuk S. O., Arhangel'skij T. A., Bonch-Osmolovskaja A. A., Donina O. V. et al. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitija* [The National Corpus of the Russian Language 2.0: new opportunities and development prospects]. *Voprosy jazykoznanija*, 2024, no 2, pp. 7–34.
45. Selezneva L. V. *K voprosu o sootnoshenii teksta i diskursa* [On the question of the correlation between text and discourse]. *Vestnik SVFU*, 2014, Vol. 11, no 5, pp. 67–75.
46. Sossjur F. de. *Zametki po obshhej lingvistike* [Notes on general linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2001. 280 p.
47. Teliya V. N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 243 p.
48. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Kharkov, Gumanitarnyj centr Publ., 2009. 356 p.
49. Uryson E. V. *Problemy issledovanija jazykovoj kartiny mir: Analogija v semantike* [Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. 2003. 224 p.
50. Uspenskij B. A. *Ego Loquens. Jazyk i kommunikacionnoe prostranstvo*. [Language and communication space]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Rossijskij gos. humanitarnyj un-t Publ., 2012. 339 p.
51. Fan I. B. *Diskurs patriotizma: ot mnogoobrazija k monopolii* [The Discourse of Patriotism: from diversity to monopoly]. *Diskurs-Pi*, 2013, no 1–2 (11–12), pp. 147–154.
52. Harverg R. *Reducirovannaja rech'* [Reduced speech]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvistika teksta*. Moscow, Progress Publ., 1978. 479 p.
53. Huhuni G. T., Valujceva I. I. *Translingvizm, transkul'tural'nost' i jetmokol'turnaja identichnost': komplementarnost' ili konfliktnost'?* [Translingualism, transculturalism and ethno-cultural identity: complementarity or conflict?]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 2019, Vol. 16, no 1, pp. 45–51.
54. Chikileva L. S., Sergeeva A. G. *Politicheskij diskurs parlamentskih debatov: pragmalingvisticheskij aspekt* [The political discourse of parliamentary debates: the pragmalinguistic aspect]. *Rossijskij humanitarnyj zhurnal «Liberal'nye nauki v Rossii»*, 2020, Vol. 9, no 1, pp. 42–60.
55. Shvedova N. Ju. *Russkij jazyk: Izbrannye raboty* [The Russian Language: Selected works]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 639 p.
56. Junakovskaja A. A. *Pokazateli bytijnogo diskursa (na materiale vospominanij zhitelej g. Omska)* [Indicators of existential discourse (based on the memories of residents of Omsk)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no 27 (382), pp. 190–194.
57. Beiler I. R., Dewilde J. *Translation as Translingual Writing Practice in English as an Additional Language. The Modern Language Journal*, 2020, Vol. 104, no 3, pp. 533–549.
58. Canagarajah S. *Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship. Journal of English for Academic Purposes*, 2002, no 1, pp. 29–44.
59. Canagarajah S. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. London, New York, Routledge, 2013. 224 p.
60. Canagarajah S. *Materialising semiotic repertoires: Challenges in the interactional analysis of multilingual communication. International Journal of Multilingualism*, 2021, no 18 (2), pp. 206–225.
61. Canagarajah S. *Challenges in decolonizing linguistics: The politics of enregistrement and the divergent uptakes of translingualism. Educational Linguistics*, 2022, no 1 (1), pp. 1–31.
62. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1999. 367 p.
63. Dahlström H. *Students as digital multimodal text designers: A study of resources, affordances, and experiences. British Journal of Educational Technology*. 2022, Vol. 53, pp. 391–407.
64. Fairclough N. *Analyzing Discourse: Text Analysis for Social Research*. London, Routledge, 2003. 270 p.
65. Fairclough N. *Language and Power*. 3rd edn. London, Routledge, 2015. 264 p.
66. Fránquiz M. E., Ortiz A. A. *Co-editors' introduction: Translingual practice: Creating access for those who do not speak the majority language. Bilingual Research Journal*, 2019, no 42 (2), pp. 125–128.
67. García O. *Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education. The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity*. Bristol, Buffalo and Toronto, Multilingual Matters, 2014, pp. 100–118.
68. Garcia O., Wei L. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 175 p.
69. Gee J. P. *An introduction to discourse analysis: Theory and method*. Routledge, 2014. 248 p.
70. Hall S. *Encoding/decoding. Media and Cultural Studies*. Wiley-Blackwell Publ., 1980, pp. 117–124.

71. Haydarov I. T., Nigmatova D. Y., Sattorova M. O., Khalilova H. K., Allaberganova D. I. *Review of discussion of discourse as an object of linguistics. Palarch's journal of archaeology of Egypt*. Egyptology, 2021, no 18 (7), pp. 1889–1896.
72. Lee Jerry Won. *Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language. Critical Inquiry in Language Studies*, 2014, Vol. 11, no 1, pp. 50–74.
73. Li W. *Translanguaging as a practical theory of language. Applied Linguistics*, 2018, no 39 (2), pp. 61.
74. Lawrence J. Z. *Translingual Practices and English as an Additional Language: A Conversation with Professor Suresh Canagarajah. RELC Journal*, 2022, no 53 (2), pp. 1–9.
75. Malt B. C., Sloman S. A., Gennari S. P. *Universality and language specificity in object naming. Journal of memory and language*, 2003, no 49 (1), pp. 20–42.
76. Moffett J. W., Garretson Folse J. A., Palmatier R. W. *A theory of multiformat communication: mechanisms, dynamics, and strategies. Journal of the Academy of marketing science*, 2021, Vol. 49, pp. 441–461.
77. Pugach V. S., Kuprieva I. A., Kuptsova U. A., Smirnova S. B. *Conceptual sphere as a mental structure and its formation structure (in the aspect of studying the conceptsphere «Family relations»)*. *The Social sciences*, 2015, no 10 (6), pp. 259–262.
78. Sun Y. *Increasing critical language awareness through translingual practices in academic writing. Journal of English for academic purposes*, 2023, Vol. 62, pp. 101–229.
79. Unger J. W. *The interdisciplinarity of critical discourse studies research. Palgrave communications*, 2016, pp. 1–4.
80. Van Dijk, Teun A. *Discourse studies and hermeneutics. Discourse Studies*, 2011, no 13 (5), pp. 609–621.
81. Van Dijk, Teun A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 407 p.
82. Virtanen M., Käätä L. *At the intersection of text and conversation analysis: analysing asynchronous online written interaction. Diskursintutkimuksen menetelmistä. On the methods of discourse studies. AFinLA-e. Soveltavan kielitieteen tutkimuksia*, 2018, no 11, pp. 137–155.
83. Xie D., Sun Y. *Decolonizing English academic writing education through translingual practices. Linguistics and Education*, 2024, Vol. 81, pp. 307.
84. Wang Y. *«Language» and «Discourse»: Two perspectives on linguistic philosophy. Semiotica*, 2018, Vol. 224, pp. 295–312.
85. Weiss G., Wodak, R. *Theory and interdisciplinarity*. Basingstoke, Palgrave, 2007. 231 p.
86. Wodak R. *Complex texts. Analysing, understanding, explaining and interpreting meanings. Discourse Studies*, 2011, no 13 (5), pp. 623–633.
87. Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis*. Vol. 1. Sage, 2013. 341 p.

TEXT AND DISCOURSE IN THE ERA OF TRANSLINGUALISM: RELATIONSHIP AND INTERPRETATION OF CONCEPTS

Litvinchuk I. N.

The relevance of the article is determined by the attention of modern linguistics to the problem of the relationship between the concepts of «text» and «discourse» in the interdisciplinary paradigm of scientific research especially within the framework of the theory of translanguaging. The question of the legitimacy of classifying the concepts «text» and «discourse» as concepts is discussed based on the material of modern scientific sources devoted to current problems of linguoconceptology. In order to identify the specifics of the concepts «text» and «discourse» examples are drawn from texts of different genres recorded in the Russian National Corpus (RNC). As analysis of RNC demonstrates text and discourse have long gone beyond purely terminological semantics and narrow functional word usage and acquired the cognitive-semantic status of concepts. The content of the concepts «text» and «discourse» is also revealed on the basis of an associative experiment. The respondents were students of higher education institutions of the Republic of Crimea in various areas of training. The semantic features of associative reactions obtained to the stimuli «text» and «discourse» are determined. Syntagmatic and paradigmatic reactions to each of the presented stimuli were identified. The hypothesis about the level structure of the concepts «text» and «discourse» was confirmed as a result of the analysis of the associative reactions of respondents.

Key words: text; discourse; concept; translanguaging; associative experiment; linguistic consciousness.

УДК 81'27

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-179-192

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ) В ЖАНРЕ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ

Онищенко Ю. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: schenec11@mail.ru

В статье рассматриваются особенности разговорной речи, реализуемые носителями британского варианта английского языка, в жанре комедийного ток-шоу. Материалом исследования выступает речь молодых женщин – жительниц Великобритании, владеющих языковой нормой. Представлен анализ научной литературы, в которой освещается проблематика стилистической принадлежности разговорной формы языка и статуса разговорной речи, указываются присущие непринуждённой речи особенности. На эмпирическом материале исследуются средства выразительности устной спонтанной речи на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях с помощью общих научных и частных специализированных методов, нацеленных на выявление дистинктивных конституирующих признаков разговорного стиля, реализуемого в речи участниц комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», систематизацию полученных данных, а также интерпретацию результатов в социолингвистическом аспекте. Данное исследование вносит вклад в развитие современной функциональной стилистики английского языка, а также обогащает знание об особенностях разговорной нормы британского варианта английского языка, что может применяться с дидактической целью на занятиях по иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: британский вариант английского языка, языковая норма, разговорная речь, разговорный стиль, социолингвистический анализ.

*«Литературный язык может
настолько отличаться от разговорного,
что приходится иногда говорить
о двух разных языках»*

Л. В. Щерба [13]

ВВЕДЕНИЕ

Современное языкознание изучает стилистические возможности всех уровней языка, опираясь на классические образцы стилистических исследований художественной речи В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, А. В. Чичерина, Л. В. Щербы. В первой половине прошлого века внимание ученых было обращено главным образом на значимость образно-лексического строя произведения, что подчеркивается в трудах А. М. Пешковского [10, с. 159–160]. В середине XX в. активно развивается функциональная стилистика на материале русского, английского, немецкого, французского языков (И. В. Арнольд, Ш. Балли М. П. Брандес, И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина, Ю. М. Скребнев), а с 70–80 гг. возникают исследования, посвященные проблемам грамматической стилистики (И. Б. Голуб, Н. Н. Раевская, Н. М. Фирсова), разрабатываемые в последние десятилетия такими учеными, как Л. А. Брусненская, О. А. Крылова, Л. В. Курочкина, Е. Н. Ремчукова, С. А. Пуханов, С. В. Уланова и т. д. Фонетическая стилистика, или фоностилистика, изучающая звучащую речь в контексте ситуации общения, берет начало в трудах Л. В. Щербы, а речевая коммуникация всесторонне

исследуется учеными как во второй половине XX века, так и в последние десятилетия (Л. В. Бондарко, Е. А. Земская, С. М. Гайдучик, Л. Р. Зиндер, Л. В. Златоустова, Г. Майнхольд, А. Д. Петренко, Р. К. Потапова). Стилистические особенности разговорной речи (далее – РР) как особой формы языка являются предметом лингвистических штудий уже более полувека. Признавая тот факт, что РР является особой системой в парадигме функциональных стилей, исследователи на различном языковом материале исследуют особенности неподготовленной речи носителей языка с учетом таких социолингвистических параметров, как возраст, уровень образования, гендерная принадлежность и социальный статус, вовлеченность в те или иные сообщества практики.

Традиционно в иерархии функциональных стилей литературной формы языка выделяют научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский, публицистический стили, которые представляют собой подсистемы, обладающие особенностями в лексике и фразеологии, иногда в фонетике [1, с. 320]. Как отмечает В. П. Москвин, разговорный стиль является функциональной разновидностью литературного языка, используемой для устного неофициального общения, поэтому данный стиль также называют разговорно-бытовым. Среди специфичных черт автор выделяет сниженную лексику, активную жестикуляцию и мимические движения, допустимость тематической полифонии [6, с. 37].

В то же время, вопрос о статусе стилистической принадлежности РР порождает дискуссии среди исследователей. Еще в 1968 г. Е. А. Земская в труде, посвященном разговорной речи носителей русского языка (литературной формы), указывает на невозможность отождествления РР со сниженным стилем в ряду стилей «книжный – нейтральный – разговорный (сниженный)». Также РР не тождественна устной речи, поскольку встречается и в письменной форме (элементы разговорного стиля в рекламе, дружеская переписка, использование РР в художественной литературе и т. д.). Относительно форм речи разговорный стиль традиционно присущ диалогу, тем не менее, монологическая форма не исключается (внутренний монолог персонажа литературного произведения) [1, с. 320; 3, с. 4–5].

По мнению Л. В. Бондарко, спонтанная речь представляет собой коммуникацию посредством неподготовленной по форме, свободно и сиюминутно порождаемой устной речи и может сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения [2, с. 4–5]. Е. А. Земская выделяет такие особенности внеязыковой ситуации РР, как 1) неподготовленность речевого акта; 2) непосредственное участие говорящих; 3) непринужденность речи. Непринужденность создается такими компонентами, как 1) наличие неофициальных отношений между говорящими, 2) отсутствие установки на официальный характер сообщения 3) отсутствие условий, нарушающих неофициальность общения. При этом автор отмечает, что обстановка является «самым слабым параметром», поскольку при отсутствии неофициальных отношений и ориентированности на официальность сообщения говорящие, вероятно, не переключатся с литературного языка на разговорный. В то же время, не все говорящие поддаются воздействию обстановки в и обратном смысле, к примеру, не обязательно меняют РР на литературную форму при записи либо в присутствии посторонних [3, с. 18–23].

В. П. Москвин отмечает, что ряд разногласий у лингвистов вызывает также соотношение терминов «разговорная речь» и «разговорный стиль». РР может быть литературной и нелитературной, разговорный стиль, в свою очередь, подразделяют на разговорно-литературный и просторечно-фамильярный. Данная точка зрения подразумевает включение в стилевую парадигму литературного языка нелитературных компонентов. В узком смысле РР противопоставляется разговорному стилю, сохраняя антиномию стиля как подсистемы языка и речи как деятельности. В целом, РР интерпретируется рядом ученых как непринужденная речь носителей литературного языка [6, с. 36–37]. Как отмечает А. А. Коняшкин, в специализированной литературе оба термина могут выступать синонимами, однако чаще разговорным стилем обозначают письменную форму языка, а РР устную. Так, РР характеризует непосредственное, непринужденное, неофициальное общение, в котором наиболее отчетливо реализуется коммуникативная функция языка. Такое общение непосредственно соотносится с обозначающим степень литературности речи термином «разговорный стиль», который подразделяется на средний (нейтральный) и сниженный (разговорный) стиль, что отображено в виде соответствующих помет в словарях [4, с. 53].

Исследование морфосинтаксических, лексико-семантических и фонетико-фонологических особенностей РР привлекает внимание зарубежных и отечественных языковедов. Как отмечает А. Д. Петренко, изучая естественную речевую коммуникацию, можно на обширном материале представить социальную стратификацию в конкретном социуме, поскольку произносительные формы коррелируют одновременно с различными параметрами социального порядка [9, с. 26]. Поскольку ученые не приходят к единому мнению относительно статуса РР, законы, по которым функционирует спонтанная устная речь, все еще требуют систематизации и единообразия, чему и призваны послужить эмпирические исследования разговорной речи на материале различных языков.

Актуальность проблемы определяется отсутствием детального анализа разговорной нормы британского варианта английского языка (далее – АЯ), звучащей в популярных развлекательных масс-медиа. Спонтанная речь участниц комедийного ток-шоу иллюстрирует современные особенности АЯ в регистре непринуждённого общения, понимание которого составляет трудности для обучающихся и требует развития дополнительных навыков перцептивного восприятия беглой речи носителей языка.

Целью исследования является установление характерных для разговорного стиля лексических, морфологических, синтаксических средств выразительности в РР участниц ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» (далее – «ШГН»). Для достижения указанной цели требовалось решить ряд следующих теоретических и практических **задач**: проанализировать существующие подходы к определению статуса и места в иерархии языковых стилей РР и разговорного стиля; установить социолингвистические параметры целевой группы информантов; охарактеризовать инвентарь средств выразительности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка; осуществить комплексный лингвостилистический анализ корпуса данных на материале речи участниц комедийного ток-шоу «ШГН»;

интерпретировать полученные результаты в социолингвистическом и стилистическом аспектах в соответствии с исследованиями РР в специализированной научной литературе.

Материалом исследования послужили видеозаписи ток-шоу «ШГН», содержащие спонтанную речь молодых жительниц Великобритании, владеющих языковой нормой. Отбор информантов отвечает критериям социолингвистического исследования: участницы объединены принадлежностью к единой социальной группе и профессиональной среде (актрисы театра и кино, телеведущие). Информантов, чья речь была проанализирована как относящаяся к современной норме АЯ, можно отнести к высшему среднему классу британского общества согласно таким факторам, как происхождение, уровень полученного образования, высокое положение в рейтинге популярности и финансовых доходов, количество побед в престижных номинациях в сфере искусства [8, с. 77]. Число информантов составляет 10 человек, объединенных по гендерному и возрастному признакам: (женщины возрастом 22–36 лет). Средняя продолжительность звучания образца спонтанной речи составляет 10–12 минут. Общий объем видеозаписей составил 15 выпусков ток-шоу, транслируемых с 2015 по 2021 год (13,5 Гб в цифровом виде), общая длительность аудиозаписей, отобранных для составления корпуса исследования – 1 ч. 45 мин.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как утверждает И. В. Арнольд, стилистическая дифференциация разговорного стиля затруднена главным образом потому, что отдельные разговорные лексические единицы наиболее подвижны, чем слова других стилей, и некоторые словари даже отказываются от соответствующей стилистической пометы. Неоднозначна дифференциация в пределах самого разговорного стиля: часто говорят о подразделении на литературно-разговорный и фамильярно-разговорный (с подгруппой детской речи), при чем, наиболее спорно выделение третьего стиля – просторечия [1, с. 351].

Основными свойствами РР являются неофициальность, непринужденность, относительно свободное речевое поведение, а также сочетание элементов как кодифицированной, так и некодифицированной речи [12]. Так, РР имеет собственную систему норм и систему своих, только ей присущих структурных черт, и единственным критерием нормативности в данном случае выступает встречаемость тех или иных явлений в речи многих лиц, владеющих литературным языком [3, с. 13]. И. В. Арнольд отмечает, что в реализации разговорного стиля решающими социолингвистическими факторами определяют принятые нормы речевого поведения и принцип вежливости [1, с. 352]. Согласимся с выводом Е. А. Земской о том, что «...РР не может быть включена (вернее: втиснута) в систему кодифицированного литературного языка», РР противопоставлена системе литературного языка в целом [3, с. 6].

Как отмечает Е. И. Перехода, РР отражает все потенциально возможные направления развития языковой системы, поскольку наиболее частотные и устоявшиеся формы переходят в другие функциональные стили именно из РР, что приводит к изменению нормы языка [7, с. 166]. Исследователями выделяется ряд

особенностей разговорного стиля на различных уровнях языка. Лексический пласт включает заимствования из внелитературных подсистем национального языка (жаргон, просторечие), поскольку жаргонное слово прагматически заряжено и имеет эмоциональные коннотации [12].

Для РР характерны две стилеобразующие тенденции, имеющие противоположный характер, а именно, компрессия и избыточность. Компрессия проявляется на всех уровнях языка и распространяется на все семантически избыточные элементы (фонетическая редукция вспомогательных глаголов в английском языке). Убыстренный темп речи приводит к опущению семантически избыточных неударных элементов (к примеру, местоимений 1 и 2 лица) [1, с. 351].

На уровне лексики компрессия проявляется в употреблении одноморфемных слов, глаголов с постпозитивами (фразовые глаголы), аббревиатур, эллипса (слияние двух слов путем стяжения), слов широкой семантики, транзитивном употреблении непереходных глаголов и т.д. Для синтаксиса наиболее характерна эллиптичность [1, с. 353]. В разговорном стиле принцип экономии (закон наименьшего усилия), выдвинутый А. Мартине, может проявляться не в сокращении сегментов или грамматических форм, но в более простом способе передачи семантически тождественного высказывания (вместо *The mother kissed the child's tears away – The mother kissed the child and he stopped crying*).

Неофициальность и непринужденность РР определяет такие качества, как компрессия, эмоциональность, спонтанность. Характерной особенностью разговорного стиля является экономия за счет различного рода сокращений на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом. Синтаксическая компрессия может порождать некодифицированные сочетания [12].

Тенденция к избыточности связана со спонтанностью и неподготовленностью РР. С социолингвистическими факторами связывают контактоустанавливающую и эмотивную функции: речь должна быть тактичной, небезразличной к собеседнику, что объясняет многообразие форм вежливой модальности. К примеру, глагол «do» в утвердительном предложении перед другим глаголом используется для выражения уверенности, согласия со словами собеседника [1, с. 355].

Наиболее явным отличием от письменной, либо устной подготовленной речи является синтаксический инвентарь спонтанного разговорного дискурса. По результатам исследования спонтанной речи молодых женщин в комедийном ток-шоу «ШГН», главной особенностью синтаксиса РР в неформальном общении является обилие повторов и избыточность в одних сегментах высказывания и недостаточность в других. Одним из системообразующих экстралингвистических факторов в РР выступает стремление говорящего к экономии усилий. Как утверждает В. П. Москвин, наиболее активна компрессия на фонетическом уровне, реже – на морфемном (например, «встретил Михал Иваныча»), на лексическом (словообразование) возможна универбация, усечение, в синтаксисе – метонимия, эллиптичность. Автор отмечает, что коммуниканты всегда недоговаривают то, что дано обстановкой или предыдущим опытом говорящих [6, с. 38].

Наблюдение за речью участниц ШГН подтверждает данную точку зрения: важные для говорящего детали акцентируются посредством избыточности речевых

средств, что происходит за счет сокращения по умолчанию понятных собеседнику сегментов. Нередко избыточность и эллипс встречаются в одном высказывании: «Not so much <from> fans, but one lady I met in a chip shop. Just that one lady». – Не так уж много <от> фанатов, только от одной дамы, которую я встретила в закуской. Только от этой дамы (здесь и далее перевод мой – *Онищенко Ю. В.*); «...there's a... there's a sort of facedown moment and...» – это... это как бы унижительный момент; «Yeah, it's so, it's really weird. I don't think she sees... I think she thinks...». Нередко говорящий, следуя за мыслью, обрывает предложение на середине: «But it was quite a... We cuddled» – но это было вполне... мы обнимались.

Специфичной чертой РР считается сочетание ряда структурно-семантически связанных реплик, которое представляет собой более крупную единицу, чем предложение. Как правило, это вопросно-ответные единства с подхватом, повтором или синтаксически параллельные, что также порождает большое количество односоставных предложений [1, с. 354].

Говорящий может отвечать на специальный либо альтернативный вопрос ведущего односоставным нераспространенным, или распространенным междометиями и/или наречиями предложением. «Does it help the discipline or hinder it? – Oh, hinder, yeah». – Помогает ли это дисциплине или мешает ей? – О, мешает, да. Односоставным нераспространенным предложением может быть ответ на каверзный вопрос ведущего, к которому говорящий не был готов. В таком случае первой реакцией является краткая ответная реплика, за которой как правило следует более развернутый и детальный ответ.

О. Б. Сиротинина указывает на то, что для разговорной речи нормативны неполные ответы (нейтральны) и напротив, ненормативны полные (эмоционально маркированы) [11, с. 48]. Лингвисты также отмечают, что в устной коммуникации полные предложения могут иногда рассматриваться как своего рода нарушения нормы и используются в особых целях, например, для выражения недовольства в подчеркнуто-официальном тоне, вежливом, но в то же время настойчивом приказании, для предъявления претензии и т.д. [5, с. 56].

Среди средств, создающих речевую избыточность, встречаются различные виды повторов. Распространена тавтология, к примеру: «I checked my voicemail and there was a voicemail» – Я проверила свою голосовую почту и там было письмо (эпифора в сложносочиненном предложении); «I was at the theatre. I was at the Tristan Bates Theatre, and I was with my friend, and...» – Я была в театре. Я была в театре «Тристан Бейтс» и я была с другом, и... (повтор и уточнение); «...it varies, it varies, I think». – ...бывает по-разному, по-разному, я думаю»; «...a few twists in there which are really, really good» – ...есть повороты сюжета, которые действительно, действительно хороши (анадиплосис). Как художественный прием тавтология служит привлечению внимания к определенной детали повествования, тому или иному качеству.

Распространены повторы-подхваты: «She was pregnant, eight months pregnant at the time and during that time gave birth to the producer of the film, Jonathan Cavendish. He's the producer of the film». – Она была беременна. Уже восемь месяцев беременна в то время, и в то же время родила продюсера этого фильма, Джонатана Кавендиша. Он является продюсером фильма.

Информанты используют плеоназм, в частности, семантический: «Well, I think, I mean, my youngest...» – Ну, я думаю, я считаю, моя младшая... «They made the first – they invented and made...» – Они сделали первый – они изобрели и сделали», грамматический плеоназм: «from the beginning, it's always been that I've known and...» – Всегда было так, что я знала о... (вместо более краткой конструкции «I've always known»). – Я всегда знала).

Повтор может сочетаться с градацией для передачи эмоционального напряжения: «I was really shocked <...> I was completely shocked». – я была действительно шокирована <...> Я была абсолютно шокирована. «...has seen it and absolutely loved it and sort of wants to talk about it all the time now». – ...посмотрела его и была от него в полном восторге, и теперь как бы все время хочет о нем говорить.

Плеоназм может выражать нежелание говорящего прямо отвечать на вопрос. Когда ведущий спрашивает, насколько заранее пришлось приехать актрисе и ее мужу на королевскую свадьбу, она отвечает: «I don't know, I mean, it wasn't a problem, I wasn't counting, I...» – Я не знаю, это не было проблемой, я не считала, я... Ведущий уточняет: «Серьезно, сколько часов?» участница дает краткий ответ «Два».

В. П. Москвин указывает на такие проявления компрессии, как паратакисис – пропуск союзов в сложноподчиненном, и наоборот, избыточности – гипотаксис [6, с. 40]. В исследовании речи участниц «ШГН» повторы (тавтология, плеоназм) часто комбинируются с полисиндетоном. Многосоюзи́е служит приемом, создающим динамизм, непрерывность повествования, связывает и хронологически упорядочивает воспоминания. В монологе каждого информанта присутствует сочинительная связь с союзом «and»: «I was at the chip shop *and* a woman came in and we started chatting <...> and we started having a chat *and* she'd been on a Tinder date *and* she was a bit drunk *and* she was talking about how...» – я была в бистро и зашла женщина, и мы разговорились <...> и мы начали болтать, и она была на свидании после знакомства в Тиндере, и она была немного пьяна и она об этом сейчас говорила.

Другим приемом для создания динамизма является асиндетон, который может также иметь характер нарастания, градации. Нарастание и противопоставление также придают драматичность повествованию: «Their life was seemingly going incredibly well, they were young, they were in love, and then suddenly he was told he had three months to live» – В их жизни, казалось, все шло невероятно хорошо, они были молоды, влюблены, и вдруг ему сказали, что ему осталось жить три месяца.

Говорящие часто прибегают к антитезе как к приему выразительности спонтанной речи: «I can't keep my own secrets, terrible, but those of other people – fantastic». – Я не могу хранить свои секреты, но секреты других людей - отлично, «lot of laughs and tears, good versus evil» – много смеха и слез, добро против зла, «If I can in any way help a teenager go through what I was going through and come out of it» – Если я могу любым способом помочь подростку пройти, то, через что я прошла, и выйти из этого... Противопоставление может иметь форму параллельной конструкции: «I did a book signing and I had mostly *young* girls and, weirdly, *older* men...» – Я подписывала книги и в основном приходили молодые девушки, и, что странно, мужчины старшего возраста. Параллельные конструкции могут быть анафоричными: «When you just click with someone *and* you have that, when you're creating something, *and* you just have that spark and these ideas of more things...» – Когда что-то щелкает и вы с

кем-то чувствуете это, когда вы что-то создаете, и у вас просто есть эта искра и появляется все больше идей... и эпифоричными: «She thinks this is what Sunny's *tommy* does and this is what my *tommy* does» – Она думает, что это то, чем занимается мама Санни, а это то, что делает моя мама.

Для синтаксиса спонтанной речи характерна некая иррациональность, скачкообразность. Используется большое количество вставных конструкций, уточняющих предложений: «Rob Marshall, *the director*, called me...» - Роб Маршал, *продюсер*, мне позвонил...; «My youngest, *my two year old*, has a sort of attention span of a fly» – У моей младшей, *которой два года*, кратковременная память будто у мухи (уточняется подлежащее); «She goes, «Do your (*she is American of course, sounds American*) – do your Mary Poppins' voice». – И она говорит: «Скажи (*она американка, звучит как американка*) – скажи голосом Мери Поппинс; «It was a moment of – *oh my god this is happening* – you know» – это был момент – *о боже, это происходит* - знаете (прямая речь в роли дополнения); «Oprah showed up which, *when you realize that you are later then Oprah*, kind of hurries you along, so we hustled». – Объявилась Опра, что, *когда ты осознаешь, что пришел позже Опры*, заставляет поторопиться, то есть мы поспешили; «I really enjoyed meeting you, *can I just say to her, wherever she - she's not in the audience*». – Мне понравилась наша с Вами встреча, *можно я ей скажу только это, где бы она* – она не в зале (неожиданное обращение к зрительской аудитории).

Часто парные союзы имеют лишь одну часть конструкции, тогда как второй части будто и не подразумевалось, к чему говорящие прибегают вероятно для создания юмористического эффекта: «I thought well either he's going to propose to me and I'd probably say yes <pause, audience laughing>, but when he said, you know, there was this long preamble and then he did announce it was Mary Poppins, I was completely shocked». – Я подумала, либо он хочет сделать мне предложение и возможно я соглашусь <пауза, смех аудитории>, но, когда он сказал, знаете, сначала было долгое вступление и затем он наконец сообщил, что речь идет о Мери Поппинс, я была потрясена.

Спонтанность и неподготовленность приводят также к стереотипизированности речи, предсказуемости, к примеру, ответной реплики в диалоге [3, с. 25]. РР присущи самоперебивы, поправки, самоуточнения, обрывы речи, к которым приводит нехватка времени на обдумывание. Вследствие прямого контакта с коммуникантом устной речи свойственны применения всего потенциала звучащей речи всех возможностей средств супrasegmentного ряда: интонации, паузирования, более свободный порядок слов по сравнению с книжной речью [6, с. 44].

Односоставные предложения могут быть разделены паузами, что соответствует парцелляции на письме: «And it was a special moment. For me, as well. I mean, it was a depressing moment for her, but I loved her». – И это был особенный момент. Также и для меня. Я хочу сказать, это был угнетающий момент для нее, но я чувствовала, что люблю ее. В данном примере паузация усиливает противопоставление *special – depressing*.

Появление эллипсов и пауз имеет семантическую обусловленность, так, эллипс может возникнуть тогда, когда информант не договаривает часть просторечного либо бранного выражения: «I was, «Holy [shit]... I'm Mary Poppins». – И я сказала: Черт возьми! Я Мери Поппинс. Встречаются случаи использования табуированной

лексики без эллипса: «...we were hugging. She said: “This is the longest fucking hug in the world», so I remember being like... <pause> so...» – Это были чертовски долгие объятия, самые долгие в мире, и я помню, что я... <пауза> Итак...». В РР могут существовать вкрапления бранных слов или их эвфемизмы (в фамильярно-разговорном стиле) (damn, lousy, fucking, freaking), которые многофункциональны, выражают как положительные, и так и отрицательные качества, оценки, а также находящиеся вне литературной нормы сленгизмы, для которых характерна грубая экспрессивность, пренебрежительная или шутливая образность. В разговорный стиль включен так называемый детский язык (baby-talk), включающий звукоподражания, уменьшительные суффиксы, и т.д. [1, с. 358].

В речи участниц ток-шоу отмечается использование разговорных выражений («Other people's secrets I can keep *no sweat*». – Секреты других людей я могу хранить вообще *без проблем*, «*stuff like that*» – и всё в таком роде, «when you just click with someone» – когда тебе удастся с кем-то поладить), сленговой лексики («...you know that thing when people shake, that always kind of *freaks me out*» – знаешь, когда люди начинают дрожать, это всегда меня *бесит*), табуированных лексем («it was a *fucking long play*» – и каким же долгим был этот *чёртов* спектакль).

Одной из характерных черт на лексико-семантическом уровне является использование слов-филлеров (дискурсивов) со значением частиц «как бы», «типа», «вроде», которые дают возможность говорящему заполнить паузу, пока он выбирает подходящее средство выражения того или иного семантического элемента высказывания («timefillers», или «сорные слова» по И. В. Арнольд: well, I mean, you see, like as if [1, с. 354]). Такими «заполнителями» в исследуемом ток-шоу являются *sort of, kind of, like, you know, I mean, I think*. К примеру, «... and describes very much the *kind of* smells and the emotions...»; «And it's got a *kind of* crime/mystery solving element to it as well»; «...that always *kind of* freaks me out cos (because)...»; «This phone call had such a *sort of* charged energy behind it...»; «It is a *sort of* nostalgic. ...and *sort of* wants to talk about it all the time...»; «They were *sort of* forced into that position». В. П. Москвин указывает на такую причину появления «слов-сорняков», составляющих целую систему слов-заполнителей пауз, как недопустимость молчания [6, с. 45].

Тогда, как филлеры-дискурсивы *a sort of, a kind of* передают неуверенность говорящего, например, при описании эмоционального состояния человека «She was quite *sort of* impassive watching the film just *sort of* didn't just *sort of* didn't reveal much of what she felt», фраза *you know* сокращает дистанцию между говорящим и аудиторией, подразумевая что-то знакомое всем «We started chatting wait <пауза> you know, cos they were battering our cod»; *I mean, I think* вводят мнение говорящего выражают субъективность, либо вводят какую-либо деталь, дополнение, подробности того или иного события: «Well, I think, I mean, my youngest...»

Следует отметить, что говорящие также прибегают к фонации, чтобы избежать молчания, поскольку у молчания есть собственные коммуникативные функции (например, виновато молчать, молчание-знак согласия и т.д.). также влияет на структуру разговорной речи визуальный контакт, элементы которого сопровождают и влияют на информационный эффект языковых средств [6, с. 45].

Следует обратить внимание на расширение семантических и грамматических коннотаций лексемы «like» в современной британской РР: «like» выступает различными частями речи и имеет разную синтаксическую функцию [14]. В данном исследовании было отмечено использование лексемы «like» в широком семантическом спектре, наиболее часто – при вводе прямой речи, при чем молодые женщины используют вместо «I/he/she says/said» для придания динамичности и подвижности описываемым событиям конструкции с «like», за которыми часто идет междометие: They'd be like «Action». I was like, «Wait, what?!» I was like, «Agh!» I was like, «Thanks!» ...and I'm like, «I'm ready. I can do it, I can do it». Характерно использование «like» перед паузой, которая на невербальном уровне сопровождается, заполняется пожиманием плечами, либо жестом, выражающим удивление, недоумение, или другую эмоциональную реакцию: «I remember being like...? (разводит руками)». Для завершения мысли/перечисления используются фразы anything like that/stuff like that. Единоразы зафиксировано сравнение, где like выступает предлогом (We all sat around like kids), также однократно like находим в значении «нравиться» (They like impersonating me in the bathtub).

Примечательно, что для передачи прямой речи, кроме упомянутых конструкций с «like» широко используется глагол «go» в значении «говорить», как в настоящем, так и в прошедшем неопределенном и длительном временах: «You'd hear Joe go, «Emily, what you get if...» And two of them go, «No, not yet». I was going, «You may but I may not say yes». Кембриджский словарь указывает на значение «go+speech» с пометой «informal» [15].

Привлекает интерес полисемантность лексемы «thing», которой говорящие часто заменяют другие слова. В устной речи под словом «thing», «things» говорящий подразумевает что-то, что и так ясно собеседнику, либо выражает нежелание останавливаться и пояснять детали (экономия языковых средств на лексическом уровне). Лексема может носить эмфатический характер или служить с целью привлечения внимания к детали рассказа. В предложениях «it was the last thing I expected him to say...»; «it's an interesting thing with disability...», «modern medicine is an incredible thing...»; «The amazing thing I think about it is...» слово «thing» выделяет, «подсвечивает» предмет разговора, выносит его на первый план. С меньшей частотностью используется лексема «stuff» в схожих значениях: «it was stuff we'd shot from episode seven», «...and stuff like depression».

Для РР характерны также контактоустанавливающие усилители (*after all, actually, really, not really, certainly, surely*). Лексемы *actually, infact, indeed, really, undoubtedly*, глагол *seem* поддерживают эмотивную и контактоустанавливающую функции. Эмотивная функция является причиной появления усилитель-вопросительных слов *who, how, when* и т. д. в сочетании с *ever, on earth, the devil* и т.д. (Who on earth can that be?) имеет невежливый характер, выражает раздражение [1, с. 357].

В речи участниц ШГН средством усиления экспрессивности выступает частотность некоторых наречий. В монологах пяти участниц была подсчитана частотность следующих лексем: наречие *just* произнесено 31 раз (it was just for a second; just out of nowhere; remember just being stunned; when you just click with

someone), *really* – 9 (перед прилагательным – *really good, really weird*, причастием – *I was really shocked*, глаголом – *really wanted; I really enjoyed meeting you*), *very* – 7 (*very moving, very visceral*), *actually* – 3 (*my dad is actually from Liverpool; «...or actually It's OK to be depressed...»*). Отмечены следующие наречия со значением дополнительной эмоциональной окраски: *surprisingly, weirdly* (удивление), *seemingly, incredibly* (уверенность), *basically, literally, completely* (степень выраженности признака). Еще одной частотной лексемой является *so* в роли различных частей речи: наречия – 17 раз (*so many of these girls; so instantly magical*, в т.ч. дважды во фразе «*I think so*») и 17 раз в роли союза, выступающего либо для выражения причинно-следственной связи, либо для ввода новой мысли (*So, it is a domestic drama; I didn't think that there would be a toilet, so I didn't drink anything*). Наречиями-дискурсивами выступают *anyway, finally*.

По мнению исследователей, на морфологическом уровне механизм создания экспрессивного эффекта основывается на соотношении денотативного и коннотативного значений морфологической формы, а экспрессивный эффект возрастает там, где в различных контекстуальных условиях происходит сближение грамматических форм, их переосмысление и транспозиция [7, с. 172]. Случаи употребления морфологических форм на стилистические экспрессивные, стилистические неокказиональные неэкспрессивные, стилистические узуальные экспрессивные и нейтральные [там же, с. 166]. Основными способами создания стилистической коннотации на морфологическом уровне автор считает такие явления, как: транспозиция иных частей речи в разряд прилагательных, использование множественного числа существительных в случае дуплетных форм, одна из которых архаична, либо существительных, не предусматривающих образование множественного числа, персонификация личных местоимений (замена *it* на *he, she* и т.д.). Стилистическими приемами, связанными с грамматикой глагола, являются эмфатические конструкции (глагол *do* в утверждении) и случаи транспозиции глагольных форм, к примеру, претеритный презенс, или передача прошедших действий настоящим временем, когда реципиент вовлекается говорящим в уже свершившиеся события, он становится их участником и очевидцем [7, с. 171].

В речи участниц ШГН на грамматическом уровне отмечены предложения с подлежащим во 2 лице, которые служат сокращению дистанции с читателем: «*When you think of Mary Poppins you think of yourself as a child and how you grew up*». – Когда ты думаешь о Мери Поппинс, ты думаешь о своем детстве и о том, как ты рос. Говорящие усиливают утверждение в прошедшем времени вспомогательным глаголом: *he did announce* – он объявил; *people do often tell me* – люди часто говорят мне.

Для РР характерно использование глаголов с предлогами, фразовых глаголов (*get through* – позвонить, *pick up* – выбрать, *pick up* – ответить на звонок, *show up* – явиться, прийти, *bring back* – вызывать воспоминания, *come up* – подойти, *come out* – открыться, довериться, *finish off* – закончить с чем-то, *go back in* – вернуться обратно в здание).

Распространена превосходная степень сравнения прилагательных и наречий: «*we're going to make the best of it*» (мы сделаем все наилучшим образом), «*the most*

amazing job» (самая отличная работа), «this is the longest fucking hug in the world» (самые чертовски долгие объятия в мире).

Для повествования о прошедших событиях говорящие используют не только прошедшее неопределенное и совершенное (narrative tenses), но и претеритный презенс, при чем, настоящее неопределенное используется и вместо настоящего либо прошедшего совершенного («we always knew it was only going to be two series» – мы всегда знали, что будет две серии; «it was always such a passion for me» – для меня это всегда было страстью), настоящее неопределенное вместо конструкции «used to» («I wrote a diary when I was younger». – Я вела дневник, когда была моложе).

Отмечен случай замены единственного и множественного числа с экспрессивной целью: «there's (единственное) lots of ups and downs (множественное)» – там много подъемов и спадов.

ВЫВОДЫ

Исследование морфосинтаксических и лексико-семантических особенностей РР привлекает внимание зарубежных и отечественных лингвистов по ряду причин: объединяя элементы кодифицированной нормы и языковых средств, находящихся на периферии стандарта либо за его пределами, РР аккумулирует традиционное и инновационное в языке, позволяя прогнозировать языковое изменение. Законы, по которым функционирует устная спонтанная речь, все еще требуют систематизации и приведения к единообразию, чему и призваны послужить эмпирические исследования РР на материале различных языков.

Стилистический и социолингвистический анализ речи молодых женщин-участниц «ШГН», владеющих британским нормативным вариантом АЯ, позволяет сделать следующие выводы:

1. На синтаксическом уровне РР свойственны проявления избыточности (повторы: тавтология, подхват, анадиплосис, плеоназм и т.д.), и компрессии (эллипс, неполные ответы, асиндетон, обрывы речи), при чем, с эмфатической целью обе тенденции могут использоваться в одном и том же высказывании. В целом, синтаксис РР имеет особую структуру, характеризуется большей иррациональностью и свободой, чем синтаксическая организация письменной речи.

2. Для лексико-семантического уровня характерно широкое использование экспрессивно окрашенных наречий, слов-дискурсивов, клишированность ответных реплик, расширение семантики и морфосинтаксиса лексемы «like», частотное использование лексем «thing», «stuff».

3. Паузация тесно связана с проявлением невербальных коммуникативных средств, эмоциональным состоянием говорящего, коррелирует с включениями в речевую канву сленгизмов или табуированной лексики.

4. Морфологические и грамматические особенности РР в жанре комедийного ток-шоу характеризуются упрощением использования категории времени глагола, глаголов с предлогами и фразовых глаголов, однако, в целом характеризуются соблюдением нормативной парадигмы литературной формы языка.

Таким образом, РР характеризует непосредственное, спонтанное, непринужденное, неофициальное общение, в котором наиболее отчетливо

реализуется коммуникативная функция языка. РР владеющих нормой носителей языка также может включать некодифицированные элементы (просторечие, сленг, жаргон, вульгаризмы), имеет такие стилеобразующие тенденции, как компрессия и избыточность. Участницы «ШГН» при сохранении грамматической корректности широко используют средства экспрессивности на всех уровнях языка, в частности, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, что отличает спонтанный дискурс от письменной речи носителей литературной нормы.

Список литературы

1. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов*. 13-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384 с.
2. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гейльман Н. И. и др. *Фонетика спонтанной речи*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 248 с.
3. Земская Е. А. *Русская разговорная речь*. – М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1968. – 97 с.
4. Коняшкин А. А. О соотношении понятий "разговорная речь" и "разговорный стиль" // *Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова*. – 2019. – № 29. – С. 50–55.
5. Малкова А. И., Мирошниченко Л. Н. Особенности употребления языковых единиц в фамильярно-разговорном стиле современного английского языка // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. – 2019. – № 1 (32). – С. 52–59.
6. Москвин В. П. Разговорный стиль как система // *Русская речь*. – 2005. – № 4. – С. 37–48.
7. Перехода Е. И. Стилистический потенциал грамматических форм в разговорной речи (на материале современного английского языка) // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. – 2010. – № 120. – С. 164–174.
8. Петренко А. Д., Онищенко Ю. В. Актуальные тенденции реализации гласных монофтонгов в британском произносительном стандарте (на материале речи участников комедийного ток-шоу) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – С. 73–87.
9. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Опыт социофонетического изучения звучащей речи // *Иностранные языки в высшей школе*. – 2019. – № 3 (50). – С. 23–36.
10. Пешиковский А. М. *Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики*. – М.; Ленинград: Гос. изд-во. – 1930. – 176 с.
11. Сиротинина О. Б. *Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи*. – М.: Просвещение, Учеб. лит., 1996. – 174 с.
12. Чохонелидзе Н. С., Нодия Т. Т. Разговорный стиль современного русского литературного языка // *Вестник науки и образования*. – 2021. – № 14–3 (117). – С. 23–26.
13. Щерба Л. В. *Современный русский литературный язык // 120 лет ЛГУ. Тезисы докладов*. – Л., 1939. – С. 19–26.
14. Cambridge Dictionary. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like>. – (Дата обращения: 07.10.2024).
15. Cambridge Dictionary. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/go>. – (Дата обращения: 07.10.2024).

References

1. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk: uchebnik dlja vuzov* [Style. Modern English language. textbook for universities]. 13-e izd., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 384 p.
2. Bondarko L. V., Verbitskaja L. A., Gejl'man N. I. et al *Fonetika spontannoju rechi* [Phonetics of spontaneous speech]. Leningrad, Leningradskii uniuersitet Publ, 1988. 248 p.
3. Zemskaja E. A. *Russkaja razgovornaja rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, AN SSSR. Institut Russkogo Jazyka Publ., 1968. 97 p.
4. Konjashkin A. A. *O sootnoshenii ponjatij "razgovornaja rech'" i "razgovornyj stil'"* [The relationship between "conversational speech" and "conversational style"]. *Vestnik HGU im. N. F. Katanova*, 2019, № 29, pp. 50–55.

5. Malkova A. I., Miroshnichenko L. N. *Osobennosti upotreblenija jazykovyh edinic v famil'jarno-razgovornom stile sovremennogo anglijskogo jazyka* [Features of using language units in the familiar-colloquial style of modern English language]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 2019, no 1 (32), pp. 52–59.
6. Moskvina V. P. *Razgovornyj stil' kak sistema* [Colloquial style as a system]. *Russkaja rech'*, 2005, no. 4, pp. 37–48.
7. Perehoda E. I. *Stilisticheskij potencial grammaticheskikh form v razgovornoj rechi (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [Stylistic potential of grammatical forms in spoken speech (on the material of modern English language)]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*, 2010, no 120, pp. 164–174.
8. Petrenko A. D., Onishenko Ju. V. *Aktual'nye tendencii realizacii glasnyh monoftongov v britanskom proiznositel'nom standarte (na materiale rechi uchastnikov komedijnogo tok-show)* [Current trends in the realization of vowel monophthongs in standard British pronunciation (on the material of the comedy talk show participants' speech)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, Vol. 8 (74), no 4, pp. 73–87.
9. Petrenko A. D., Petrenko D. A. *Opyt sociofoneticheskogo izuchenija zvuchashhej rechi* [The experience of sociophonetic study of sounding speech]. *Inostrannye jazyki v vysšej shkole*, 2019, no 3 (50), pp. 23–36.
10. Peshkovskij A. M. *Voprosy metodiki rodnogo jazyka, lingvistiki i stilistiki: [sbornik statej]* [The aspects of methodology of the native language]. Moscow, Leningrad, 1930. 176 p.
11. Sirotnina O B. *Chto i zachem nuzhno znat' uchitelju o russkoj razgovornoj rechi* [What and why a teacher should know about Russian colloquial speech]. Moscow, Prosveshhenie, Uchebnaja literatura Publ., 1996. 174 p.
12. Chohonelidze N. S., Nodija T. T. *Razgovornyj stil' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Colloquial style of the modern Russian literary language]. *Vestnik nauki i obrazovanija*, 2021, no 14–3 (117), pp. 23–26.
13. Sherba L. V. *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk* [Modern Russian literary language] *120 let LGU. Tezisy dokladov*. Leningrad, 1939, pp. 19–26.
14. Cambridge Dictionary. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like> (accessed 07 October 2022).
15. Cambridge Dictionary. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/go> (accessed 07 October 2024).

STYLISTIC FEATURES OF ENGLISH SPEECH (BRITISH STANDARD) IN THE GENRE OF COMEDY TALK-SHOW

Onishenko Ju. V.

The article investigates distinctive features of informal speech of British English speakers implemented in the genre of comedy talk show. The research is based on speeches of British young women. The article presents a review of scientific literature where the problem of stylistic belonging of conversational style and status of informal speech is studied and the characteristics of spoken language are defined. The author uses extensive empiric material to conduct the analysis of the expressive means of oral spontaneous speech at such levels of language as lexical, morphological, and syntactic one is conducted with the help of general scientific and specialized methods aimed at identifying distinctive constituting features of conversational style in the speech of young female British participants of the comedy talk show «The Graham Norton Show», systematization of the obtained data, as well as interpretation of results in the sociolinguistic aspect. The present study not only contributes to the development of a modern functional stylistics of English language, but also enriches knowledge about the characteristics of the modern British English language which can also be used for didactic purposes in foreign language classes at the university.

Keywords: British English, conversational speech style, standard language, informal speech, sociolinguistic analysis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асанова Зера Ариповна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия.

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Болтуц Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Бортников Владислав Игоревич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия

Валеева Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

Вышенская Юлия Павловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения ФГБОУ «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия

Грищенко Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Казарян Надежда Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Капустина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Литвинчук Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Онищенко Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сергеева Александра Денисовна – магистр лингвистики Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия.

Яковлева Елена Павловна – преподаватель кафедры английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

**1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ****Болтуц О. А.**ФЕЛЬЕТОННЫЙ ЦИКЛ «ПИСЬМА К ДЯДЮШКЕ»
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТУАПСИНСКИЕ ОТКЛИКИ».....3**Капустина С. В.**ЛИТЕРАТУРОГЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО МАСТЕРСТВА:
ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ КРОССДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....11**Лучинский Ю. В.**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ «МАРШРУТЫ» ИОСИФА ШНИПА:
ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ ПЕРИОД.....23**Первых Д. К.**АЛЕКСАНДР КОЦ:
ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ И ПИСАТЕЛЬ.....33**2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС****Баранская Е. М.**

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО.....46

Бортников В. И., Сергеева А. Д.СТИХОТВОРЕНИЕ ДЖ. Б. СМИТА
“THE BURIAL OF SOPHOCLES (THE FIRST VERSES)”:
ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА61**Вышенская Ю. П.**ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕНЕТИКА
ТЕАТРАЛЬНОГО ТЕКСТА ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ.....77**Грищенко А. С.**ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ Ф. ШИЛЛЕРА В РОМАНЕ
И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ».....88**Иванова Н. П.**КОНЦЕПТ «ВЕЧНОСТЬ» В КИММЕРИЙСКОМ ТЕКСТЕ
РУССКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА.....96**Казарян Н. С.**КОМЕДИИ А. Ф. ПИСЕМСКОГО В ДИАЛОГЕ
С НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИЕЙ XVIII ВЕКА.....107

**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Валеева Л. В.

МОТИВАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕРИВАТОВ
КОРНЯ-ОСНОВЫ ХИТ- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА.....124

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ.....138

**4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Асанова З. А.

ПЛАЧ КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ).....150

Литвинчук И. Н.

«ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В ЭПОХУ ТРАНСЛИНГВИЗМА:
СООТНОШЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ.....160

Онищенко Ю. В.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ)
В ЖАНРЕ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ.....179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....193